

Серия

2012

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Выпуск 2 (10)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Professional Education «Perm State National Research University»

Серия «Философия. Психология. Социология» издается философско-социологическим факультетом Пермского государственного национального исследовательского университета с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований. Приоритетным правом на публикацию пользуются статьи молодых ученых.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles. The papers of young scientists use the priority right to the publication.

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия (ПИ № ФС77-39902 от 19 мая 2010 г.)

Территория распространения —
Российская Федерация

© ФГБОУ ВПО ПГНИУ, 2012

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (профессор, докт. филос. наук)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Николаевич Железняк (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (профессор, докт. филос. наук, Киров), *Владимир Вячеславович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Виктор Дмитриевич Балин (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Асия Гарафовна Исмаилова* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (профессор, докт. психол. наук, Киров), *Александр Октябрьнович Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Тула)

СОЦИОЛОГИЯ

Анатолий Григорьевич Антипов (профессор, докт. социол. наук, Пермь), *Вячеслав Борисович Житенев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Евгения Анатольевна Козай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Галина Ивановна Осадчая* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *Валерий Германович Попов* (профессор, докт. социол. наук, Екатеринбург), *Татьяна Николаевна Юдина* (профессор, докт. социол. наук, Москва)

Международный редакционный совет

Джорджио Де Маркис (профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), Стивен МакДауэлл (профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), Майкл Рьюз (профессор философского факультета, Университет штата Флорида, США), Дьёрдь Сарвари (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия), Александр Строканов (профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, Вермонт, США), Дмитрий Широков (профессор, докт. филос. наук, акад. Национальной академии наук Беларуси, Минск, Белоруссия), *Жига Кнап* (профессор, докт. философии, Люблянский университет, Словения), *Исаак Эберштейн* (профессор социологии, заведующий кафедрой социологии, университет штата Флорида, США)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. +7(342) 2396-823.

E-mail: fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.

Web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Картезианская метафизика последней четверти XVII века <i>А.А. Кротов</i>	4	Cartesian metaphysics of the last quarter of XVII century <i>Artem A. Krotov</i>
Доктрина И. Канта: обеспечение единства системы средствами религиозной проблематики <i>И.И. Иванова</i>	11	The Kant doctrine: provision of system integrity with means of religious problems <i>Irina I. Ivanova</i>
Различие как событие: возможность мышления <i>С.В. Комаров</i>	18	Difference as being event: possibility of thinking <i>Sergei V. Komarov</i>
Отбор в неживой природе как эволюционный механизм и производственный принцип конвергентных технологий «неоиндустриального» общества <i>А.Ю. Внутских</i>	31	Selection at inorganic nature as evolutionary mechanism and manufacturing principle of «neo-industrial» society's nbic-technologies <i>Aleksandr Y. Vnutskikh</i>
Учение Альфреда Вебера об историческом процессе <i>К.В. Прокументик</i>	47	Alfred Weber's doctrine of historical process <i>Kirill V. Prozumentik</i>
Современный социум, труд и человек в концепциях постиндустриального общества <i>К.В. Патырбаева</i>	53	Society, labor and subject of labor in concepts of postindustrial society <i>Kseniya V. Patyrbaeva</i>
Универсальная характеристика в метафизическом проекте Г.В. Лейбница <i>А.С. Журавлева</i>	69	Universal characteristic in metaphysical project of G.B. Leibniz <i>Alexandra S. Zhuravleva</i>
Принцип историзма в философии немецкого экзистенциализма <i>О.В. Самылов</i>	80	Principle of historicism in the philosophy of german existentialism <i>Oleg V. Samylov</i>
Физикалистский редукционизм Рудольфа Карнапа <i>Д.П. Суровягин</i>	87	Physical reductionism of Rudolf Carnap <i>Dmitriy P. Surovyagin</i>
О философских основаниях научной политики <i>Д.С. Волковецкий</i>	98	About philosophical basis of scientific politics <i>Dmitry S. Volkovectky</i>

Анализ философских аспектов общей свободы	105	Assay of philosophical aspects of common freedom
<i>А.С. Комаров</i>		<i>Anton S. Komarov</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Позитивный потенциал одиночества в юношеском возрасте	112	Positive potential of the loneliness of youth personality growth
<i>Е.В. Неумоева-Колчеданцева</i>		<i>Elena V. Neumoeva-Kolchedantseva</i>
Фрустрация игрового желаяния и мотивация участников многопользовательских компьютерных ролевых игр: эмпирические основания для стратегий психологического консультирования	121	Game wills frustration and motivation for mmorpg: empirical basis for development of counselling strategies
<i>С.В. Вайнштейн, А.С. Смирнова</i>		<i>Sergey V. Weinstein, Anastasiya S. Smirnova</i>
Арттерапевтические занятия с супружескими парами, ожидающими рождения ребенка	134	Arttherapy sessions for spouse pairs expecting the child birth
<i>Д.Г. Трунов</i>		<i>Dmitry G. Trunov</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Глобализация: релевантность идентичности и неопределенности	140	Globalization: the relevance of identity and uncertainty
<i>Р. Ризман</i>		<i>Rudolf Rizman</i>
Социальная динамика партикулярных структур и методология кластерного подхода	151	Social dynamics of particular structures and methodology of cluster approach
<i>А.И. Лойко</i>		<i>Alexander A. Loiko</i>
Мифическая составляющая картины мира	159	The mythical world-view element
<i>А.И. Шафоростов</i>		<i>Alexander I. Shaforostov</i>
Социальная польза музея для учащейся молодежи: сущность и проблемы	167	A social advantage of museum for studying youth: essence and problems
<i>Л.А. Хачатрян, А.А. Чернега</i>		<i>Lyudmila A. Hachatryan, Artem A. Chernega</i>
Информация для авторов		Instructions for english speaking authors

---

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

**КАРТЕЗИАНСКАЯ МЕТАФИЗИКА
ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА*****А.А. Кротов***

В статье анализируется особый этап в развитии метафизики картезианской школы. Рассматриваются учения Ланьона, Феде, Лелевеля, показана их зависимость от философии Мальбранша. В работе отмечаются общие черты названных учений, высказаны соображения о причинах утраты ими своих позиций.

Ключевые слова: Мальбранш; Ланьон; Феде; Лелевель; картезианство; метафизика.

Метафизика картезианской школы на разных этапах ее развития характеризуется неповторимым своеобразием. Особый интерес представляет практически неизученная в отечественной исследовательской литературе философская мысль представителей картезианской школы последней четверти XVII столетия. Ее анализ позволит расширить, дополнив определенными деталями, современные представления о характере историко-философского процесса Нового времени. Идейные искания приверженцев картезианской метафизики в названный период протекали под знаком влияния системы Мальбранша. В теоретическом наследии последнего весьма важную роль играют теория окказиональных причин, концепция «видения вещей в Боге», учение о простоте божественных путей, проявляющихся в управлении сотворенным миром. Принимая дуалистическую онтологию Декарта и его рационалистическую методологию, Мальбранш предлагает существенно иной подход к вопросу о природе психофизического взаимодействия. Отбрасывая представления о посредствующей роли шишковидной железы в процессе взаимодействия души и тела, Мальбранш причиной их связи объявляет божественную волю. С этой точки зрения подлинной причиной всего происходящего в мире высту-

пает Бог, в то время как видимые нами вещи трактуются как причины вторичные или окказиональные. В силу разнородности субстанций Мальбранш считает невозможным их естественное действие друг на друга; познание души внешних вещей рассматривается в подобном контексте как созерцание их идей в божественном разуме. В качестве важнейшей своей задачи Мальбранш рассматривал защиту религии средствами философского разума.

К числу мыслителей картезианской школы, испытавших влияние Мальбранша, принадлежит Франсуа де Ланьон (1650 — ок. 1706). Он родился в Бретани в графской семье, в 1678 г. переехал в Париж, где познакомился с Мальбраншем. В 1679 г. Ланьон был принят как математик в состав Академии наук. Из Академии он был исключен в феврале 1686 г. В 1687 г. Ланьон принял сан священника, в 1697 он входил в число дипломатов, направленных Людовиком XIV в Голландию для заключения Ресвикского мира. В своих «Размышлениях о метафизике» (1678) он говорит о том, что построение названной науки должно начинаться с методического сомнения. Фиксируя собственные мысли, мы вправе задуматься об их природе. «Но, хотя бы я совсем не знал, ни каков их создатель, ни каким способом они произведе-

ны, я не могу сомневаться, что я их воспринимаю. Однако, чтобы воспринимать, нужно существовать» [5, р.84]. От существования души Ланьон переходит к бытию Бога, отстаивая онтологический аргумент. Принимая учение Мальбранша о «видении вещей в Боге», Ланьон рассматривает проблему доказательства существования внешнего материального мира. Декарт в данной ситуации ссылаясь на то обстоятельство, что Бог не может быть обманщиком, а значит, идея материи, воспринимаемая нами ясно и отчетливо, «образуется в нас по поводу вещей внешнего мира, которым она совершенно подобна» [1, с.349]. Ланьон считает, что приведенный тезис не в состоянии помочь найти удовлетворительное решение проблемы реальности материальных тел. Ведь мы ясно и отчетливо никогда не воспринимаем сами вещи, но всегда только их идеи. «Однако имеется большая вероятность, что существует протяжение вне меня, хотя бы я не мог этого доказать безусловно» [5, р.96]. Как и Мальбранш, Ланьон утверждает невозможность непроверяемого, достоверного доказательства бытия материальных вещей. Их реальность с точки зрения нашего ума «весьма вероятна», но все же средствами одного разума не может быть безусловно доказана. Согласно Ланьону, только вера, превосходящая разум, позволяет безоговорочно признать существование внешних материальных тел.

Следуя Мальбраншу, автор «Размышлений о метафизике» познание душ других людей считает возможным осуществлять по аналогии. По Ланьону, о других душах не дает представление никакая идея, не позволяет о них судить и внутреннее чувство. Если бы у нас была ясная идея другой души, мы могли бы легко вывести отсюда все ее свойства. Но такого знания у нас нет. Ланьон говорит о том, что метафизические доводы приводят нас к выводу о бессмертии духов. В уме нет ни высоты, ни ширины, ни длины, следовательно, он не складывается из частей, поэтому никогда не сможет изменить форму. Таким образом, ум не способен к внутреннему разъединению, т.е. не может погибнуть естественным путем. Не может ум быть

уничтожен и внешней силой, поскольку для того, чтобы это произошло, требуется столь же бесконечное могущество, какое необходимо для сотворения его. Следуя Мальбраншу, автор «Размышлений о метафизике» заявляет, что Бог действует всегда наиболее простыми путями. Подобное положение дел — следствие божественного могущества и мудрости. Невозможно допустить, чтобы Бог, постоянный в своих повелениях и простых действиях, пожелал что-либо создать только затем, чтобы вскоре свое же творение уничтожить. Бессмертная душа, согласно Ланьону, присуща человеку, но не животным. Термин «душа», разъясняет французский мыслитель, может пониматься в двух смыслах. Либо душой считается нечто духовное, либо телесное, позволяющее осуществлять движения живому существу. Приписывать душу животным можно лишь во втором из указанных смыслов. В пользу противоположной позиции говорит, казалось бы, то, что некоторые животные способны узнавать и понимать своих хозяев. Действительно, соглашается Ланьон, подобные соображения заставляют признать наличие разума, но не у животных. Все происходящее в материальном мире согласно строгому порядку говорит о присутствии разума. Невозможно, чтобы согласованные движения происходили в силу случайных причин. Например, точно указывающие время часы свидетельствуют об уме, который, однако, находится не в механическом корпусе. Точно также и поведение животных доказывает не наличие у них бессмертной души, а лишь свидетельствует о безграничной мудрости создателя. Животные — всего лишь машины.

В наибольшей степени оригинальны одиннадцатые «размышления» Ланьона. Они посвящены проблеме существования души до и после ее соединения с известным человеку по его здешней жизни физическим телом. По Ланьону, все совершенное существо не имеет ни прошлого, ни будущего, оно творит в вечности. Сотворенный разум извечно зависит от Бога. Чем же он является до своего соединения с телом? «Я уверен, что я был мыслящим существом, поскольку я существую только потому,

что я мыслю» [Ibid., p.119]. Воля Бога всегда одна и та же, его действия просты и подчинены небольшому числу повелений. Если наш разум сейчас соединен с телом, нужно признать, что такое положение дел соответствует его природе. Следовательно, Бог извечно предназначил человеческий разум к союзу с некоторым телом. «Я всегда был и всегда буду соединен с телом» [Ibid., p.120]. Правда, не с одним и тем же, так как материальные объекты недолговечны. Душе свойственно последовательное соединение с различными телами. Данный тезис, по Ланьону, можно подтвердить следующим рассуждением. Протяжение делимо до бесконечности и беспредельно. Бог изначально сотворил бесчисленное количество тел, предназначенных к соединению с мыслящими субстанциями. Если же души не способны к последовательной смене тел, нужно согласиться с большинством философов в том, что сформированное должным образом тело принимает вновь сотворенную духовную сущность. Такого рода вывод неприемлем, поскольку маловероятно, чтобы Бог, использующий наиболее эффективные средства, постоянно умножал бы свои действия, извлекая из небытия различные мыслящие создания. По мнению Ланьона, непостижима идея творения, согласно которой Бог каждый момент творит заново различные сущности. Принцип простоты божественных действий подсказывает совсем другую идею: последовательное соединение сотворенного разума с разными протяженными телами. Извечный закон, установленный Богом, требует, чтобы всякое бытие сохраняло свое состояние. Коль скоро все известные нам сотворенные умы связаны в той или иной степени с телами, нужно признать, что такого рода состояние для них будет свойственно всегда. Было бы даже противоречием считать, что Бог способен отделить совершенно душу от тела: это значило бы приписать ему противоположные устремления, взаимоисключающие решения. По Ланьону, помнить о своих пребываниях в прежних телах мы не можем. Память так или иначе связана с движениями «животных духов», с мозгом. Когда ум теряет связь с конкретным телом, он те-

ряет и связь с мозгом, лишается возможности вспоминать о всех событиях, характеризующих союз с утраченной телесной оболочкой. В своем стремлении последовательно развить защищаемый Мальбраншем принцип единообразия и простоты божественных действий Ланьон приходит к нехарактерной для его учителя идее «трансмиграции», переселения душ. В связи с проблемой существования внешних тел Максим Шастен во многом справедливо отмечал, что Ланьон, следуя Мальбраншу, оказывается довольно близко к позиции Беркли, предвосхищая ее [2, p.229].

Значительное влияние учения Мальбранша испытал также Рене Феде (1644–1716). Он родился в городке Шатодан, учился в Париже, где вошел в круг приверженцев картезианства. В Анжере Феде получил звание доктора медицины. Несколько лет он проживал в Сомюре, в 1692 г. становится мэром Шатодана. С 1699 г. он был членом-корреспондентом Академии наук. В своем главном труде «Метафизические размышления» (1683) Феде, наряду с философскими, обсуждает также вопросы теологического характера. «Размышления» Феде посвящены исследованию души, которое затрагивает довольно обширный круг проблем (в том числе этических и политических). В отличие от сочинений многих других картезианцев, в трактате Феде нет ссылок ни на необходимость применения методического сомнения, ни на онтологический аргумент, нет развернутого доказательства существования материального мира. «Размышления» начинаются с обсуждения вопроса о происхождении души. Согласно Феде, всегда будут тщетны усилия человека приписать себе причину собственного бытия. Нам хорошо известно, что каждый из нас существовал не всегда. Следовательно, свое происхождение мы должны возводить к существу более древнему и более могущественному, чем мы сами. Внимательно изучая самих себя, мы отмечаем слабость собственных сил. В нас самих нет никакого принципа, позволяющего сохранять непрерывное существование. Значит, некоторое высшее существо должно поддерживать наше бытие.

Вслед за Мальбраншем, Феде защищает учение о «видении в Боге». Поскольку дух может существовать, только если он мыслит, то причина нашего бытия должна быть и причиной нашего мышления. «Мои идеи или восприятия... я их могу получать только от того, кто мне дает реальность» [5, p.136]. Причем Бог, источник наших восприятий, един, а не множественен: так как душа неделима, не содержит многообразных частей, то и ее создатель должен быть един. Поскольку умопостигаемые объекты бесчисленны, верховное Существо должно быть «бесконечным, необъятным и неисчерпаемым». Оно не может заключать в себе материальную протяженность, иначе бестелесная душа не могла бы вступить с ним в контакт, получать от него идеи. Оно должно быть разумным и свободным, иначе не смогло бы произвести нашу душу. Оно должно быть вечным, неизменным и несотворенным. Верховное Существо не может пребывать в бездействии. В его сущности можно различить три лица: Отец, Сын, Святой Дух. Божественные лица не существуют в отрыве друг от друга. Отец с необходимостью порождает Сына, который выступает вечным Словом, жизнью Отца, Святой Дух «есть соответствие и сущностное единство Отца и Сына» [Ibid., p.144]. Бог, будучи неизменным, изначально определил порядок всех вещей.

Как и Мальбранш, Феде настаивает на простоте божественных действий. Материальный мир, сущность которого составляет протяжение в длину, ширину и высоту, содержит бесчисленное количество различных частей, делимых до бесконечности. Каждое тело способно к множеству изменений. Его положение среди других тел позволяет ему вступать в многообразные внешние отношения. Но в конечном счете именно Создателю тела обязаны возможностью движения. Движущая сила, настаивает Феде, неотличима от силы, производящей вещи. «Чтобы познать мой долг, и к чему я предназначен, нужно изучить мою природу» [Ibid., p.151]. Внимательный анализ природы души показывает, что она является мыслящей вещью, неделимой, проницаемой для «Отца света»,

способной вступить с Ним в контакт. «Все мое действие состоит в мышлении. Мысль есть моя жизнь: я не могу существовать без мышления» [Ibid., p.152]. Создатель предоставил человеку свободу, чтобы он мог заслужить счастье. Бог творит вещи по вечному образцу и их совершенство состоит в соответствии этому образцу. Поскольку могущество Бога беспредельно, а решения неизменны, душа не должна бояться возможного уничтожения. Бог действует свободно, производя творения: не следует думать, что мы созданы согласно некоей необходимости. Если бы Создатель творил нас по необходимости, мы были бы вечными, неизменными, неподвижными. Иными словами, по своим свойствам мы не отличались бы от Бога. Множество восприятий образуют в уме последовательность, которая позволяет измерять нашу длительность. «Последовательная длительность есть реальность существа конечного, изменчивого и зависимого» [Ibid., p.138].

Душа имеет весьма тесную связь с некоторым телом, машиной, функции которой находятся в соответствии с восприятиями ума. Поскольку союз души и тела установлен Богом, человек не вправе по своей воле его разрушать. Более того, человек обязан заботиться о своем теле, насколько это в его власти. В его обязанности входит также забота о детях, их защита и воспитание. Человек должен стремиться пребывать в мире с окружающими, естественные законы не могут поощрять истребление себе подобных. Насколько возможно, человек обязан поддерживать и облегчать труд ближних. Вместе с тем всегда оправданна защита от врагов, угрожающих нашей жизни. Правда, не всякие средства защиты допустимы. Бог не желает, чтобы врагам наносился вред сверх необходимого. Земные условия требуют от человека усилий для поддержания своего существования. Естественный закон говорит о справедливости использования плодов собственного труда. Право собственности вытекает из естественного закона.

Материальные блага должны передаваться по наследству, поскольку дети, в силу естественного закона, получают средства существо-

вания от родителей. В то же время необходимо помнить, что земные блага созданы для удобства человеческого рода, поэтому следует заботиться о бедных. Обладая от рождения различными темпераментами и склонностями, люди объединялись для взаимной защиты от несправедливых враждебных притязаний окружающих. Таково происхождение городов и обществ. Многообразные настроения и интересы объединившихся людей порождали разногласия, что побудило их избрать для общего руководства и разрешения споров из своей среды наиболее мудрых и смелых. Верховная власть, по сути, в момент своего появления была выборной.

Феде предусматривал право каждого гражданина избрать для проживания то общество, которое ему кажется наилучшим. Люди не имеют абсолютной власти над своими детьми, рождающимися свободными, поэтому, достигнув зрелости, каждый волен искать для себя самой привлекательной доли. К военным действиям против других стран, по мнению Феде, глава государства может прибегать лишь в случае крайней необходимости. Вообще действиями правителей всегда должен руководить разум. Счастье каждого человека напрямую зависит от Бога. Бог — «единственное благо» души. Зло, по мнению Феде, □ недостаток добра. «Мой создатель, представляя мне все, что для меня воспринимаемо, сам является умопостижимым и созерцаемым объектом» [Ibid., p.140]. Поскольку действие души заключается в мышлении, ее совершенство связано с ясностью и четкостью ее идей. Счастье же неотделимо от совершенства. Наивысшее достоинство, совершенство мыслям придает созерцание Бога. «Очевидно, что я могу быть очень счастливым, только созерцая высшее Существо, восхищаясь его могуществом, любя его доброту, и поклоняясь его величию» [Ibid., p.169]. Вполне во власти человека сделать себя счастливым, направляя должным образом усилия души. Равным образом можно сделаться несчастным, устремляясь к тому, чего следует избегать. Придавая чрезмерное значение темным, неопределенным, смутным идеям, мы отдаляемся от

нашего создателя. Вне «Отца света», заключающего в себе все умопостижимые объекты, только мрак и пустота. «Абсолютная истина есть несотворенная и независимая реальность. Относительная истина есть соответствие творения с образцом создателя» [Ibid., p.156]. Первородный грех — причина «беспорядка» в душе. Обладая свободой воли, человек избрал темноту, заблуждение, смешение, беспорядок. Предоставленный самому себе, он навсегда остался бы в таком жалком состоянии. Восстановление человеческой природы произошло благодаря воплощению божественного Слова. «Я начинаю дышать. Вечное Слово...это оно возвращает мне свет, который я вижу; это оно дает мне эти ясные идеи» [Ibid., p.185]. К спасению предназначены избранные души, число которых установлено Богом изначально. Если же среди различных поколений людей встречаются недостойные нарушители божественного закона, они не могут повлиять на количество избранных, так как должны считаться «за ничто». Число избранных не может быть бесконечным, поскольку его нельзя мыслить без противоречия применительно к земным поколениям людей. Выполнение божественного плана относительно избранных завершит движение поколений. Созерцая Верховное существо, избранные будут наполнены вечной радостью. В загробном мире люди вновь облекутся в плоть, правда, весьма отличную от земной. Тела избранных должны быть более совершенными и прозрачными, чем их земные аналоги. Отверженные, приговоренные к вечному мраку, должны получить непроницаемые, очень несовершенные тела. Феде настаивает на том, что загробная судьба избранных не может быть совершенно одинаковой. Сообразно различию заслуг неизбежно неравенство в итоговом состоянии. Но это неравенство будет сводиться к различию в степени ясности идей. «Неравенство ясности не вызовет ни печали, ни зависти у избранных» [Ibid., p.191]. В любом случае идеи, воспринимаемые в загробной жизни, будут намного более ясными, чем те, с которыми мы сталкивались в ходе земного существования.

Феде не пытался слепо следовать Мальбраншу. В своем трактате он не выступает с обоснованием и защитой окказионализма, не поддерживает мнения ораторианца о смутности познания души. Согласно свидетельству аббата Катлана, Феде вместе с Ланьонен, Режи, Шверезом, Вардом, Корбинелли обсуждал возможность подготовки издания, содержащего критику некоторых, казавшихся им неприемлемыми, идей Мальбранша [4, р.342-343]. Правда, это предполагаемое издание так и не было представлено читающей публике.

Анри Лелевель (1655–1705) некоторое время состоял членом Оратории, покинув ее ряды, преподавал в Париже философию и историю. В своем труде «Истинная и ложная метафизика» (1694) он вмешивается в полемику Режи (выразитель определенных эмпирических тенденций внутри картезианской школы) и Мальбранша, активно защищая идеи последнего. Лелевель констатирует, что некоторые пытаются опровергать картезианскую философию, не вникая в ее основания, другие же разрушают, стремясь ее сохранить. Критикуя воззрения Режи, он утверждает, что материя не может служить образцом для идеи протяженности. «И я его спрашиваю, каким будет образец или архетип протяженности? Как Бог ее сотворил, не созерцая архетипа? Действует ли Бог, не зная, что он делает? И мы, каким образом мы знаем, что материя непроницаема и делима до бесконечности, безо всякого испытания этого, если не потому, что идея, которая нам ее представляет, есть ее совершенный образец...?» [6, р.4-5]. Достоверные научные положения и истины религии опираются на неизменные идеи. «Но тщетно господин Режи старается погасить естественный свет, он всегда будет открывать каждому из нас истины, которые, как вполне понятно, Бог не может совсем не видеть; законы, которым, как вполне понятно, он не может не следовать и которым все умы обязаны подчиняться» [Ibid., р.46-47]. Фактически Лелевель отстаивает концепцию «видения вещей в Боге». Далее, по его мнению, у человека нет ясной идеи, связанной со словом «могущество». Рассуждая об источнике происхождения «ошибок

господина Режи», Лелевель утверждает: «когда настроены в пользу мнения, что “объект, представленный уму, когда созерцают протяженность, есть сама протяженность или материя” и когда из этого делают незыблемый принцип, то невозможно избежать крайностей Спинозы», отождествлявшего Бога с субстанцией Вселенной [Ibid., р.87]. Режи смешивает душу и тело; с гносеологической точки зрения, местопребывание души — божественный свет: «...чтобы открыть местопребывание души, нужно лишь поразмыслить над тем, что имеются истины, которые равным образом известны всем умам. Так как отсюда следует, что есть общий для всех объект, который их проникает и который их просвещает, что этот объект есть субстанциальный свет, что он чисто умопостижим и, как следствие, — единственная вещь, которая может охватывать умы» [Ibid., р.103]. Этот бесконечно превосходящий нас умопостижимый мир — «страна истины и справедливости», откуда мы получаем «все наши знания». Лелевель настаивает на необходимости разграничения ощущений и ясных идей. Режи, по его мнению, напротив, смешивает «темноту ощущения с ясностью познания» [Ibid., р.151]. Характерно, что Лелевель полемизирует с установками эмпиризма, приводя соображения теологического плана. Если о предметах судят только на основании ощущений, им с необходимостью приписывают власть делать людей счастливыми и несчастными посредством получаемого удовольствия или боли. В результате «мы их боимся, мы их любим, мы к ним привязываемся и, таким образом, мы на них переносим славу, которая принадлежит только Богу: это источник беспорядка в мире» [Ibid.]. Доводы Режи против «некоторых мнений» Мальбранша Лелевель именуется «жалким опровержением». Отстаивая учение Мальбранша, Лелевель предоставляет «господину Режи, который имеет столь ясную идею своей души, доказывать посредством этой идеи, но не шутильной индукции, что имеется некоторая другая вещь, с которой душа может иметь непосредственное и более совершенное соединение, чем с Богом» [Ibid., р.159].

В целом же можно сделать вывод о том, что представители картезианской метафизики последней четверти XVII в. характеризует приверженность онтологическому дуализму и рационалистической методологии, критическое отношение к сенсуализму, интерес к проблемам теологии и склонность использовать аргументацию из ее области при решении философских вопросов. Оказионализм Мальбранша далеко не всегда привлекает внимание его последователей, в отличие от сформулированной им теории «видения вещей в Боге». Именно названная теория в определенной степени объединяет их и нередко трактуется ими как продолжение августинианской линии рассуждений. Без преувеличения можно утверждать, что гносеологические идеи Мальбранша существенно видоизменили вектор развития картезианства. Конечно же, глубокое влияние Мальбранша на развитие картезианской школы не означает, что все ее последующие представители принимают его учение. На рубеже XVII — XVIII вв. продолжают публиковать труды, отмеченные воздействием картезианских идей, но отнюдь не находящиеся в орбите влияния построений ораторианца (см., например, [3]). Но все-таки не

этот вектор возобладал во французской философской культуре XVIII в. Влияние со стороны прогрессирующего естествознания, концепций философского эмпиризма, определенное отражение в теоретической сфере социальных конфликтов эпохи способствовали формированию и широкому распространению просветительских идей. Метафизические же теории, стремившиеся сохранить свою связь с теологической аргументацией и проблематикой, в «век Просвещения» утрачивают свои позиции.

Список литературы:

1. Декарт П. Сочинения, М., 1989, Т.1.
2. Chastaing M. L'abbé de Lanion et le problème cartésien de la connaissance d'autrui // Revue philosophique de la France et de l'étranger 1951 № 4-6.
3. Dupuy du Grez B. Traité sur la peinture. P., 2011.
4. Malebranche N. Oeuvres complètes // ed. par A.Robinet. P., 1961 T.XVIII.
5. Lanion F. Méditations sur la métaphysique & Fédé R. Méditations métaphysiques // ed. de J.-C. Bardout. Paris, Vrin 2009.
6. Lelevel H., La vraie et la fausse métaphysique, Rotterdam, 1694.

CARTESIAN METAPHYSICS OF THE LAST QUARTER OF XVII CENTURY

Artem A. Krotov

Moscow State University, Faculty of Philosophy; 27-4, Lomonosovsky prospekt, Moscow, 119991, Russia

In the article the special stage in development of Cartesian metaphysics is analyzed. Lanion, Fede, Lelevel's doctrines are considered, their dependence on Malebranche's philosophy is shown. In the work the common features of the called doctrines are noted and made some observations why did they lose their positions.

Key words: Malebranche, Lanion, Fédé, Lelevel, cartesianism, metaphysics

УДК 12(091)

ДОКТРИНА И. КАНТА: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕДИНСТВА СИСТЕМЫ СРЕДСТВАМИ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

И.И. Иванова

В статье проводится анализ кантианства как целостной системы, предпринятый в контексте историко-философского развития Европы и России. Особое внимание уделяется соотношению кантианства и фейербахианства, показывается, какое место занимала религиозная проблематика в этих учениях. Более того, показывается, что выделение секулярной линии философско-религиозных исследований происходит именно в кантианстве. В итоге делается вывод, что систематичность Кантовой доктрины обеспечивается исключительно за счет религиозной проблематики.

Ключевые слова: кантианство; неокантианство; систематичность философии; философия религии; религиозная философия; секуляризация сознания; сакрализация антропологии; философская антропология; антропологизация философии; фейербахианство.

Тот факт, что в истории философии И. Кант не относится к числу малоизвестных, маловлиятельных или полузабытых личностей, никак не влияет на действительное отношение к его наследию в России. Само же это отношение, характеризующее периодическим оживлением интереса к фигуре мыслителя исключительно со стороны специалистов-философов, в целом можно оценить как индифферентное. Что касается упомянутого оживления интереса, то такое обычно наблюдается в связи с очередным юбилеем родоначальника классического немецкого философствования (как, например, в 1984, 1994 и 2004 г.), когда в ходе переиздания его трудов [13] и посвящения ему каких-либо диссертационных исследований [16] создается отнюдь не лишний повод продемонстрировать свое приобщение к всемирному философскому процессу. В самом деле, если говорить именно о российской философской культуре, то идеи кантианства в ней — несмотря на то что И. Кант когда-то даже был избран в Петербургскую академию наук — традиционно занимали весьма незначительное место, и среди скольких-нибудь известных русских кантианцев, при всем богатстве русской философии, сразу же удается вспомнить лишь А.И. Введенского и И.И. Лапшина. Правда, после более напряжен-

ного воспоминания можно назвать уже и П.Д. Юркевича, Н.О. Лосского, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова, Л.М. Лопатина, П.А. Флоренского, Г.И. Челпанова, а также П.Б. Струве, П.И. Новгородцева, Б.В. Яковенко, Ф.А. Степуна, С.И. Гессена, Г.Д. Гурвича, А. Белого, однако, как справедливо заметил в свое время В.Ф. Асмус, строгим кантианцем в России мог быть признан только А.И. Введенский [1; 2, с. 441; 25].

Если же говорить о российской кантиане в целом, то ее итоги были особым образом подведены на состоявшемся в феврале 2004 г. совместном заседании сектора истории философии и сектора этики ИФ РАН, которое было посвящено 200-летию со дня смерти немецкого философа. Там, в частности в выступлении академика А.А. Гусейнова, отмечалось, что с середины 60-х гг. минувшего века не просто увеличилось количество российских исследований об И. Канте, а ни много ни мало как «место Гегеля стал занимать Кант», в то время как «традиционно академическая философия в России развивалась под влиянием Гегеля». Что ж, начало такой смены философских программ в России, равно как и создание в свое время самой системы И. Канта, вполне допустимо признать своеобразным «коперниканским поворо-

том», вот только вряд ли допустимо согласиться с А.А. Гусейновым в объяснении причин данного переворота. А поскольку упомянутые причины почти полностью сводились только к социальным факторам (изменению «социально-политических приоритетов») и в силу своей универсальности оказывались подходящими для объяснения чего угодно (и одновременно не годились ни для чего), то с их помощью вряд ли получалось возможным объяснить то весьма существенное обстоятельство, которое в свое время было тонко подмечено большим знатоком истории философии и первым в России действительным философом В.С. Соловьевым: «Кант... — основатель философского критицизма, представляющего главную поворотную точку в истории человеческой мысли, так что все развитие философии если не по содержанию, то по отношению мысли к этому содержанию должно быть разделено на два периода: до-критический (или до-кантовский) и после-критический (или после-кантовский)» [20, с. 441].

В самом деле, изменений «социально-политических приоритетов» и в России, и на Западе случалось немало, а решительный поворот в сторону Канта произошел с таким невероятным запозданием только в российском интеллектуализме. Очевидно, должны быть — и действительно есть — в философии такие основания ее развития, которые обладают сугубо имманентным характером. Что касается факторов социально-политического порядка, то к таковым их отнести никак нельзя. Тогда что же именно, какие качества самой кантианской системы заставили переориентироваться русскую философскую мысль в разных ее вариантах — и советском, и эмигрантском, и синкретично-синергийном, — чтобы стать, наконец, «после-критической»? Поиск ответа здесь не прост, особенно если учесть и тот фактор, что для философии как формы общественного сознания само существо имманентности весьма относительно, и «уже тот факт, что идея, сформулированная мыслителем прошлого, воспринимается и используется человеком иного времени, иной исторической эпохи, действительно требует пе-

ресмотра ее, с тем чтобы она могла стать частью идейного комплекса, способного отвечать настоящим потребностям настоящего времени» [5, с. 6], и, конечно, то обстоятельство, что «анализ системы Канта как целого, в той ее “прекрасной гармонии”, которая возникла из противоположных стремлений ее гениального автора и обусловила колоссальный творческий потенциал системы, обнаруживает логическую необходимость выйти за ее пределы» [5, с. 8]. Думается, специфическая способность доктрины И. Канта «отвечать настоящим потребностям настоящего времени» в первую очередь и заключает в себе необходимую подсказку.

И здесь достаточно вспомнить, какими именно событиями для мира философии и какими именно его проблемами отмечены упомянутые 1960-е гг. А это окончательная утрата классического облика философии, выразившаяся главным образом в кардинальной ее антропологизации. Что касается европейской философии, то данный процесс антропологизации, кстати, также можно рассматривать в качестве некоего «коперниканского поворота». Причем следует заметить, что, хотя «виновниками» такого положения вещей объявляется целый комплекс идей и течений — «философия жизни», экзистенциализм, «философская антропология», философия психоанализа, герменевтическая феноменология и т.д., — наибольшая «вина» утверждается за учением М. Шелера. Между тем сам М. Шелер полагал своим на этом пути предшественником Л. Фейербаха, который, действительно, и должен считаться в европейской философии родоначальником не только «антропологического материализма» или вообще антропологической линии, но и всего антропологического — «коперниканского» — поворота. Если при этом воспользоваться гегелевской терминологией, то вполне допустимо оценить рассматриваемый антропологизм как специфическое для европейской духовности абсолютное самосознание, а «согласно Гегелю, после Декарта давно уже в новейшей европейской мысли ходит Дух истины, т.е. дух абсолютного самосознания...» [19, с. 6], который, добавим, ничуть не теряет своего значения

оттого, что сами европейцы как-то не особенно заметили его приход. В этом они, надо сказать, ничуть не лучше поминаемых тем же Г.В.Ф. Гегелем иудеев, которые перемудрили самих себя. И с ними, «таким образом, происходит то, что произошло с иудеями, среди которых ходил дух, а они его не заметили» [8, с. 477]. Кстати, совершенно в таком же, сакрализованном ракурсе рассуждал и Л. Фейербах: «Гайна теологии заключается в антропологии...» [23, с. 114], «Низводя теологию к антропологии, я возвышаю антропологию до теологии, подобно христианству, которое, унизив бога до человека, сделало человека богом...» [24, с. 22-23].

Фейербахианская антропологизация европейской философии на сегодня выглядит более или менее признанным фактом. Но отнюдь не таковым, между тем, выглядит ее тесная ассоциированность с теологическим, т.е. религиозным, сознанием. Иными словами, то обстоятельство, что повышенная ориентированность современного философствования на антропологизм неизменно сопровождается его сакрализацией, в должной мере пока еще не оценено (и в данном случае не очень-то и важно, что именно из них является причиной, а что — следствием). В то же время нельзя не заметить достижения наиболее значительных успехов в исследовании человека и его существа как раз в тех философских течениях, которые так или иначе — в религиозном, религиоведческом ли плане — сконцентрированы на интересе к религии. Тем не менее даже Л. Фейербах не был в таком религиозно-религиоведческом ряду европейских философов-антропологов первым (хотя, повторимся, наиболее значительным и ярким, что и позволяет считать родоначальником именно его). Действительно первой такой фигурой значимого масштаба (и неслучайно первой, если учесть сам факт зарождения немецко-классической философской традиции) стал все-таки И. Кант, для которого человек — «наиболее важный предмет в мире ...поскольку он есть собственная последняя цель» [12, с. 138].

В этом плане можно вполне согласиться с акцентами, расставленными на упомянутом выше заседании сектора истории философии и

сектора этики ИФ РАН. А говорилось там, в частности, о том, что И. Канта, у которого хотя и не было секуляристской преднамеренности, следует, однако, считать участником процесса секуляризации, поскольку религия у него основывается на морали, а не мораль на религии. При этом социально-исторические условия, в которых формировалось и формулировалось кантианство, определялись тенденциями секуляризации к моральной и правовой анархии, в то время как Реформация, допустив режим свободной экзегетики, поставила под вопрос авторитарно-патриархальную традицию. В результате возникло множество противоборствующих моральных кодексов, а анархия моральных норм дополнилась нормативной эклектикой: религиозные, этические, правовые нормы, требования обычая вменялись человеку в равной мере и таким образом регламентировали всю его жизнь. Именно в этой ситуации И. Кант выдвинул категорический императив как критерий оценки множества норм, исходя из философской веры в то, что совесть и разум помогут открыть закон нравственно должного. И именно в строгом следовании моральному закону увидел он стимулы к религиозному и одновременно антропологическому возрождению.

Так вот, оказывается, каким образом «идея, сформулированная мыслителем прошлого, воспринимается и используется человеком иного времени, иной исторической эпохи...» [5, с. 6]. Все дело в обостренной актуализации и непреходящей современности тех духовно-антропологических задач, которые человек привык решать через выражение своего отношения к религии. Что касается России, то решение духовных задач именно через связь религии и антропологии (связь, трактуемую самым невероятным и самым неожиданным образом) будет для нее актуальным, кажется, всегда. Отсюда, например, извечно русское смешение религии и философии, и отсюда же направляемая извечным поиском духовных идеалов смена философских ориентиров: то бёмизм, то шеллингианство, то гегельянство, то фейербахианство, то кантианство, то вдруг марксизм. При этом русскому духовному сознанию, не

желающему растворяться в метафизической умозрительности, важно было то, что «для ...Канта, Гегеля, Фейербаха “философская религия” никогда не была самоцелью, она выполняла сугубо прагматические функции...» [16, с. 140]. А поскольку в современной России проблемы обретения национального духа и возрождения духовности нации, слившись в одну, требуют для своего решения исключительно прагматического подхода, то совсем не удивительно, что такая, казалось бы, академическая задача, как дифференциация философии религии и религиозной философии, обрела для страны чисто практический характер — требование определить отношения между религиозноведением и теологией (в российском варианте — богословием).

И хотя на этот раз никто из доморощенных идеологов для основательности производимого духовного обретения не обращается за помощью к философии (не философия преобладает в общественном сознании сегодняшней России), однако без нее обойтись не получается. А это значит, что в который раз возобновляется поиск соответствующих образцов-ориентиров, с тем, правда, отличием от предыдущих эпох, что движение к большинству из них уже апробировано и, по тем или иным причинам, признано для русского ума неподходящим. Из ориентиров-классиков здесь остался, кажется, только И. Кант, философия которого привлекательна не столько вследствие того, что широкими интеллектуальными кругами все еще не освоена, сколько благодаря тому, что эта философия, казалось бы, включает в себе изрядный ресурс религиозности, причем религиозности весьма своеобразной. При этом совершенно не берется в расчет, что еще совсем недавно и вполне научно была обоснована «несостоятельность попыток религиозной интерпретации философии религии Канта и использование ее в целях религиозной апологетики» [16, с. 10]: в очередном российском водовороте идеологий, религий и философий в очередной раз объявлена кампания по пересмотру духовных ценностей, а значит, и Кантова учения.

Между тем вспомним традиционные, ставшие уже хрестоматийными оценки учения немецкого классика [3; 4; 18; 10, с. 43-104]. А это, безусловно, деление всего творчества И. Канта на так называемые «докритический» и «критический» периоды (с признанием наибольшей значимости периода «критического» [17]). Это также сосредоточенность, в качестве избранного предмета философствования, главным образом на познании: «И все же Кант сделал великий и важный шаг тем, что он подверг рассмотрению познание» [8, с.477]. Это, конечно же, возведенный в принцип критицизм и столь же принципиальный априоризм, деление мыслительной способности человека на рассудок и разум и признание заведомой антиномичности последнего, различение трансцендентного и трансцендентального. Например: «Кант написал после критики теоретического разума критику практического и критику эстетического разума, и лишь три этих великих труда в своей совокупности составляют его философию во всей ее полноте» [7, с. 116]. Это, кроме прочего, указание на «вещь-в-себе» и ее непознаваемость, а еще провозглашение примата практического разума над теоретическим, но с низведением (или возведением?) этого самого практического разума только до уровня морального сознания, а того, в свою очередь, — всего лишь до некоего универсального долга: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [13, с. 409]. Это, наконец, обычно выдвигаемые как более частный момент доктрины И. Канта опровержения томистских (и, кажется, вообще любых) доказательств бытия Божия, но произведенные только для того, чтобы раз и навсегда вывести религию из-под всякой критики: «Он поступил здесь почти так же, как один мой приятель вестфалец, который разбил все фонари на улице... в Геттингене и, стоя в темноте, держал нам длинную речь о практической необходимости фонарей, которые он разбил лишь с той теоретической целью, чтобы доказать нам, что мы без них ничего видеть не можем» [9, с. 113]. И это, опять же, знаменитый антропологизм: «“Антропология с прагматической точки зрения” (1798) — последняя работа, изданная самим Кантом. Здесь

он как бы подводит итог размышлениям о человеке и вообще всем своим философским размышлениям. Это завершение пути. И одновременно начало: начинать изучение философии Канта целесообразно именно с “Антропологии”. Читатель должен как бы пуститься в путь, обратный движению мысли Канта. В конце его окажется “Критика чистого разума”. Уже первый взгляд, брошенный на “Антропологию”, говорит о совпадении структуры этого произведения с общей системой кантовской философии. Главная часть книги распадается на три раздела в соответствии с тремя способностями души: познанием, “чувством удовольствия и неудовольствия” и способностью желания. Именно эти три способности определили в свое время содержание трех кантовских “Критик”» [10, с. 101].

Несмотря на хрестоматийность, «...опасениям Канта — оказаться не понятым — суждено было сбыться... В силу названных и ряда других причин к кантианству в строгом смысле слова можно отнести лишь сравнительно небольшое число комментаторов, составителей примечаний и словарей... По этим же причинам в исследовательской литературе используются термины “полукантианство” или “посткантианство”... Во 2-й половине 19 в. появилась довольно многочисленная плеяда текстологов и издателей наследия Канта... деятельность которых во многом способствовала...возникновению и развитию неокантианства и других философских школ и направлений, так или иначе ориентированных на идеи Канта» [11, с. 212]. И здесь особое внимание следует обратить на это самое «так или иначе», поскольку именно сейчас стало предельно ясно, что кантианства как такового не сложилось. «Современный идеализм, экзистенциализм и логический позитивизм, критически переосмысливая философию Канта, по-своему подошли к решению проблем, которые он сформулировал. Либеральная теология либо следовала за Кантом, делая акцент на этическом аспекте религии, либо опиралась на идеи Шлейермахера, который пытался обойти вопросы, поставленные Кантом, и основывал теологию на религиозном чувстве» [6, с. 552]. Имеется, таким образом, всякого рода полу-, пост-, нео- и даже

постнео-, но никак не собственно кантианство. При этом версий того, каким является подлинное кантианство, насчитывается такое множество, что остается лишь, по аналогии с утверждением А.Н. Уайтхеда относительно роли Платона в европейской философии, заявить: все современное философствование — это те или иные комментарии к Канту. И данное заявление, если вспомнить цитированное выше высказывание В.С. Соловьева, отнюдь не является натяжкой. Но именно комментарии, не более того («не более того» даже в тех случаях, когда для какого-нибудь мыслителя они становятся причиной создания собственной, подчас оригинальной доктрины).

Вопрос, между тем, остается. В самом деле, в чем именно заключается системообразующее основание Кантовой философии? Неужели действительно лишь в критицистском отношении к познавательной способности человека? Тогда почему любая связанная с познанием проблема фокусируется у И. Канта на практическом разуме, который, в конечном счете, концентрируется на морали, в то время как, по утверждению самого немецкого философа, «мораль неизбежно ведет к религии» [15, с. 263]? Не можем же мы, действительно, в оценке И. Канта игнорировать его самого и не видеть заявленного им призыва к гносеолого-этико-религиозному единству: «...моральный закон через понятие высшего блага как объект и конечную цель чистого практического разума ведет к религии, т.е. к познанию всех обязанностей как божественных заповедей...» [13, с. 527]. Обратим внимание на следующее: «Мы не можем, собственно, говорить о его (И. Канта) мирозерцании, ибо он не может и не хочет дать картину мира. Вместо этого он дает нам нормативные законы духа, охватывающие всю жизненную деятельность человека» [7, с. 116]. При этом, как представляется, причинно-следственная, взаимообуславливающая цепочка Кантовых рассуждений по поводу человека и его познания все же не ведет ни к кругу, ни в «дурную бесконечность», а хитроумно останавливается. Останавливается на Боге, а точнее, на вере в него. Можно, правда, возразить, что, по И. Канту, «мораль, поскольку она основана на понятии о человеке как существе свободном, но

именно поэтому и связывающем себя безусловными законами посредством своего разума, не нуждается ни в идее о другом существе над ним, чтобы познать свой долг, ни в других мотивах, кроме самого закона, чтобы этот долг исполнить» [15, с. 261]. Но можно на это возражение ответить Кантовым же заключением: «...хотя для правомерного действия мораль не нуждается ни в какой цели и для нее достаточно закона, который заключает в себе формальное условие применения свободы вообще, из морали все же возникает цель <...> для морали не может быть безразличным, составляет ли она себе или нет понятие о конечной цели всех вещей... так как только этим и может быть создана объективно практическая реальность для сочетания целесообразности свободы с целесообразностью природы, без которого мы не можем обойтись» [15, с. 262-263]. А все вещи, возникающие в связи с этой изящно выведенной целью, в качестве которой у И. Канта фигурирует Бог, происходят «оттого, что мы принимаем субъективные условия нашего мышления за объективные условия самих вещей, а гипотезу, необходимую для удовлетворения нашего разума, — за догму...» [14, с. 228].

Бог для И. Канта — всего лишь гипотеза. Иными словами, этот идеальный — как и вообще любой другой гносеологический — объект лишь претендует на реальность, истинность, подлинность. И такое представление немецкого вольнодумца о Боге, кстати, должным образом уже оценено в русской и мировой философии: «...своим диалектическим разбором старой догматической метафизики он освободил ум человеческий от грубых и недостойных понятий о душе, мире и Боге и тем вызвал потребность в более удовлетворительных основаниях для наших верований; в особенности своею критикою псевдорациональной схоластики в области теологии он оказал истинной религии услугу, в значительной степени искупающую односторонность его собственного морально-рационалистического толкования религиозных фактов» [20, с. 478]. Причем именно таким образом интерпретированное представление оказывается вполне кантовским: в меру гносеологическим, в меру метафизическим, в меру рационалистическим, в меру антиномичным, а все

вместе систематичным, гармоничным и подчиненным единой, ориентированной на Бога задаче. Обнаруживается, конечно, и критицизм, обслуживающий апологетическую задачу. И именно он, проявляющийся у самого И. Канта (а тем более у его продолжателей и критиков, что, кажется, одно и то же) как метасознание и метакритицизм, особенно благоприятствует разработке не просто некоей системы, а системы архисложной, многоуровневой и саморазвивающейся — системы специфически рационалистской, поскольку своим рационализмом обязанной утверждению веры. По этому поводу имеется интересное замечание Е.Н. Трубецкого, который писал о поразительном феномене философов XIX–XX вв., критикующих и даже отвергающих И. Канта, но, однако, периодически к нему возвращающихся [22]. По этой причине «кантианство стало во многом симптомом развития новоевропейской культуры, устремляясь от реформированной христианской веры к “религии разума”, от протестантизма к этическому идеализму разума» [21, с. 203]. По этой же причине кантианство стало отправной точкой долгожданного размежевания между религиозной философией и философией религии.

В своей колоссальной истории философская мысль породила немало религиозных учений, отличавшихся высоким рационализмом и систематичностью. Порождала она и такие доктрины, в которых религиозные (апологетические) задачи уживались с религиозноведческими (аналитико-критическими, секулярными) и даже, в процессе их решения, способствовали успеху друг друга. Что касается философий, систематичность которых обеспечивалась бы исключительно за счет религиозной проблематики, то таких, кажется, можно назвать единственную — кантовскую.

Список литературы

1. *Абрамов А.И., Сулова Л.А.* Кант в России //Русская философия: Словарь /под общ. ред. М. Маслина. М.: ТЕРРА–Книжный клуб; Республика, 1999. С.212-217.
2. *Асмус В.Ф.* Избранные философские труды. Т.2. Очерки истории диалектики в новой философии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 445 с.
3. *Асмус В.Ф.* Кант //Философская энциклопедия. В 5 т. /гл. ред. Ф.В. Константинов. М.: Совет-

- ская энциклопедия, 1962. Т.2. С.419-427.
4. *Асмус В.Ф.* Кант //Философский словарь /под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001. С.231-232.
5. *Богомолов А.С.* Введение //Кант и кантианцы. Критические очерки одной философской традиции /отв. ред. А.С. Богомолов. М.: Наука, 1978. С.3-9.
6. *Браун К.* Кант, Иммануил (Kant, Immanuel, 1724–1804) //Теологический энциклопедический словарь под редакцией Уолтера Элвелла /пер. с англ. М.: Ассоциация «Духовное возрождение» ЕХБ, 2003. С.551-552.
7. *Виндельбанд В.* Иммануил Кант. К столетнему юбилею его философии //Виндельбанд В. Избранное: Дух и история /пер. с нем. М.: Юрист, 1995. С.97-119.
8. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. СПб.: Наука, 2001. Кн.3. 582 с.
9. *Гейне Г.* Полн. собр. соч. В 12 т. Т. 7. К истории религии и философии в Германии. М.; Л.: Академия, 1936. 492 с.
10. *Гулыга А.* Немецкая классическая философия. М.: Мысль, 1986. 334с.
11. *Жучков В.А.* Кантианство //Новая философская энциклопедия. В 4 т. М.: Мысль, 2001. Т.2. С.211-212.
12. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения //Кант И. Сочинения. В 8 т. / под общ. ред. А.В. Гулыги. М.: ЧОРО, 1994. Т.7. С.137-376.
13. *Кант И.* Критика практического разума //Там же. Т.4. С.373-565.
14. *Кант И.* Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука //Кант И. Трактаты. СПб.: Наука, 1996. С.147-258.
15. *Кант И.* Религия в пределах только разума //Там же. С.259-424.
16. *Мамедов А.* Кулам оглы. Критический анализ философии религии Иммануила Канта: дис. на соискание уч. ст. канд. филос. наук. М.: МГУ, 1984. 141с.
17. *Ойзерман Т.И.* Кант //Новая философская энциклопедия. В 4 т. М.: Мысль, 2001. Т.2. С.208-211.
18. *Румянцева Т.Г.* Кант //Всемирная энциклопедия: Философия /гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. С.459-462.
19. *Сергеев К.А.* Философия Канта и новоевропейская метафизическая позиция //Кант И. Трактаты. СПб.: Наука, 1996. С.5-146.
20. *Соловьев В.С.* Кант //Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. /общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1990.Т.2. С.441-479.
21. *Судаков А.К.* Кантианство //Этика: Энциклопедический словарь /под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С.201-203.
22. *Трубецкой Е.Н.* Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианцев. М.: Путь (Тип. «Русская печатня»), 1917. 337 с.
23. *Фейербах Л.* Предварительные тезисы к реформе философии //Фейербах Л. Избр. филос. произведения. В 2 т. М.: Госполитиздат, 1955. Т.1. С.114-133.
24. *Фейербах Л.* Сущность христианства //Там же. Т.2. С.7-405.
25. *Филитов Л.И.* Неокантианство в России //Кант и кантианцы. Критические очерки одной философской традиции /отв. ред. А.С. Богомолов. М.: Наука, 1978. С.286-316.

THE KANT DOCTRINE: PROVISION OF SYSTEM INTEGRITY WITH MEANS OF RELIGIOUS PROBLEMS

Irina I. Ivanova

Kyrgyz Russian Slavic University; 44, Kiev str., Bishkek, Kyrgyz Republic

The article is devoted to analysis of Kantianism as integral system. The analysis is undertaken in context of European and Russian historico-philosophical development. The special emphasis is attended to correlation of Kantianism and Feuerbachianism, it's illustrated what part play religious problems in these doctrines. At that the notions «philosophy of religion» and «religious philosophy» are differentiated, it's given prove the fallacy of attempts to interpret Kantianism in the religious manner. Furthermore it's illustrated that the separation of secular way for philosophic-religious studies takes place just in Kant's philosophy. In many respects this separation is indebted to the anthropologition of European philosophy which starts from I. Kant and appears most distinctly from L. Feuerbach. As a result it's drawn conclusion that the integrity of Kant's doctrine is provided for alone study of religious problems.

Key words: Kantianism; neokantianism; systematic character of philosophy; philosophy of religion; religious philosophy; secularization of consciousness; sacralization of anthropology; philosophical anthropology; anthropologition of philosophy; Feuerbachianism.

УДК 101.1

РАЗЛИЧИЕ КАК СОБЫТИЕ: ВОЗМОЖНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ**С.В. Комаров**

В статье рассматриваются концепты «различие» и «событие», которые становятся атрибутивными для философской мысли XX в. Анализируется понятие «событие» в философии М.Хайдеггера и понятие «различие» в философии Ж.Делеза. Указывается, что конец метафизического дискурса в современной философии связан именно с критикой субстанциализации бытия. Необходимость мыслить становление ведет не только к различию бытия, но и к различию самого различия. Это находит выражение в особой модальной топологии онтологических концептов «складки» Ж.Делеза и «перпендикуляра» А.Бадью.

Ключевые слова: бытие; событие; различие; становление; дифференциация; время; складка; перпендикуляр; субъект; истина.

Парменид был прав, говоря, что Бытие *есть*, а Небытие *не есть*; но он забыл прибавить, что *есть* «различие» между Небытием и Бытием, и это различие в некоторой мере имеет то же основание, что и Бытие, поскольку без него, без этого различия между Бытием и Небытием, не было бы и самого Бытия.

А. Кожев [7, с. 30]

Важнейшим понятием современной философии является понятие различия (Differenz). Бытие как предмет философской мысли от античности до нашего времени схватывалось именно благодаря различию единого и многого, тождественного и иного, сущности и существования, явления и понятия и т.д. Однако само различие как таковое фактически ускользало от философского анализа, поскольку представлялось безусловным атрибутом самого понятийного мышления. В XX в. М. Хайдеггер «восстанавливает» в правах онтологическое различие между бытием и сущим, а Ж. Делез делает его главным персонажем своей онтологии. Именно благодаря актуализации различия в концепциях этих философов можно теперь — ретроспективно — усматривать роль различия в философских системах прошлого. Но каковы перспективы философии различия?

1. Поворот Хайдеггера от бытия к событию (Ereignis)

Хайдеггер в «Бытии и времени» начинает с онтологического различия между бытием и сущим. Известен его подход: мы задаем вопрос о бытии, но оно уже «руководит» нами в этом вопрошании о нем. Бытие определяется через сущее, которое само должно быть определено в своем бытии. Снятие «герменевтического круга» у М. Хайдеггера, как известно, происходит в результате спецификации феноменологического описания бытия как фактической наличной ситуации существования конечного сущего. Присутствие (Anwesenheit) конечного сущего по имени Dasein оказывается кругом существования, в котором разворачивается все возможное и доступное для определения бытие. Однако фактическая ситуация присутствия совершенно не определена, а вместе с ней неопределенными оказываются и самое сущее и, следовательно, его бытие. В самом деле, бытие (Existenz) этого сущего и заключается в указании, точнее, очерчивании границ существования самого конечного Dasein; бытие конечного сущего и есть экзистирование к самому себе. Присутствие конечного сущего по имени Dasein оказывается экстатическим выходом от одного своего «здесь-бытия» к другому «здесь-бытию». В этом напряженном бытийном отно-

шении между Dasein и Existenz и заключается чистая феноменальность сущего, его чистая существенность. Но это означает, что фактически бытие и есть отношение к самому себе, точнее — присутствие есть *само-различение*. Как подчеркивает Дж. Гродин, именно само-различие бытия и лежит фактически в основе превращения феноменологии в герменевтику [20, с.24]

Это саморазличие бытия, как известно, выявляет его временную структуру, точнее — самую временность. Временность Dasein служит горизонтом вопроса о бытии вообще. Она оказывается основанием «вульгарного времени» и «научного времени», времени повседневности и исторического времени. Труд Хайдеггера завершается вопросами, которые переворачивают связь и делают возможным поставить вопрос о смысле самого времени. «Die existenzial-ontologische Verfassung der Daseins Ganzheit gründet in der Zeitlichkeit. Demnach muss eine ursprüngliche Zeitigungsweise der ekstatischen Zeitlichkeit selbst den ekstatischen Entwurf von Sein überhaupt ermöglichen. Wie ist dieser Zeitigungsmodus der Zeitlichkeit zu interpretieren? Führt ein Weg von ursprünglichen *Zeit* zum Sinn des *Seins*? Offenbart sich die *Zeit* selbst als Horizont des *Seins*?» («...Экзистенциально-онтологическое устройство целостности присутствия основывается во временности. Поэтому исходный способ временения самой экстатичной временности должен делать возможным экстатичный набросок бытия вообще. Как интерпретировать этот модус временения временности? От исходного *времени* ведет путь к смыслу *бытия*? *Время* само открывается как горизонт *бытия*?») [22, с.437]. Теперь — в работе «Время и бытие» — бытие становится горизонтом смысла времени. Казалось бы, такая постановка вопроса определяется различием между временем и бытием. Однако в действительности такого различия нет: время и есть бытие, бытие и есть время. Философ указывает: «...бытие и время взаимно определяют друг друга, однако так, что ни первое — бытие — нельзя рассматривать как временное, ни второе — время — как сущее» [13, с.392]. Бытие и

время оказываются обратимыми таким образом, что одно «прочитывается» в другом.

Однако смысл хайдеггеровского переворачивания вопроса о временности бытия в работе «Время и бытие» гораздо глубже: это уже не вопрос о бытии *сущего*, но вопрос о самом бытии *как* бытия и времени *как* времени. Как говорит философ, теперь необходимо понять бытие как таковое, «...без оглядки на обоснование бытия из сущего» [13, с.391]. Вопрос о бытии, поставленный в «Бытии и времени», означает деструкцию метафизики. Вопрос о бытии, поставленный во «Времени и бытии» и позднем корпусе работ «*Berträge zu Philosophie (von Ereignis)*», стоит уже об *истоке* самого бытия — о *событии*. И острота его заключается в том, что теперь проводится различие не между бытием и сущим, но *внутри* самого бытия.

Аристотелевский метафизический дискурс, как известно, строился именно на редукции бытия к его сущему, т.е. на забвении их различия (Met. 1003b, 1005b; Кат. 1b, 4b); в этом случае время превращалось в категорию сущего (меру движения) (Физ. 218a, 220a). Однако бытие не есть род сущего и не является родом (категорией), а потому вопрос о бытии должен быть поставлен как-то иначе. Хайдеггер говорит: вопрос должен быть поставлен не о *есть* бытия-времени, но об их *данности*: *es gibt Sein, es gibt Zeit*?

Стремление схватить бытие как таковое безотносительно к его сущему приводит по ту сторону всяческих различий к радикальному началу и источнику самого различия между бытием и сущим — к *событию*. Бытие значит: присутствие, впускание присутствия, пребывание как при-бывание, прибытие к бытию. Событие и есть проекция времени на бытие: теперь бытие мыслится не как статичное «теперь», но как про-исхождение (ис-хождение, из-ливание) бытия, его установление в смысле бытия как бытия. Хайдеггеровское *событие* и есть само *различие* бытия.

Событие означает, что бытие различается как *сущее* бытие и бытие как его *становление* (*werden*), т.е. то бытие (*dieses*), «откуда» становится бытие в свою наличность. Это бытие, как

еще не ставшее и получившее свой смысл бытие, есть противоположность и отрицание ставшего бытия, а потому оно есть «не-бытие». Оно есть «не-бытие» не в смысле отрицания и противоположности бытия, а в смысле его *основы*, из которой бытие становится как бытие.

Это основа (die Grundlage) — как условие становления бытия, а потому оно всегда есть вместе с бытием, а не «до» него. Бытие про-исходит или вы-ступает из того, что не может пока именоваться «бытием», не получило имя «бытия». Это есть отсутствие бытия, из которого бытие является; в этом смысле оно оказывается «вместилищем» бытия, возможностью ему осуществиться. Оно есть своего рода *отсутствие присутствия*. Хайдеггер пишет: «...Будущее просто никогда и не может начаться, ведь его отсутствие как присутствие еще-настоящего нас всегда каким-то образом уже задевает, т.е. присутствует так же непосредственно, как осуществившееся. В будущем, в наступающем нас достает присутствие» [13, с.398-399]. Но можно понять и наоборот: то бытие, которое есть, осуществилось, есть не что иное, как присутствие отсутствия — того бытия, из которого оно дано. В таком случае исток бытия есть присутствие того, чего еще нет, что еще не осуществилось, не состоялось как бытие. Но такое отсутствие бытия оказывается на деле его присутствием; оно есть *присутствие отсутствия*. «Взглянув еще осматрительнее на сказанное, мы найдем в отсутствии, — пишет философ, — будь оно осуществившееся, будь оно будущее, способ присутствия и задействования, который никоим образом не совпадает с присутствием в смысле непосредственно настоящего. ...Не всякое присутствие есть обязательно настоящее» [13, с.399]. Но в таком случае время — это другое название различия. В событии бытие ускользает от себя самого, ибо оказывается переходом без настоящего, оказывается чистой трансценденцией. Время перехода — это есть непредставимое отсутствие присутствия. Ибо мы уже сразу оказываемся в некоем определенном и представимом «теперь». Время здесь не просто превращается во «временное пространство», но даже

и это последнее лишается какого-либо содержания. Поэтому точкой отсчета теперь должно быть не время, а само бытие: событие времени предполагает рассмотрение бытия как времени, а не времени как бытия. Время времени — его событийность. Событие «дано времени», но дано не во времени и не из времени, но и не извне времени. Событие дает время как присутствующее, выводит его к присутствию. Если под событием (временем) мы должны понимать не привычную пространственно-временную локализованность, тогда мы можем сказать, что в событии время случается как время, получает смысл времени.

Попытка схватить само событие бытия, само его осуществление приводит нас к необходимости безличного мышления, к бессубъектной грамматической форме, ибо язык наш предметен и приспособлен исключительно к описанию сущего. Очевидно, в этой безличности скрывается некое присутствие, а именно: присутствие отсутствия [13, с.402]. В предложениях *es gibt Sein, es gibt Zeit* говорит *присутствие того, кто отсутствует*. Хотя мы не можем «схватить» понятийно бессубъектным образом бытие как событие в его непосредственности, оно дает о себе знать именно своим отсутствием: *дано* означает границу *присутствия/отсутствия*.

Можно сказать, в событии присутствует *при-без-существование*. Это есть греческий $\theta\acute{\epsilon}\sigma\iota\varsigma$, чистое полагание как давание события, давание как «элемент» *prae*-события [12, с.133-154]. Этот $\theta\acute{\epsilon}\sigma\iota\varsigma$ есть «двойное» движение: выведение в открытое присутствия есть одновременно сокрытие того, что выходит вовне. Отсутствующее обнаруживается как нечто присутствующее и, наоборот, присутствие теперь не обнаруживается как отсутствующее. $\theta\acute{\epsilon}\sigma\iota\varsigma$ как определенный способ $\acute{\alpha}\lambda\eta\theta\acute{\epsilon}\iota\alpha$ есть несокрытость, которая сама себя скрывает. К сущности полагания исходно принадлежит сокрытое.

Истолковывая бытие как событие и становление, Хайдеггер погружается в собственную стихию мышления о бытии и приближается к греческой, и в частности к платоновской, мысли. Платон в ряду определений сущего выделя-

ет пять категорий: бытие, движение, покой, тождество и различие. В диалоге «Софист» платоновский чужеземец разъясняет Теэтету, что эта пятерка является главными родами существующего, но само сущее все время выступает в той или иной «идее». Различие здесь — такая же категория, как само бытие. «Различать все по рода, не принимая один и тот же вид за иной и иной за тот же самый — неужели мы не скажем, что это [предмет] диалектического знания? ...Кто, таким образом, в состоянии выполнить это, тот сумеет в достаточной степени различить одну идею, повсюду пронизывающую многое, где каждое отделено от другого; далее, он различит, как многие отличные друг от друга идеи охватываются извне одною и, наоборот, одна идея связана в одном месте совокупностью многих, наконец, как многие идеи совершенно отделены друг от друга. Все это называется уметь различать по родам, насколько каждое может взаимодействовать [с другим] и насколько нет» [9, с.324]. Тот, кто умеет различать сущее по его родам, и есть философ, а искусство различия и есть собственно мышление, как утверждает Платон. Мышление и есть полет души как постоянное различение, как переход от одной созерцаемой идеи к другой (Федр, 265d — 266bc).

Однако, указывает греческий философ, когда дело касается самого бытия, то здесь мы сталкиваемся с известной трудностью. Могут ли быть применены к самому бытию эти роды? В диалогах «Софист» и «Парменид» Платон не может дать однозначного ответа на этот вопрос. Он указывает: «Пусть же никто не говорит о нас, будто мы, представляя небытие противоположностью бытия, осмеливаемся утверждать, что оно существует. Ведь о том, что противоположно бытию, мы давно уже оставили мысль решить, существует ли оно или нет, обладает ли смыслом или бессмысленно. Относительно же того, о чем мы теперь говорили, — будто небытие существует, пусть нас либо кто-нибудь в этом разубедит, доказав, что мы говорим не дело, либо, пока он не в состоянии этого сделать, пусть говорит то же, что утверждаем и мы, а именно что роды между собой перемешиваются

и что в то время, как бытие и иное пронизывают все и друг друга, само иное как причастное бытию существует благодаря этой причастности, хотя оно и не то, чему причастно, а иное; вследствие же того, что оно есть иное по отношению к бытию, оно — совершенно ясно — необходимо должно быть небытием. С другой стороны, бытие как причастное иному будет иным для всех остальных родов и, будучи иным для них всех, оно не будет ни каждым из них в отдельности, ни всеми ими, вместе взятыми, помимо него самого, так что снова в тысячах тысяч случаев бытие, бесспорно, не существует; и все остальное, каждое в отдельности и все в совокупности многими способами существует, многими же — нет» [9, с.332].

Таким образом, различие бытия как становления от его субстантивирования в сущем есть принципиальная основа философского мышления вообще (Парменид, 135d — 166c) [10, с.354-412]. Но именно мышление бытия как рода сказываемого является основанием его сведения к сущему в греческом мышлении. Хайдеггер бесконечно далек от любой спекулятивной диалектики — и платоновской, и гегелевской, — и именно потому, что он — феноменолог бытия. Заметим, что именно необходимость мыслить бытие как со-бытие (*Eriagnis*), т.е. различие бытия, привело к затруднениям Хайдеггера в истолковании гегелевской категории «становление». Схватить категориально единство «бытия» и «ничто», чтобы синтетически ввести категорию «становление», оказывается проблематичным. [8, с.109-110]. Понятийное (категориальное) мышление не может схватить бытие, не превращая его в сущее. Конечно, можно истолковать хайдеггеровскую герменевтику события как греческое умо-зрение (*θεορία*) вечно-живого становления, сопровождающее собственно категориальную диалектическую спекуляцию, однако это не совсем корректно, ибо его философствование руководствуется именно интуицией *языка*, а не мифологическим представлением о генезисе сущего. М.Хайдеггер близок к греческой мысли в той мере, в какой она руководствуется интуицией бытия. И далек от нее в той мере, в какой она

превращается в терминологически-понятийное мышление.

Однако истолкование события приводит к тому, что теперь феноменология обнаруживает свою ограниченность. В самом деле, если событие призвано объяснить онтологический статус бытия, то только потому, что оно не является феноменом, но — *самим различием*. Событие ускользает от феноменологизации именно благодаря своей временности как реально осуществляющегося различия. Различие не есть ни род сущего, ни род бытия, ибо само бытие не есть сущее; различие есть именно событие. Поэтому, кажется, что *различие*, если так вообще можно выразиться, оказывается онтологически первичным по отношению и к самому бытию, и ко времени.

Однако, что (или кто) присутствует в своем отсутствии? Само бытие, при чем таким образом, что оно исчезающее-присутствует в событии. *Присутствие* есть лишь перевернутая форма субъекта. Субъект всегда уже предположен до того, как он будет определен как субстанциальная основа, как точка присутствия, как самость или как бытие сущего. Так, Хайдеггер указывает: «Когда Гегель характеризует бытие как первый выход во вне и первое обнаружение духа, то ...перед нами встает... вопрос, имеет ли открытие потаенности свое место в духе как абсолютном субъекте или само же раскрытие и является местом и указывает на то место, где такая вещь, как представляющая субъективность, только и может впервые “быть” тем, что она есть» [14, с.388].

Sub- в *subjectum* есть то, что заранее всегда уже пред-лежит, лежит в основе, служит основанием, присутствие (*prae-* в *prae-sence*) предшествует самому себе. Это означает, что различие есть лишь *другое имя* самого бытия, и только в этом заключается его «первичность». Оно оказывается только иной *формой присутствия* присутствующего.

Иначе говоря, для Хайдеггера действительно первичным все же является не различие, но *тождество* присутствующего. «Закон тождества говорит о бытии сущего». «Здесь различ-

ное, мышление и бытие мыслятся как одно и то же» [15, с.12-13].

Событие и есть сбывание бытия, как его самоускользание, постоянное само-обладание бытия и его потеря. Поэтому событийность бытия и есть его конечность: в своем бесконечном сбывании бытие конституируется как конечное. Присутствие бытия дано через его отнятие, а потеря бытия есть форма его пребывания. Истина события в том, что так присутствует само *присутствие*, т.е. в его *различии*.

2. Онтологическое различие Ж. Делеза

Двусмысленность события у позднего Хайдеггера требует деструкции феноменологии. Ж. Делез изначально ставит вопрос в другой плоскости: различие не между бытием и сущим, но *внутри* самого бытия. Если бытие должно установиться *как* бытие сущего и только *потом(у)* получить *смысл* бытия, то должен быть поставлен вопрос о *до-бытийной возможности*, *до-бытийного определения* самого бытия. Для Ж.Делеза различие не есть феномен бытия, но само бытие как феномен, чистое *явление* или, точнее, чистое *действие*. Это сам процесс осуществления сущего как присутствующего, само явление — как процесс осуществления — и есть различие. Такое понимание обнаруживает все парадоксы классического философского мышления бытия.

Различие — это само *становление*, а потому это сама связь бытия с самим собой. Речь идет о том, что различие оказывается реальным *явлением* сущего и его бытия, событием его осуществления и определения. Становясь, вещи впервые индивидуализируются, отграничиваются и определяются друг от друга в своей «чтойности» и конкретности как «вот эти» сущие вещи. Иначе говоря, здесь речь идет о живом генезисе самих сущих. Только в рамках этого можно понять всю делезовскую теорию индивидуации как асимметричного синтеза чувственного, оппозицию дифференциации/дифференциации, а также теорию явления как сгиба — перпликации как единства импликации и экспликации. Именно здесь лежит основание делезовской критики «платонизма» и ис-

толкования бытия как симулякра, повторения самого себя [6, с. 82-87; 5].

Различие теперь имеет смысл действия, становления, осуществления, реализации; оно носит *реальный, эмпирический, а не концептуальный* характер. Если понимать платоновскую диалектику отнюдь не спекулятивным путем, а как выражение действительного генезиса единичных сущих, то очевидно, что *смысловое различие* между тождественным и иным, движением и покоем возможно только при реальной отделенности и отграниченности единичных сущих друг от друга. Бытие и есть саморазличение сущего в его становлении, и только потому родо-видовые различия (высшие роды γένῆ и есть εἶδη) могут его уловить. «Единое отлично от бытия не потому, что оно — единое, равно как и бытие есть что-то иное сравнительно с единым не потому, что оно — бытие, но они различны между собой в силу иного и различного» [10, с.371]. Поэтому А.Ф.Лосев и утверждает, что спекулятивная диалектика «Парменида» выражает вечно-живое становление. Однако, хотя в неоплатонической традиции сохраняется понимание мира как живого становления, сведение бытия к единому сверхсущему завершает платоновский объективный идеализм. «Неоплатоническое замещение» бытия на сущее (Ум) хотя и соответствует самому Платону (диалог «Федр»), но только доводит до *логического* конца саму идею становления-генезиса сущего. Теперь очень трудно удержаться от спекулятивного понимания различия на основе тождества и единства как логического синтеза различных в новое тождество. Различие не в мышлении (представлении), но в самом явлении. Существование сущего и есть его генезис как постоянное само-различие. Делеза интересует не тождество (единое), но именно различие; тождества в самих эмпирических сущих не может быть именно в силу их единичного существования. А потому тождество (единство) есть только представление мышления. Вся делезовская критика представления — это критика принципа тождества бытия и мышления.

Но в таком случае встает принципиальный вопрос: различия бытийствуют, но бытие — едино и одно. В философии речь всегда идет о бытии как одном и едином, о бытии в единственном роде. Ж.Делез это понимает: «Бытие одинаково во всех своих модальностях, но последние неодинаковы» [6, с.54]. «Бытие выражается в одном-единственном смысле во всем, в чем выражается, но то, в чем оно выражается, различается; оно выражается в самом различии» [6, с. 55; 4, с.238]. Бытие — одно и однозначно, но существует множество имен бытия [16, с. 70-80]. Вопрос об имени Бытия поднимается как неизбежный парадокс, поскольку множественность имен (времен) опять отсылает к изначальной двусмысленности его выражения. Для того чтобы высказать однозначность и единственность смысла бытия необходимы, по меньшей мере, два имени. Пытаясь высказать бытие как бытие само по себе, мы вынуждены отличать его от сущего. Пытаясь высказать бытие как событие, мы вынуждены отличать его от него самого. Бытие должно говориться в одном смысле по поводу его единства с собой, и в другом смысле по поводу его отношения к своему сущему в процессе постоянного различения.

Далее, различие есть сторона отрицания, сторона негативности, противоположности, но не есть антипод тождественного. Поэтому те образы мышления, которые «провоцирует» философия тождества, приводят к отрицательной или негативной характеристике различия. Между тем, различие как становление отнюдь не отрицательно, а утвердительно в своем отрицании. «В сущности, различие — объект утверждения, само утверждение. В сущности, само утверждение — это различие» [6, с.74]. Действительно, сущее само утвердительно по себе и тем различно от других в самом своем бытии. Сущее становится и утверждается как сущее в своем генезисе именно тем, что оно отличается и различается от других единичных сущих. Понять эту утвердительность отрицательности возможно, только если все время помнить, что речь идет о реальном событии саморазличия,

существующего в процессе его становления и происхождения.

Мир различия есть мир становящегося. В таком случае, различие — не выделение отрицательного, а выделение нюансов отличия — не отрицательного. Делез указывает: «“Не” в понятии “не-бытие” выражает нечто иное, чем отрицательное. В этом вопросе заблуждение понятийного мышления (представления) состоит в навязывании сомнительной альтернативы: когда мы стремимся предотвратить отрицательное, то мы, показав, что “бытие” есть полная положительная реальность, не допускающая никакого не-бытия, объявляем себя удовлетворенными; и наоборот — когда мы стремимся обосновать отрицание, мы удовлетворены, если удастся установить в бытии или в связи с бытием какое-либо не-бытие (нам представляется, что не-бытие — бытие с необходимостью отрицательного или обоснование отрицания). Итак, альтернатива заключается в следующем: либо не-бытия нет, и отрицание иллюзорно и необоснованно; либо не-бытие есть, оно вносит в бытие отрицание и обосновывает отрицание. Тем не менее, у нас, быть может, есть основание сказать одновременно, что «не-бытие» есть, но отрицательное иллюзорно» [6, с. 87].

Иначе говоря, не-бытие не есть отрицание, не есть онтологическая негация бытия. Событие — это различие между бытием и его сущим. Но есть еще и различие в самом событии бытия — в бытии как *становлении* и бытии как *ставшем*. Именно эти соображения заставляют Ж.Делеза определить различие как не-бытие в неотрицательном смысле. «Есть как бы “щель”, “зияние”, онтологическая “складка”, соотносящая бытие и вопрос. В этой связи бытие — само Различие. Бытие есть также небытие, но не-бытие не есть бытие отрицательного, это бытие проблематичного, бытие задачи и вопроса. Различие не — отрицательное, наоборот, не-бытие является Различием: *ἐτέρον* (другое), а не *ἐναντίον* (противоположное). Поэтому не-бытие должно писаться как (не)-бытие, или еще лучше (?)-бытие» [6, с. 88]. (Не)-бытие — это и есть хайдеггеровский Просвет бытия, откуда

оно исходит, то «место» его присутствия/отсутствия. Другими словами, *(не)-бытие* — это конструктивный элемент самого становления бытия; становления — не в смысле возникновения бытия (ибо такое просто недопустимо), но в смысле его про-исхождения, развертывания, исхождения, ис-ступания из самого себя. (Не)-бытие — это различие в самом бытии, но не отрицание, а развертывание самого реального бытия, то, что в понятийном мышлении выступает как отрицание. Хайдеггеровское «не» отсылает к двусмысленности бытия, делезовское «не» — к бытию как самому действию осуществления.

3. Конец метафизического дискурса: имена бытия

Фактически и герменевтика события Хайдеггера, и толкование различия Ж.Делеза ставят вопрос о самой возможности мышления бытия. На чем вообще основан метафизический дискурс о бытии? На понятии сущности как формальном горизонте вопрошания. Но, как показал Аристотель, сущность сущности в самом вопросе уже предопределена присутствием: *ὄντῶς* мыслится на основе *εἶναι*. Сущность или «чтойность» определяется как сопричастность налично существующему, присутствию присутствия. Сущее, наличное, субстанция, сущность связаны во всех своих смыслах с формой причастия настоящего времени. Слово «бытие», образованное от «быть», в языке прямо связано с «есть» — формой изъявительного наклонения настоящего времени третьего лица глагола «быть». Действие в этой форме застывает в форме субстантива «бытие» [11, с. 127-129]. Сама конституция метафизического мышления выступает как сведение сущности к наличному присутствию (сущему).

Классическая философия вся была построена на тождестве мышления и бытия, которое и означало единство наличного сознания, которое обеспечивалось сведением к самосознанию. Чтобы выразить чистое бытие, бытие как таковое, необходимо было сведение в точку «я мыслю» всего эмпирического содержания сознания, т.е. превращение всего наличного созна-

ния в простое представление. Понятие и есть чистая форма представления единства [содержания] сознания. Только уничтожив различие эмпирического содержания сознания, сведя его к наличной форме представления, можно выразить это содержание как единое. Чистое бытие Гегеля и есть пустое понятие, означающее тождество самосознания. Сведение эмпирического содержания сознания к его единству есть устранение времени, т.е. выражения становления (различия). Представление (понятие) и есть сведение сущего к неопределенному настоящему как чистому присутствию, чистому тождеству с самим собой.

Феноменология основывается не на представлении, а на дескрипции интенциональности. «Направленность на...» фундирует любые восприятия внешних вещей и самого мышления. Однако уведомление о собственном присутствии в мире, осуществляемое интенционально, предполагает некую *исходность*, которая фундирует восприятие, но сама каждый раз остается «за» интенцией, являясь ее обратной стороной. Рефлексивное оборачивание «взгляда» превращает ноэзу в ноэму. Однако понимание интенции-направленности как акта «полагания» смысла (ноэмы) полагает их обязательное тождество. Казалось бы, это дало возможность снять проблему рефлексивного удвоения сознания, с которой боролась классическая философия, и перейти к дескрипции логосферы сознания. Однако здесь-то и обнаружилась ограниченность и предел самой феноменологии. Как только был поставлен вопрос о временности сознания и становлении смыслов как пассивных синтезов сознания, сразу же обнаружилось, что интенциональность как уведомляющая нацеленность перестает быть фактичностью. Феноменологическая дескрипция превращается в истолкование, а затем вообще — в конструирование смыслов. В рамках феноменологии схватить смысл бытия возможно либо в виде рода (региона) фактичности сознания, либо в виде эйдетически конструируемой сущности (бытия как бытия), т.е. только различая *во времени представления* интуицию бытия как бытия сущего и бытия самого по себе. Феноме-

нологическая дескрипция фактически сводится к двум представлениям, двум феноменам, двум именам бытия, которые мы можем удерживать в мышлении только *последовательно*. Хотя переход от первого ко второму схватывает (*auffassen*) смысл бытия, сам смысл оказывается различием между ними. «Схватывание» в феноменологической дескрипции — есть одновременно и «связывание» (пассивный синтез), и «различение» (активный синтез) феноменов бытия.

Это приводит к двусмысленности бытия как оппозиции присутствия/отсутствия: есть два феномена бытия или два разных имени одного и того же. Это касается не только феноменологии сознания Гуссерля, но и феноменологии бытия Хайдеггера.

Но возможно ли для нас мыслить как-то иначе, чем на основе мышления тождества? Если ни понятийное мышление, ни феноменологическая дескрипция не позволяют уловить само бытие как различие, то как его вообще возможно мыслить? Философия не может умереть, но она должна измениться. Нужен «другой строй мысли».

4. Различие различия: складка и перпендикуляр

Различие для Ж.Делеза — это состояние различения, а субъект различия — это некая экстерриториальная точка или позиция, из которой, так сказать, различие схватывается. Для того чтобы мыслить само *онтологическое* различие, говорит Ж.Делез, необходимо, во-первых, собственно мыслить, а не представлять, во-вторых, это должно быть мышление без привязки к сознанию «я мыслю», и, в-третьих, такое мышление должно быть самим становлением (генезисом) смысла и означивания. Иначе говоря, мышление различия не есть мышление в понятиях или образах, но мышление в смыслах, или точнее — мышление смыслами. Смысл становится из нон-сенса, бытие — из (не)-бытия. Схватывание становления возможно только, если все время удерживать различие между смыслами становящегося и уже ставшего. Если различие выступает как различие «между» ста-

новящимся и ставшим, то выразить его в субстантивированном языке или субстанциализированном понятийном мышлении невозможно. Аристотель пытался выразить различие через родовидовую классификацию, Гегель — через спекулятивное мышление «своего иного». Однако в рамках предметного (сущностного) языка сделать это невозможно: и у Аристотеля, и у Гегеля различие непосредственно выступает как противоречие, которое в своей рассудочно-понятийной форме должно и может быть «снято» только в рамках всей системы разума. Платоновское, аристотелевское или гегелевское мышление осуществляют синтез понятий на фоне и при условии теория — усмотрения *целостности* самого бытия как ставшего. Задача Делеза заключается в том, чтобы схватить становление–различие как момент *конечного* здесь и сейчас. В таком случае делезовская нейтрализация языка и мышления означает, что они выступают как непосредственная интуиция становления смыслов дифференцирующегося в себе бытия. Различие «умирает» в предметном языке или законченном языковом образе, но может «удерживаться» интуицией уже отсутствующего в присутствующем или ставшего в становящемся.

Делезовская интуиция заключается в парадоксальном дизъюнктивном синтезе или одновременном соединении-различении. Если предметом становится саморазличение бытия, то интуиция заключается в схватывании бытия одновременно как бытия *сущего* и как бытия *самого по себе*. Но бытия самого по себе не бывает — есть только сущее. Следовательно, мы парадоксальным образом принуждены, мысля бытие через его сущее, мыслить его само по себе, и одновременно, наоборот, мысля бытие как бытие, «другим концом» мысли удерживать его сущность, его сущее. Нужно одновременно мыслить бытие как бы «через» его сущее, забывая/не забывая об этом сущем. Та «искра» интуиции, которая «проскакивает» как бы между одновременно удерживаемыми понятиями или образами бытия, «разряжаясь» в новый смысл. Конечно, это не понятийное мышление, которое строится линейным способом,

но именно «двойное движение» — одновременно различение-соединение, одновременное движение от становящегося к ставшему и от ставшего к его становлению. Такая интуиция есть различия бытия как двойного движения от сущностей к бытию и от бытия к сущности. Выражение этой дифференциации на фоне сохранения единства и есть специфический делезовский способ мыслить различие и основа всего его философствования.

Такое мышление закладывает основы метафизической *онтологии события*. Таковым является делезовское учение о *складке*. Мышление становления есть, как говорилось, не логическая дизъюнкция, но соединительная дизъюнкция самого бытия, реализующая своим осуществлением различие различия. Что открывается в этой точке различения? Само становление как живое движение саморазличения. А именно, во-первых, само онтологическое различие между бытием и его сущим, а во-вторых, различие самого этого различия как различие между бытием и его становлением. Онтологическая дифференциация различия есть различие между *сущест­венностью* и *событийностью* самого бытия. Как это можно выразить, не прибегая к спекулятивному мышлению противоречия или понятийному мышлению родо-видовых определений? В самом деле, речь идет о мысли как постоянно осуществляющейся дизъюнкции самого существующего. А такой дизъюнктивный синтез — в то время как он есть «противоречие в себе», «круглый квадрат», синтез в различии и различие в соединении — легко спутать с обычной негацией, оппозицией и отрицанием. Как можно «уйти» от этого отождествления? Мысль существует в своем движении как различие, т.е. как граница между одним и иным. Но ничто не может спасти гегелевское «свое иное» от его понимания как внешней границы. Между тем, различие необходимо мыслить как внутреннюю границу бытия. Однако вне бытия ничего нет; следовательно, эта граница может быть только внутренней. Выражая эту мысль, А.Бадью пишет: «Если граница мыслится не иначе как подвижный след на внешнем, нет уверенности, что мы

сумеет спасти однозначность. Ибо «Бытие» опять будет говорить в двух смыслах — о внешнем и границе, пространстве и следе, бытии и событии. Стало быть, необходимо, чтобы акт мысли сочетался с поверхностью (с внешним), как с тем, что само по себе является границей. Но что может быть одновременно движением поверхности и разграничивающей линией? Это как раз и есть складка» [2, с.121].

Для выражения смысловой интуиции такой дифференциации самого различия Ж. Делез изобретает образ ненаглядного, т.е. такой наглядный образ, который ничего не изображает, но может направлять саму мысль различия. Это образ *складки*.

Складка — это такой топологический оператор мышления, с помощью которого схватывается «двойное движение» интуиции. Мышление смыслами означает создание особой топологии, особого пространственного представления, которое выражает то, что наглядным и понятным образом, строго говоря, выражено быть не может. Мысль является складкой самого различающегося в своем осуществлении бытия, ибо сама мысль есть элемент бытия в качестве того, что обнаруживается как его поверхность. Как это понять? Традиционное противопоставление бытия и мышления здесь ускользает в бездну непонимания. Между тем, если понять, что бытие в своем становлении еще только должно стать и обрести смысл «бытия», бытие как становящееся есть еще (не)-бытие, которое должно получить значение «бытия», то становится ясным, что мысль и есть объективная *граница, поверхность и складка* бытия. Мысль есть граница, поскольку она есть внутренняя граница между еще не ставшим и уже ставшим бытием, т.е. бытием теперь уже мыслимым в качестве бытия как такового. Мысль есть поверхность, поскольку в-месте со становлением бытия как бытия мысль получает статус «мысли». Бытие теперь мыслится как бытие, а в-месте с этим мыслится и сама мысль как присутствующее ему «значение». Мысль есть сама складка бытия, поскольку она — в дизъюнктивном синтезе — удерживает и уже ставшее и получившее статус и значение «бытия», и (не)-бы-

тия как его «условия» и «основы». Граница здесь перелом и сгиб, оставляющий на одной стороне еще не ставшее бытие, а на другой стороне — уже ставшее, уже вышедшее в свое существование бытие.

Поэтому эта внутренняя поверхность есть одновременно и внешняя: «...то, что есть складка внешнего (что внешнее складывается) онтологически означает, что оно образует внутреннее. Представим себе сложенный листок: на нем есть имманентная граница, но образуется и внутренний карман. Следовательно, можно сказать: интуиция, где Бытие совпадает с мышлением, образует в виде складки внешнего некую внутреннюю фигуру. И тогда мы вправе назвать этот сгиб “собой” — и даже... “субъектом”» [2, с.122]. Понятно, что эту субъективность теперь необходимо трактовать расширительно, отнюдь не отождествляя с «человеческой» субъективностью. Субъективность есть акт саморазличения бытия. Это звучит парадоксально, ибо внешнее всегда имеет внутреннюю поверхность; нанка есть поверхность из-нанки, кожа — поверхность тела, мысль — поверхность субъективности. Но здесь между внутренним и внешним нет различия, ибо речь идет именно о саморазличении бытия. Это «внутреннее» различие бытия как бытия, исчезающее во внешнем различии бытия и сущего, и есть дифференциация самого различия.

Очевидно, что субъективность теперь нельзя отождествлять с «человеческой» субъективностью, но необходимо трактовать расширительно: субъективность есть акт саморазличения бытия. Мысль не есть некая субстанция, некая ментальная материя, феноменологически всегда обнаруживаемая в акте cogito. Мышление есть «...уже не точка в полном смысле слова, но место, позиция, местоположение... Субъектом становится тот, кто в точку зрения попадает, или, скорее, тот, кто в точке зрения пребывает. Поэтому преобразование объекта соотносится с коррелятивным преобразованием субъекта: субъект теперь не “субъект”, но ... “суперъект”. ...Вместе с субъектом... варьирует вовсе не точка зрения; напротив, варьируют условия, при которых вероятный субъект улав-

ливают вариацию. Это не варьирование истины сообразно субъекту, а условие, при котором субъекту предстает истинность варьирования» [3, с. 154].

Если бытие событийно, то неизбежен разговор о событии события. Ж.Делез только открывает перспективу мышления событийности, собственным способом ее разворачивает А.Бадью. Мысль различия есть пространственная модальность времени, ибо время есть другое начало или другое название событийности бытия. Если событие есть дифференциация бытия, то время события есть стояние внутри (*die Innestehen*). Бытие событийно, время мгновенно (*der Augenblick*). Но если само событие бытия может быть понято пространственным образом как складка, то, как может быть понято событие события? Как как может быть пространственным образом понято мгновение?

А.Бадью разворачивает специфическую онтологию события; его платоновский жест означает возврат к пониманию событийности самого события. Сущее временно, а истина носит вневременный характер; но это характер событийности. Специфическая цель философии — не установить истину, но предоставить ей «место» [1, с. 17]. Философское мышление осуществляет доступ к истине бытия через родовые процедуры мышления (четверица мышления — *μάτεια, ποίεσις, έρος* и *πολίτiα*). Мышление не «открывает» истину, но «осуществляет» истину как событие бытия. Это значит, что мышление выступает как со-бытие бытия, как *перпендикуляр* к событию самого события.

Если бытие дано как *ex-tasis*, то событие такого события выступает как некое перпендикулярное или ортогональное к этим экстатическим схемам времени действие. Если время как другое начало бытия выступает как *in-tasis*, это не линейное время последовательности становления бытия, «перевода» (не)-бытия в полноту существования, текущей временности, но это «время» самого события как полнота возможности-потенциальности.

Непрерывность линейного времени есть только рефлексивная непрерывность; на самом деле между моментами «теперь» линейного

времени лежит бесконечность и от одной точки линейного времени нельзя перейти к другой, если само событие не повторится второй раз. Время события дискретно. Поэтому необходимо понять, что перпендикулярно каждому моменту «теперь» линейного времени бытия развернуто еще время самого события. Это виртуальное время, это своеобразный топос, или интервал «между» двумя примыкающими друг к другу точками «теперь».

Это значит, что поперек привычной линии линейного времени актуального разворачивания бытия *есть* еще «потенциальное» пространство вместимости всех потенциальных состояний бытия. Это «есть» и есть принуждение мыслить бытие события, т.е. его со-бытие как различие самого различия. Однако здесь нет дурной бесконечности, ибо речь идет об онтологическом различии, а не о логической возможности его мышления [18, с. 129-132].

Событие есть некоторый неразделимый момент «теперь», который «вмещает» в себя все бытие, разом и необратимо. В момент события актуально происходит как бы «растяжка» этого момента «теперь», так что в этом интервале воплощается вся полнота бытия. В каждом моменте «теперь» бытия и ортогонально к нему содержится вся полнота потенциальных возможностей осуществления, можно сказать, вся мировая гармония, но которая «кусочно» и «конечно» воплощается в моменте осуществления.

Это своеобразная «растяжка» момента «теперь» не поддается линейному изображению, поскольку касается различения в самом бытии — события самого события. Событие необратимо, ибо в каждый конечный актуальный момент «теперь» осуществляется вся полнота потенциального бытия, но так, что бытие развивается и воплощается только как конечное — во-первых, пространственным образом, во-вторых, конечно-временным. Поэтому событийность бытия предполагает как бы «объемную» развертку в двух измерениях: в горизонтальной плоскости синтеза временных «теперь» (бытия как бытия) и вертикальной плоскости

синтеза самого момента события (бытия как события) [17, с. 109-140].

Это означает, что бытие — инвариантно; множественность единому бытию придает именно его событийность. Событие — индивидуально, или трансверсально. Задача как раз и заключается в том, чтобы мыслить событие бытия (двоицу) как неразличимое множество, из которого «рождается» различие [1, с. 54].

Но такое событие невыразимо. Это означает, что истина сама есть множественное; множественное в том смысле, что она есть истина самого события, т.е. ситуации бытия. Платон полагал, что можно справиться с софистикой, исходя из апорий онтологии множественности, что и привело его к необходимости мыслить Единое. Но теперь вся проблема, что событийность самого бытия заставляет нас снова мыслить его множественность. «Если дана множественность, пусть та, все бытие которой чисто множественно, множественность-без-единства, каким образом помыслить бытие того, что составляет истину такой множественности? ...Необходимо предложить доктрину истины, совместимую с неустранимой множественностью бытия-как-бытия. Истина может быть только особым производством некоторой множественности. Все дело в том, что эта множественность не будет подчинена авторитету языка. Она будет или, скорее, окажется неразличимой» [1, с. 69].

Но как можно выразить невыразимое? Это возможно, только мысля событийность бытия, т.е. множественность и инвариантность проявлений одного и того же [19, с. 36-37]. Это значит, что истина будет таким бесконечным (родовым) выражением одного и того же единого: «...центральной является здесь категория родовой множественности. Она сможет основать платонизм множественного, позволив мыслить истину сразу и как множественный результат особой процедуры, и как дыру (или изъятие) в поле именуемого. Благодаря ей станет возможно принять онтологию чистой множественности, не отказываясь от истины и не признавая определяющий характер языковых вариаций» [1, с. 68-69].

Иначе говоря, родовая множественность есть тип бытия конкретной истины. Необходимость мышления множественности единого бытия и является основанием развития модного течения спекулятивного реализма (см.: [21]).

Мы можем бытие именовать бытием, единым, одним и т.д., сохраняя при этом мышление невыразимости его множественности; мы можем говорить о единственной истине, понимая характер ее событийности в той или иной *ситуации*. Без истины бытие несамостоятельно, не имеет *status quo* в качестве бытия-как-бытия. Поэтому истина не просто является произвольной, но завершающей бытие частью; она сама есть событийность бытия.

Это ставит вопрос о субъекте в смысле «места» совершения истины события, конечной родовой процедуры. Субъект в этом смысле есть спецификация ситуации бытия как события установления самого субъекта в качестве такового. Не может быть изначальной предзаданности спецификации субъективного: мы устанавливаемся в качестве субъектов сознания, воли и действия и всякий раз заново. Поэтому необходимо мыслить субъективность не как атрибут нашего человеческого, но как атрибут самой объективной ситуации совершения события [1, с. 71].

В самом деле, если событие есть ортогональная (перпендикулярная) к экстатическим схемам времени повседневности действие, тогда это время бытия оказывается историческим временем в обыденном и психологическом смысле слова. В таком случае всякий личный опыт оказывается «историческим» событием в значении «повседневности». В этом случае любое такое событие и любой такой опыт оказывается современным относительно горизонта повседневности (экстатической временности бытия). Если же событие выступает как ортогональная и перпендикулярная к уже «опрозраченному» времени, то это личностное время есть духовная линия судьбы, т.е. нашего становления в качестве подлинных субъектов своей жизни. В таком случае только акты медитации событийности бытия приобретают значение «исторических», т.е. конститутивных для

личностной истории. Это, в свою очередь, означает, что только в горизонте события может быть поставлен вопрос о бытии. Но, наоборот, только в горизонте вопроса о бытии может быть поставлен вопрос о событийности опыта субъекта. Благодаря именно этому бытие оказывается не просто инвариантным, но событийным: инвариантность бытия сохраняется в его событийности. В противном случае, бытие было бы и не единым, и не множественным; «историчность» или «современность» относились бы «только» к структуре самого бытия, но не захватывали бы нашего личного опыта проживания (Erlebnis).

Поэтому философия как мышление бытия есть событие или истинностная процедура; она ортогональна к онтологии как разворачиванию бытия как бытия. Складка бытия, или точка-перпендикуляр события, поэтому есть *шов* философии к самому разворачиваемому бытию. И перспектива философии заключается в том, чтобы, наряду с тождеством бытия, мыслить различие как его другое начало.

Список литературы

1. Бадью А. Манифест философии. СПб.: Machina, 2003.
2. Бадью А. Делез. Шум бытия. СПб.: Machina, 2003.
3. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1998.
4. Делез Ж.. Логика смысла. М.: Akademia, 1995.
5. Делез Ж. Платон и симулякр // Новое литературное обозрение. 1993. №5. С. 45 — 56.
6. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
7. Кожев А. Диалектика Реального и феноменологический метод у Гегеля // Идея смерти в философии Гегеля. М.: Логос, Прогресс-Традиция, 1998.
8. Мартин Хайдеггер/Карл Ясперс. Переписка (1920-1963). М.: Ad Marginem, 2001.
9. Платон. Софист //Сочинения в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2.
10. Платон. Парменид// Сочинения в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т.2.
11. Фуко М. Слова и вещи. СПб.: 1994.
12. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1997.
13. Хайдеггер М. Время и бытие// Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
14. Хайдеггер М. Гегель и греки// Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., Республика, 1993.
15. Хайдеггер М. Закон тождества// Тождество и различие. М.: Гнозис, 1997.
16. Badiou A. Being and Event. L.: Continuum, 2006.
17. Badiou A. Logic of World. Being and Event 2. L.: Continuum, 2009.
18. Badiou A. Erste Bemerkungen zum Begriff des Topos // Gott ist tot. Kurze Abhandlung über eine Ontologie des Übergangs. Wien, Turia-Kant, 2007.
19. Badiou A. Zweites Manifest für die Philosophie. Wien-Berlin, Turia-Kant, 2009.
20. Grodin J. Die Wiedererweckung der Seinsfrage auf dem Weg einer Phaenomenologisch-hermeneutischen Destruktion // M.Heidegger. Sein und Zeit. Berlin: Akademie Verlag GmbH, 2001.
21. Meillassoux Q. After Finitude. An Essey on the Necessity of Contingency. L.: Continuum, 2008.
22. Heidegger M. Sein und Zeit. Tubingen, Niemeyer, 2001.

DIFFERENCE AS BEING EVENT: POSSIBILITY OF THINKING

Sergei V. Komarov

Perm State National Research University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

In the article the concepts “difference” and “event” are considered, the concepts which are attributive for the philosophical thought of XX century. The author analyses the concept “event” in the philosophy of M.Heidegger and the concept “difference” in the philosophy of G.Deleuze. It is pointed out that the end of metaphysical discourse in the modern philosophy is just connected with the critic of the substantiating of the being. The necessity to think the coming-to-be leads not only to the difference of the being, but also to the difference of the difference itself. It is expressed in the specific modal topology of the ontological concepts of “fold” of G.Deleuze and of “perpendicular” of A. Badiou.

Key words: being, event; difference; becoming; differentiation; time; fold; perpendicular; subject; truth.

УДК 116

ОТБОР В НЕЖИВОЙ ПРИРОДЕ КАК ЭВОЛЮЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПРИНЦИП КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ «НЕОИНДУСТРИАЛЬНОГО» ОБЩЕСТВА

А.Ю. Внутских

В статье анализируется селективный процесс в рамках физической и химической форм материи. Автор полагает, что физический и химический отбор выступает в качестве важной стороны соответствующих форм эволюции, однако сам по себе не является эволюционным законом. Человек, повторяя путь эволюции неживой природы, использует механизм физического и химического отбора в качестве основы конвергентных технологий, начало производственного применения которых знаменует завершение постиндустриальной трансформации и появление «неоиндустриального» общества.

Ключевые слова: отбор; физическая эволюция; химическая эволюция; «неоиндустриальное» общество; конвергентные технологии.

Данная статья является логичным продолжением серии авторских работ, посвященных изучению всеобщего эволюционного механизма — отбора. По нашему мнению, отбор можно связать с появлением нового, более сложного, если, на основании данных системы частных наук, принять принцип избирательной реализации единичных возможностей и изменения вероятности событий, которые ориентируют мировой процесс на воплощение общих возможностей интегрального прогресса [14]. Далее нами были проанализированы два аспекта философской концепции отбора. Во-первых, отбор рассматривался как процесс закономерной конкурентной дифференциации предметов отбора на более сложные и более простые и их подбора. Во-вторых, была определена задача изучения особенностей конкретных форм отбора, связанных с основными формами материи [13]. Изучению форм отбора в рамках физического и химического уровней организации (в неживой природе), а также исследованию использования данного селективного механизма человеком в производственном формате — формате применения новейших конвергентных технологий в хо-

де завершения постиндустриальной трансформации — посвящена данная статья.

Как известно, идея развития начала проникать в физику давно — достаточно вспомнить космогонические гипотезы античных атомистов, Декарта, французских материалистов-просветителей, «небулярную теорию» Канта. Однако до середины XX в. физика не могла объяснить процессы, приводящие к росту упорядоченности, усложнению систем. Только благодаря *синергетике* во второй половине XX в. естествознание смогло принять идею о том, что способность к самоорганизации (в том числе к усложнению) характерна для всех форм материи, причем законам классической термодинамики это не противоречит. *Теория самоорганизации* (синергетика в широком смысле) исследует *существенно открытые и неравновесные системы*, через которые проходит поток вещества и (или) энергии. В такой системе второе начало также выполняется и энтропия производится, однако способная к самоорганизации система является *диссипативной* — она рассеивает свободную энергию, и этот поток «выносит» произведенную энтропию в среду, все сильнее отклоняя систему от термодинами-

ческого равновесия. В теряющей устойчивости системе развиваются все более мощные флуктуации (спонтанные отклонения от равновесного состояния). Наконец, одна из флуктуаций охватывает все элементы системы, которые до того вели себя хаотически, а теперь начинают вести себя упорядоченно, *синергетически*. При этом «экспорт» энтропии начинает превышать ее внутреннее производство, описываемое вторым началом термодинамики — в этом, собственно, и заключается самоорганизация [8]

И. Пригожин и И. Стенгерс специально подчеркивали, что в форме неустойчивой неравновесной системы *материя проявляет спонтанную активность*, обретая вблизи точек бифуркации способность воспринимать слабые различия во внешнем мире, которые приводят к *отбору структур как форм «адаптации» системы к внешним условиям* [37, с. 37, 50, 55, 221 — 224]. Однако приходится констатировать, что факт необходимого, в существенной мере «априорно» направленного мирового процесса не получил вполне адекватного *номологического* объяснения и в синергетике, которая нередко интерпретируется как теория *ненаправленной*, принципиально *непредсказуемой* (и в деталях, и в целом) эволюции. Даже ключевое понятие *аттрактора*, которое фактически является естественнонаучным аналогом понятия направленности развития в научной философии, не было должным образом интерпретировано в синергетике; получили отражение лишь некоторые стороны этого феномена, понимаемого как нелинейное движение к максимальной устойчивости [8, с. 79 — 90]. На наш взгляд, из диалектического понимания случайного и необходимого следует, что отбор эволюционных траекторий *отдельных* систем, находящихся в «точке бифуркации», объективно случаен и в известном смысле действительно непредсказуем. Вместе с тем, факты свидетельствуют, что у отбора как *всеобщего* механизма развития есть своя фундаментальная «логика», несводимая к «логике» *единичных* бифуркаций — физический смысл это утверждение приобретает в свете выявленной рядом исследователей коррелированности квантовых событий [13, с. 14–15].

лированности квантовых событий [13, с. 14–15].

Несмотря на отсутствие в физике адекватной номологической интерпретации развития, факт усложнения физической материи получил отражение не только в синергетике, но и в таких фундаментальных обобщениях, как, например, *антропный космологический принцип* (особенно «сильный») и *теория «горячей Вселенной»*. Теория «горячей Вселенной» пока является в космологии господствующей, хотя дополняется новыми представлениями о космологической инфляции и «темной материи». Как известно, эта теория исходит из того, что после Большого взрыва Вселенная расширяется. Другими словами, с ходом времени увеличивается ее объем, уменьшается температура и плотность вещества, что приводит к закономерным изменениям физической материи. В таких условиях *неизбежен отбор, направленный на появление все более сложных физических систем, а затем и «надфизических» форм материи*. Рассмотрим проявления отбора в рамках конкретных этапов физической эволюции.

Отбор в микромире

По современным представлениям в ходе Большого взрыва из вакуумоподобного состояния («ложного вакуума»), гипотезу о существовании которого можно рассматривать как попытку *физического описания дофизической материи, рождаются пары реальных элементарных частиц* (частицы и соответствующие античастицы) [24, с. 162; 35]. Отметим, что процесс рождения частиц неоднократно наблюдался в экспериментах при действии на вакуум электромагнитного поля [33, с. 26 — 27]. Общее число известных в настоящее время элементарных частиц превышает 350, однако сейчас вещество Метагалактики построено только из сравнительно легких и устойчивых протонов и нейтронов (состоящих из кварков *up*, *down*), а также электронов. Большинство известных частиц, которые в качестве объектов действительности возникли в ходе Большого взрыва, оказались неустойчивыми, неспособными к формированию более сложных структур. Многочис-

ленные примеры *селективных ограничений*, накладываемых в условиях расширения Вселенной на разрешенные параметры частиц и их взаимодействий, анализируются, например, в работах А.Д. Долгова, Я.Б. Зельдовича, И.Д. Новикова [17; 32, с. 117 — 122, 185 — 186.]. Предполагается, что в рамках *дорекомбинационной* стадии физической эволюции (от сотен тысяч до 1 млн. лет после Большого взрыва) сначала имели место равновесные реакции между элементарными частицами. По мере остывания Вселенной это равновесие нарушалось: обратные реакции оказывались *неконкурентоспособными* и, соответственно, аннигилировали (элиминировались) практически все возникшие кварк-антикварковые и электрон-позитронные «пары». Однако вследствие большей конкурентоспособности предшествующих реакций (большей вероятности распада сверхтяжелых X- и Y-лептокварков по пути образования кварков и лептонов, а не антикварков и антилептонов) к этому моменту уже сформировался небольшой избыток числа частиц по сравнению с числом соответствующих античастиц [40]. Так благодаря аннигиляции во Вселенной установилось доминирование вещества над антивеществом.

Затем начался синтез из «избыточных» кварков протонов и нейтронов. В ходе этого синтеза, по причине различной конкурентоспособности изначально равновесных реакций, установилось соотношение числа протонов и нейтронов на уровне 85 и 15 % соответственно. Множество других реализованных вариантов соединения кварков было элиминировано в силу их неустойчивости в условиях расширяющейся Вселенной: например, «вымерли» все частицы-«резонансы», время существования которых составляет лишь 10^{-22} – 10^{-24} с., исчезли тяжелые частицы гипероны, неустойчивыми оказались мезоны. Примерно через 100 с. после Большого взрыва начался первичный нуклеосинтез, и он также был *избирательным*: сохранились протоны — будущие ядра атомов водорода (около 75% по массе), синтезировались другие легкие ядра, в основном ядра гелия (около 25% по массе); реакции образования

изотопов, более тяжелых, чем ${}^7\text{Li}$, были в тех условиях неконкурентоспособными [23, с.149]. Наконец, когда Вселенная остыла до 3000–4000 К, произошел захват образовавшимися ядрами электронов, т. е. синтез атомов (рекомбинация); параллельно с этим от вещества отделился поток «остывших» и уже не взаимодействующих с веществом фотонов (реликтовое «фоновое» излучение) — так Вселенная стала прозрачной для света. На этом дорекомбинационная стадия физической эволюции завершилась. Все, что мы знаем об этом периоде эволюции, судя по ее результатам, свидетельствует о следующем. В целом это прогресс (синтез) физических систем, включающий в себя в качестве подчиненного момента и условия избирательный, т.е. связанный с отбором, регресс (распад) некоторых из них.

Отбор в мире космических объектов

В рамках *пострекомбинационной* стадии (с момента рекомбинации до нашего времени) физические процессы также опосредованы «отбором-ситом»: синтезом (подбором) действительных физических объектов, включающим в себя момент распада, а также конкурентной дифференциацией систем синтезирующихся объектов, результаты чего фиксируются в их избирательной элиминации и торможении. Так, в продолжающем расширяться водородно-гелиевом газе благодаря флуктуациям плотности формируются «сгустки» (кластеры), которые благодаря гравитационным силам увеличивают свою массу. Между сгустками газа шла *конкуренция* за рассеянное вещество, в которой побеждали наиболее массивные, *элиминирующие* и поглощающие более мелкие сгустки. Кроме того, огромное количество газа и пыли *тормозится в развитии*, оставаясь в межзвездной среде в рассеянном состоянии — например, в виде «темных» (беззвездных) галактик [42]. Отобранные же массивные сгустки становились «зародышами» будущих звезд. По современным представлениям процесс гравитационной конденсации, связанный с *конкуренцией и отбором* сгустков вещества, проявляется также в форме «каннибализма галактик», имеет место при об-

разовании спутников звезд; при этом физический синтез стимулируется химическими взаимодействиями [11; 18, с. 137–139, 166; 44, с. 12–13.].

Рассматриваемый процесс также связан с отбором — избирательной элиминацией орбит космических объектов. Например, правило Тициуса — Боде подразумевает, что орбиты, расположенные между орбитами планет современной Солнечной системы, не заполнены именно потому, что являются неустойчивыми. Очевидно также, что далеко не каждая реализованная орбита находится в «обитаемой зоне» (HZ — habitable zone), т.е. совместима с возможностью возникновения на планете сложных химических систем и жизни. Так, по данным Extrasolar Planets Encyclopedia, из 765 обнаруженных на начало 2012 г. экзопланет потенциально обитаемыми могут считаться только 4 [53] — и это тоже проявление физического отбора, непосредственно действующего на физические теневые системы «надфизических» объектов. Более того, выделенность галактической орбиты Солнечной системы в целом из множества орбит других звездных систем определяет возможность возникновения жизни на Земле. Орбита Солнца располагается вблизи коротационного круга, где вращение рукавов Галактики и галактического диска происходит синхронно, а это обеспечивает длительное нахождение Солнца и Земли вне рукавов Галактики, в которых частые взрывы сверхновых образуют губительное для жизни излучение [28, с. 367–375]. Наконец, известно, что различной устойчивостью обладают сами звезды (помимо того, что реализуются далеко не все возможные сочетания их характеристик), а также их скопления; в этой связи еще в XIX веке И. Унбехаун говорил об отборе в мире звезд [54].

Следует подчеркнуть, что все сказанное выше об эволюции Вселенной относится к развитию действительных объектов *наблюдаемой* физической материи. Однако, согласно последним данным, наблюдаемая материя составляет лишь 4 % массы Метагалактики. Остальные 96 % приходятся на «темное вещество» (обычное неизлучающее вещество и элементарные час-

тицы, составляющие вместе около 23 % массы Метагалактики) и «темную энергию» (73 %) [41]. Очевидно, что большая часть преобладающей «темной физической материи» существенно *процее* атомного вещества, включенного в звездно-галактические системы, и в этом состоит еще одно проявление *отбора*, формой существования которого выступают *элиминация и торможение большинства физических объектов*. Впрочем, природа «темной материи» в настоящее время исследована недостаточно.

Итак, в целом развитие физической материи представляет собой увеличение различий по сложности объектов действительности, в рамках которого находится место и для простейших физических явлений (таких, например, как «темная материя», реликтовое фотонное излучение, рассеянный атомарный водород), и для наиболее сложных (например, галактик, звезд и планет). Универсальное средство такой дифференциации физических явлений — это *соревнование сходных и подбор (синтез) различающихся* физических объектов, опосредованные *элиминацией и торможением* части из них. Благодаря этим процессам создаются «*внутренние*» (включенное низшее) и «*внешние*» (невключенное низшее) условия для дальнейшего развития на магистрали физической эволюции. Если говорить о формировании «внешних» условий, то, например, элиминация античастиц, завершающая конкуренцию исходно равновесных реакций, обеспечивает существование и развитие вещества — сначала в виде кварков и электронов, затем протонов и нейтронов. Смещение равновесия реакций в сторону образования протонов и элиминация «лишних» нейтронов обеспечивает синтез ядер и атомов с преобладанием водорода, что в дальнейшем способствует устойчивому существованию и более длительной эволюции звезд, а значит, появлению ядер большинства химических элементов. Если же говорить о формировании «внутренних» условий физической эволюции, то, например, подбор протонов и нейтронов в составе ядер стабилизирует нейтроны, которые в свободном состоянии распадаются примерно за 15 мин. Итак, при сохранении наиболее простых физи-

ческих структур осуществляется и *синтез* все более сложных, который, на наш взгляд, можно интерпретировать как подбор сохранившихся физических объектов. Так возникают протоны и нейтроны, ядра, атомы, молекулы, макротела, планеты, звезды и галактики.

Представляется необходимым рассмотреть по крайней мере два плана возможного («оптимально полного») многообразия физических объектов: речь идет об *элементарных единицах* физического и о специфическом *способе их организации*. Очевидно, что для реализации основной полноты содержания физического нужен, прежде всего, некоторый оптимальный набор ее элементов – таковыми являются «элементарные» (относительно современного уровня познания) частицы. Кварки, электроны, протоны и нейтроны, сохранившиеся в ходе дорекомбинационной селекции, являются и наиболее стабильными, способны образовывать сложные системы. В этой связи *протоны, нейтроны и электроны*, а также *кванты полей*, по видимому, следует рассматривать в качестве объектов, воплотивших некоторые главные возможности физического. Сказанное об эволюции физической формы материи позволяет отнести к числу общих ее возможностей возможности появления *ядер и атомов*; реализация этих возможностей совершенно необходима для продолжения единого закономерного мирового процесса, его «выхода» в область химизма. Кроме того, в качестве общих возможностей физической эволюции можно выделить следующие основные *формы организации*: *микрорурень* физической реальности, на котором возникают элементарные частицы и протекает их первичное развитие, *атомный уровень*, элементы которого закономерно образуют объекты *макро- и мегауровней* структуры Метагалактики. Только два последних уровня, представленных макротелами, планетами, звездами и галактиками, создают условия для продолжения единого мирового процесса, включая необходимую последовательность химического, биологического и социального.

Возникает вопрос об определении физического отбора. Все сказанное позволяет утверждать, что фундаментальным *фактором* данной формы отбора выступает прогрессивная направленность физической формы развития — физического синтеза. *Критерием* отбора на магистрали физической эволюции является *сложность* соответствующих объектов действительности, находящая выражение в их устойчивости и сравнительной способности к синтезу; отбор на подчиненных направлениях физической эволюции осуществляется по критерию соответствия развития на магистрали. В целом, согласно «сильному» *антропному космологическому принципу (АКП)*, физический отбор ориентирован на закономерное появление сложных структур, включая разумного наблюдателя [19]. Показательно, что даже авторитетные исследователи, отрицающие направленность природной эволюции собственно на *человека* (поскольку его собственно социальные свойства не определяются биологическими структурами и являются биологически нецелесообразными), признают, что условия во Вселенной обеспечивают принципиальную возможность существования разнообразных устойчивых структур и их разворачивания вплоть до высокоорганизованных форм живого вещества как *предпосылок* появления человека [29, с. 67 — 69]. Впрочем, забегая вперед (данный вопрос должен стать предметом специального изучения), отметим, что связать природную и социальную эволюцию в закономерную последовательность можно, если предположить, что человек с его сознанием и трудом стал результатом диалектического отрицания (снятия) доведенных до предела собственно биологических тенденций его обезьяноподобных предков [3, с. 214 — 218].

Возвращаясь же к проблематике физического отбора, зададимся вопросом: что выступает его *предметом (единицей)*? На наш взгляд, отдельный физический объект, который усложняется лишь посредством потери своего отдельного существования в ходе синтеза, в качестве такой самостоятельной единицы выступать не может. Разумеется, синтезирующиеся

объекты как элементы действительности вовлечены в отбор, но именно в составе некой системы синтеза. По-видимому, полноценной единицей физического отбора можно считать именно «систему физического синтеза», включающую как сам данный объект, так и фрагмент его среды, достаточный для вовлечения этого объекта в синтез. Вообще среда, окружающая каждый отдельный физический объект, играет в его «судьбе» активную, во многом определяющую роль. Дело здесь не столько в том, что среда синтеза *обуславливает* синтез (синтез, как главное направление физической эволюции, возможен только в условиях расширяющейся и остывающей Вселенной). Важнее то, что среда, кроме *условий* физического синтеза, содержит еще и его *причину* — «непосредственное существенное дополнение» каждого отдельного объекта, т. е. другие физические объекты, без которых усложнение в форме синтеза невозможно в принципе. И качество продуктов физического синтеза, и сама возможность этого синтеза определяется на «паритетных началах» как природой данного объекта, так и природой других физических объектов, составляющих его систему синтеза. *Подбираться, т. е. синтезироваться* могут и отдельные физические объекты. Однако *соревноваться* друг с другом и отбираться по критерию сложности — сравнительной способности к синтезу — могут лишь «системы синтеза» (например, системы ядерных реакций, взаимодействующих газо-пылевых кластеров и т. д.). И только достаточно большая совокупность таких «систем синтеза» выступает в качестве *единицы физической эволюции* — «*маленькой субстанции*», в рамках которой осуществляются полноценные элементарные акты отбора, включающие как подбор-синтез, так и соревнование.

В силу «неполноты» отдельного физического объекта, т. е. относительно невысокого уровня сложности, недостаточного для самостоятельного перехода этого объекта в высшее качество, он нуждается для такого перехода в непосредственном дополнении сложностью другого объекта — партнера по синтезу. Следовательно, прогрессивная направленность раз-

вития не может проявляться в достаточной для «самоопределения» мере в рамках отдельного объекта, развивающегося путем синтеза, что также предопределяет его *неспособность к спонтанному, активному выбору*. Неспособность отдельных физических объектов к выбору не означает отсутствия у них избирательности. *Избирательность* физического синтеза имеет место, хотя она существенно слабее выражена, нежели избирательность более сложных химических взаимодействий [24, с. 103–104]. Однако даже эта сравнительно слабо выраженная физическая избирательность не есть спонтанный, активный выбор отдельного объекта, поскольку она определяется не только его содержанием, но главным образом системой взаимодействий его с другими объектами в ходе синтеза.

Таким образом, физический отбор — это самая простая из известных форм отбора, скорее фиксирующая результаты развития-синтеза, включающего в себя распад, нежели вызывающая его. Физический отбор представляет собой необходимый для развития, но внешний механизм, «*отбор-сито*», который оперирует с уже сформировавшимися объектами действительности. Исходя из сказанного, можно предложить следующее *определение физического отбора*: *это объективно действующий эволюционный механизм, который посредством избирательной элиминации реализованных физических объектов фиксирует рост различий по сложности соревнующихся систем масс-энергетического синтеза (подбора)*.

Теперь перейдем к характеристике отбора в рамках *химического уровня организации*.

Идея химической эволюции начала оформляться во второй половине XIX в. Т. Хаксли в своей лекции «Физические основы жизни» (1868) рассматривал неорганические и органические соединения в качестве блоков, способных при сборке дать начало живым существам, а Ч. Дарвин высказал мысль о возможном «образовании живого существа из неорганической материи» — процессе, подпадающем, как и собственно жизненные явления, под «некий общий

закон природы» [16, с. 290]. С тех пор эта идея уже никогда не исчезала из научного обихода, а во второй половине XX в. эволюционная химия стала одной из главных концептуальных схем химии в целом. Однако представляется, что природа определяющих химическую эволюцию *законов и прогрессивной направленности* этого процесса как фактора химического отбора до сих пор раскрыта не полностью, что нередко приводит к представлениям явно телеологического характера. *Факт* прогрессивной направленности химической эволюции, в итоге с необходимостью приводящей к возникновению жизни, в науке осознан. Вопрос в том, как его объяснить. Своеобразным «химическим аналогом» антропного принципа в физике стал сформулированный Д. Кеньоном «*принцип биохимического предопределения*», согласно которому «от возникновения элементов до появления протоклеток наблюдается явная тенденция преимущественного развития в направлении живых систем, основанных на углероде» [22, с. 110]. Разумеется, жизнь — не цель химической эволюции, однако свойства самих химических элементов и их соединений таковы, что в условиях Метагалактики процессы, ведущие к возникновению жизни, происходят с высокой вероятностью (хотя происходит это, конечно, не на каждой планете). Авторы известных расчетов, которые исключают возможность самоорганизации неживой материи в живую как исключительно маловероятный процесс, неявно исходят из весьма спорного предположения, что материя, как пассивное начало, сама по себе не имеет никаких механизмов, определяющих ее спонтанную эволюцию. Теория самоорганизации и эволюционная химия, скорее, свидетельствуют об обратном.

В соответствии с принципом биохимического предопределения можно выделить «*магистраль*» химической эволюции: от элементов-органогенов, через их простейшие соединения, мономеры и полимеры до белково-нуклеиновых комплексов, обладающих рядом свойств, аналогичных свойствам живого. Важной составляющей современной теории прогрессивно направленной химической эволюции

выступают представления об *отборе*, действующем на всех ее этапах, причем «содержание процесса отбора в химической эволюции развивается в направлении усиления его биологической специфики» [10, с. 180]. Широко известны представления об отборе в отношении действительных химических объектов: химических элементов, молекул, надмолекулярных комплексов. При этом система фактов современной химии свидетельствует, что, как и в случае физического отбора, химический отбор действует на уже сформировавшиеся объекты действительности и *прогрессивно ориентирован благодаря процессу синтеза*, включающему в себя момент регресса.

Отбор химических элементов

Об этом проявлении химического отбора во второй половине XX в. писали, например, Д. Уолд, Д. Бернал, Н. Пири, М. Рутген, В.П. Визгин. Как известно, большая часть многообразия химических элементов возникает в ходе термоядерных реакций в звездах. Показательно, что в первую очередь и в наибольшем количестве образуются именно ядра *элементов-органогенов*, имеющих непосредственное отношение к возникновению и развитию жизни. Их образование идет с выделением энергии, соответствующие термоядерные реакции выступают в качестве основных реакций, поддерживающих существование звезд и обеспечивающих возникновение ядер других элементов. Таким образом, «физические процессы образования элементов-органогенов, по «определению» направленные на живое... являются основными процессами, обеспечивающими возникновение химической материи в целом» [4, с. 40]. Следствием так организованного звездного нуклеосинтеза является картина *распространенности элементов* во Вселенной с «пиками» органогенов, «провалами» неорганогенов, экспоненциальным падением кривой распространенности после «железного максимума». В свете этого Вселенная предстает перед нами как некая гигантская «заготовка жизни» в том смысле, что «живое вещество ближе

к звездному, имеет не локально “планетарную”, а общекосмическую природу» [47, с. 117].

Однако, хотя элементов-органогенов во Вселенной относительно много, отнюдь не одна только их распространенность приводит к возникновению жизни именно на этой основе. Исходное многообразие «естественных» элементов состоит почти из сотни элементов, которые вовлекаются в химический отбор на магистральной эволюции по критерию их сложности — способности синтезироваться с образованием также химически активных соединений. Т.С. Васильевой была высказана идея нелинейного изменения химической сложности атомов, согласно которой наиболее сложными являются элементы-органогены, в первую очередь *углерод* [9, с. 63–75]. Наряду с углеродом, и другие органогены характеризуются малым атомным весом, высокой реакционной способностью и, вместе с тем, стабильностью; они способны образовывать сложные и активные соединения, иными словами, характеризуются «химической универсальностью».

Отбор элементов нашел выражение, например, в том, что в состав химической основы земной жизни («биохимического стандарта») не вошел второй после водорода по распространенности элемент — химически инертный гелий. Элементы-галогены также являются в непосредственном плане химически наиболее активными и достаточно распространенными, однако по преимуществу образуют низкомолекулярные соединения, обладающие малой реакционной способностью. В рамках «альтернативной биохимии» кремний нередко рассматривается в качестве возможного конкурента углерода, однако он существенно уступает углероду по способности образовывать многообразные химические связи. Показательно, к примеру, различие в земных условиях физико-химических свойств таких распространенных соединений кремния и углерода, как SiO_2 (твердое, химически инертное вещество) и CO_2 (сравнительно активный в химическом отношении газ). Поэтому, хотя углерод находится лишь на 16-м месте по распространенности в земной коре, существенно уступая второму по

сле кислорода кремнию, его роль в возникновении и развитии жизни несравненно выше. Можно было бы сказать о локальном характере земных условий, которые и приводят к такой ситуации — однако соотношение космического углерода к кремнию составляет 1:10, а из десятков соединений, обнаруженных в космосе, лишь 8 основаны на кремнии, из них 4 содержат углерод [51]. Возможно, впрочем, что жизнь на кремниевой и углеродной основе является альтернативой среднего, особенного уровня в иерархии возможностей, и человек сможет раскрыть нереализуемый в нормальных земных условиях потенциал кремния, в том числе благодаря конвергентным технологиям. В состав «биохимического стандарта» не вошли также тяжелые элементы: помимо малой распространенности, многие из них физически неустойчивы, а в химическом отношении просты, не своеобразны. Таким образом, хотя практически все химические элементы обладают направленностью к синтезу, т.е. образуют соединения, далеко не каждый из них оказывается способным войти в состав эволюционно перспективных соединений. Показательно, что на базе 16–18 отобранных элементов-органогенов возникает 96 % всех известных молекул [26, с. 193–194].

Отбор молекул

Молекулярному отбору посвящены, в частности, работы Н. Горовица, С. Фокса, К. Дозе, Г. Стейнмана, М. Кальвина, В.А. Ратнера, В.И. Гольданского; благодаря отбору, вовлекающему в свою сферу молекулы нуклеиновых кислот, начинается предбиологическая эволюция в моделях Д. Холдейна, Г. Кастлера, М. Эйгена. По мнению Н. Горовица, отбор, представлявший собой *аналог дарвиновского*, приводил к сохранению молекулярных механизмов, продуктами которых выступали наиболее дефицитные вещества, что имело своим следствием постепенное становление метаболических цепей в ходе своеобразной эволюции «задом наперед». По М. Кальвину, молекулярный отбор при помощи *автокатализа* приводил к накоплению соединений, способных ускорять

собственное образование [20, с. 149–182]. С. Фокс и К. Дозе, признавая объективное существование молекулярного отбора, полагают, что он проявляется в специфическом характере реакций аминокислот с растущей полипептидной цепью – в процессе, который можно рассматривать как «частичное самоупорядочение» протеиноидов, или «внутренний самоотбор» [45, с. 169–176, 259, 260, 278]. Следует также отметить их мнение о причастности молекулярного отбора (в форме «стереоселективности») к возникновению *оптической активности* предбиологической органики: хирально чистый олигомер «размножается», а рацемат «вымирает» [15, с. 139–151]. Подытожить сказанное можно замечанием Д. Бернала о том, что молекулярный «предварительный отбор» воздействовал на множество соединений, из которых лишь некоторые пошли в дальнейшем на «постройку» живых существ [7, с. 73–74, 83] — остальные были *заторможены или элиминированы*. В результате, «из миллионов органических соединений в построении живого участвуют лишь несколько сотен, из 100 известных аминокислот в состав белков входят только 20, лишь четыре нуклеотида лежат в основе всех сложных полимерных нуклеиновых кислот» [26, с. 196].

Отбор надмолекулярных комплексов

Представления об этой форме химического отбора развиваются в работах А.И. Опарина и Д. Холдейна, Г. Меллера, Г. Кастлера, М. Эйгена, А.П. Руденко. В рамках теории «*коацерватных капель*» Опарина и теории «*микросфер*» Фокса и Дозе [45] предполагается, что эти надмолекулярные системы, с самого начала отделенные от внешней среды проницаемой оболочкой, возникли в первичном океане путём «самосборки». Будучи открытыми, они осуществляли химическое взаимодействие со средой и подвергались *отбору* «по признаку возможности их... длительного существования в данных условиях... происходило постепенное приспособление... этих систем... возникал закономерно организованный обмен веществ...» [34, с. 56]. Системы с неупорядоченным обменом

элиминировались, а сохраняющиеся характеризовались всё более сбалансированным ходом химических процессов, что послужило основой для становления метаболизма. Параллельно, в ходе «*соревнования*» (конкуренции) коацерватных капель за химические компоненты, совершенствовались уже существовавшие у них в зародыше свойства роста и размножения.

Согласно теории «*голового гена*» («*редуплицирующихся молекул*») Д. Холдейна и его последователей — Меллера, Кастлера, Эйгена, Шустера — предполагается спонтанное возникновение в «первичном бульоне» нуклеиновых кислот (РНК), которые сразу были способны к *редупликации* (или *репликации, копированию*), но первоначально были лишены оболочки. Копирование впервые возникших нуклеиновых кислот было связано с их *конкуренцией* за находящиеся в среде нуклеотиды («строительные блоки», из которых собираются копии РНК) и с ошибками копирования, – т.е. с химическими «мутациями», приводящими к спонтанным нарушениям репликации и появлению дочерних РНК с изменённой структурой. Если данная ошибка копирования случайно приводила к более успешной репликации в данных условиях, то изменённая РНК побеждала в конкуренции с подобными себе за нуклеотиды. Происходило «*запоминание случайного выбора*», создающего полезную для «выживания» информацию [21, с. 28–29]: при *торможении и элиминации* нуклеиновых кислот, реплицирующихся менее эффективно, сохранялись и воспроизводились более эффективные, возникающая информация накапливалась. По мнению Кастлера, это означает, что «система нуклеиновых кислот... способна... к эволюции в дарвиновском смысле, правда на... примитивном уровне» [21, с. 27].

Однако в экспериментах с РНК, копирующимися *in vitro*, конкуренция и химический отбор приводили к укорочению изначально «длинных» молекул [49, с. 10–11, 77; 52]. Расчёты Эйгена показывают, что такое упрощение неизбежно — при эволюции отдельных конкурирующих молекул РНК длина точно копи-

рующей цепи не может превышать 100 нуклеотидов. Единственным средством преодолеть указанный предел сложности, обусловленный катастрофическим накоплением ошибок копирования при росте цепей, оказывается еще одно проявление химического синтеза — *подбор разнотипных РНК и белков, образующих гиперциклы*. Гиперциклы — это системы из кооперированных молекул РНК, катализирующих воспроизведение друг друга посредством синтеза соответствующих белков-катализаторов, которые «являются аналогами дарвиновских систем на следующем, более высоком уровне организации» [49, с. 79]. В этой связи А. Баблюяц отмечает, что «все другие органические молекулы, которые... были неспособны... войти в такую симбиотическую структуру... в конечном счете деградировали» [1, с. 253–254]. В конечном счете, следствием химического отбора гиперциклов стало формирование наиболее совершенных белков-катализаторов (ферментов) и оболочки, еще более стабилизовавших и ускоривших репликацию нуклеиновых кислот, т. е. возникновение первых клеток.

Рассмотренные подходы к пониманию эволюции молекул и надмолекулярных комплексов, по-видимому, правильно отражают некоторые стороны действующего на эти системы отбора, а также сам факт усложнения химической материи. Однако их недостаток состоит в том, что в рамках рассмотренных подходов *не вскрываются причины, движущие силы имеющие в целом прогрессивный характер предбиологической эволюции, остаётся открытым вопрос о законах, определяющих эту эволюцию*. Так, в теориях Д. Холдейна, Г. Кастлера, М. Эйгена репликация рассматривается не как закономерный результат предбиологической эволюции, а как ее исходный пункт. Соответственно, положение о случайном (крайне маловероятном) появлении реплицирующихся единиц оказывается предельным объяснением в этих теориях. Между тем даже простое накопление нуклеотидов в «первичном бульоне» было маловероятно в силу эндергонического характера соответствующих реакций. Приходится констатировать, что, зафиксировав *факт* закономер-

ной, направленной от низшего к высшему химической эволюции, авторы рассмотренных теорий не сумели в полной мере вскрыть природу управляющих ею законов.

Указанного недостатка в значительной мере удалось избежать А.П. Руденко, который выдвинул *теорию саморазвития открытых каталитических систем (ОКС)*. Действительно, его теория эволюционного катализа — центральная теория функционального подхода к изучению биогенеза — рассматривает развитие ОКС как необходимое усложнение, которое определяется «продвигающим» эволюционным законом. ОКС — это открытая химическая система, состоящая из катализатора («центра катализа»), компонентов и продуктов каталитической или базисной реакции. «Движущим» и «направляющим» фактором эволюции ОКС выступает *базисная реакция*, поддерживающая их существование [38, с. 217]; базисная реакция, очевидно, выступает как проявление общехимической тенденции к *синтезу*. Основой решения проблемы прогрессивной направленности эволюции ОКС в теории Руденко служит принцип осуществления «естественного отбора многократных изменений катализатора в некотором самопроизвольном саморегулирующемся процессе» [38, с. 23]. Подразумевается, что случайные воздействия на ОКС, подобные мутациям, вызывают изменения эффективности центра катализа, фиксируются благодаря его физико-химическим изменениям и подвергаются *отбору*. Фактором отбора выступает сама базисная реакция, а первичным критерием, по которому идет отбор, является кинетический — абсолютная каталитическая активность, т.е. производительность соответствующего центра катализа, изменения же его природы отбираются автоматически, поскольку они приводят к максимальному росту эволюционных характеристик системы. ОКС «концентрируют» в себе все необходимые условия для проведения химического отбора, который становится существенно более «внутренним» процессом, нежели отбор физический. «Запоминание» и «хранение» возникшей информации сводится к уста-

новлению однозначной связи эволюционного эффекта с определенным физико-химическим изменением конституционной сферы ОКС [38, с. 40, 105; 39, с. 203]. Множество ОКС конкурировали за осуществление базисной реакции (за её компоненты), в результате чего реакция сосредотачивалась в наиболее каталитически активных системах, обладающих наиболее сложными и эффективными центрами катализа, а остальные ОКС тормозились и элиминировались [38, с.112].

Интенсивность базисной реакции, её полезная мощность, объем эволюционной информации — вот три эволюционных признака, сочетание которых можно считать критерием уровня сложности ОКС и критерием их отбора. Благодаря отбору катализаторов они постоянно совершенствовались, повышался уровень их каталитической активности — неорганические ОКС закономерно превращались в простые органические, а затем в белково-нуклеиновые и ферментативные, тем самым обеспечивая все большую интенсивность базисной реакции. Именно поэтому основной закон эволюции ОКС можно сформулировать как «принцип наибольшей вероятности и скорости развития на путях, приводящих к наивысшему уровню эволюции» [38, с. 196–197]. В конечном счете, это путь повышения уровня каталитической активности ОКС, путь интенсификации химического синтеза. Развиваясь, ОКС с неизбежностью проходили через ряд этапов, среди которых особое место занимало преодоление первого и второго кинетических пределов развития. По их достижении основной закон эволюции и химический отбор прекращают свое действие — случайные изменения центров катализа уже не приводят к повышению химической активности систем. Единственной физико-химической формой преодоления этих пределов является приобретение системами свойств *роста* и *репликации*, что позволяет ОКС обеспечить теоретически возможное ускорение базисной реакции [38, с. 199–222].

Проблема *иерархии возможностей химической материи* впервые была поставлена О.А. Баргом [3, с. 79–88; 5, с. 70–87]. Уже совмеще-

ние двух сторон — *химического состава* и *способов его организации* — дает весьма сложную картину *основной полноты возможного* содержания данной предметной области; по-видимому, существуют и другие основания для выделения и классификации химических возможностей. Для реализации основной полноты содержания химической материи прежде всего необходим *оптимальный набор химических элементов*. Рассмотренные выше особенности элементов «малых периодов» — в первую очередь органогенов — позволяют включить их в этот набор. Однако «развитие химической материи... выражается прежде всего в среде элементов-органогенов, с которыми связана магистральная линия химического, ведущая к живому» [9, с. 106]. Об исключительной роли *углерода* в ряду органогенов как с позиции физики (термодинамики), так и собственно химии говорилось выше. В отношении *соединений элементов* должны быть реализованы общие возможности появления *неорганических и органических соединений* — при этом органический химизм, очевидно, принципиально богаче неорганического и, вероятно, оставляет химическому отбору больший простор на пути к осуществлению этой полноты.

В плане *формы организации* движение к основной полноте химизма в общем сводится к появлению *основных типов объектов* (молекул, свободных радикалов, кристаллов, мицелл), *дальтонидной* (соединения постоянного состава) и *бертоллидной* (переменного состава) форм, а также некоторого многообразия внутри каждого типа — например, семи основных кристаллографических систем. Показателем приближения к основной полноте химизма служит содержание бертоллидной формы, дальтонида редко существуют в чистом виде и их возможности не столь многообразны. При этом большая часть основного содержания бертоллидов сопряжена с растворами, коллоидами, поверхностными соединениями и, соответственно, с *водой*, возможность появления которой, по-видимому, также является достаточно общей. Существенной особенностью бертоллидов яв-

ляется и то, что именно с ними, в первую очередь, связаны явления *химического катализа*; основной же закон эволюции каталитических систем, как объективная необходимая, существенная связь химических, содержит «в себе» *основные этапы* этой эволюции, среди которых особое место занимает первый и второй «кинети́ческие пределы». Означенные этапы можно рассматривать как необходимую реализацию последовательности *главных (общих) возможностей* эволюции ОКС, как уровень «*номогенеза*» химической эволюции, направленность которой имеет, таким образом, существенную «априорную» составляющую.

Общие возможности химического развития реализуются посредством отбора единичных и особенных возможностей, который воплощает некоторое оптимальное многообразие химических объектов. Какой же должна быть *всеобщая возможность* этой иерархии? Представляется, что в качестве такой возможности следует признать *возможность возникновения «теневой системы» живого, его химической основы*. Представляя собой своеобразный итог надмасс-энергетического синтеза и прямого субстратного синтеза вообще, химическая основа живого совмещает основные химические функции, принадлежащие различным веществам (функции реагентов, катализаторов, растворителей, реакционных аппаратов; кислотность и основность; способность быть донором и акцептором электронов; дальтонидную и бертоллидную природы). Таким образом, аккумулятивный характер химического развития, его «синтетичность» приводит к появлению *химически универсальных субстратов*: «В мире неживого химизма в принципе есть в том или ином виде все, что можно найти в химической основе живого ... их содержания в основном совпадают» [3, с. 85].

Остается дать определение химического отбора. По-видимому, его фундаментальным *фактором* выступает прогрессивная направленность химического синтеза. *Критерием* отбора на магистрали химической эволюции является *сложность* соответствующих объектов, находящая выражение в сравнительной спо-

собности к синтезу самих этих объектов и их производных; отбор на подчиненных направлениях химической эволюции, очевидно, осуществляется по критерию соответствия развития на магистрали.

На наш взгляд, как и в случае физического отбора, *предметами химического отбора* оказываются «системы химического синтеза», а совокупность таких «систем синтеза» выступает в качестве *единицы химической эволюции*, в рамках которой осуществляются акты отбора, включающие как подбор-синтез, так и соревнование. Разумеется, химические элементы и отдельные молекулы вовлечены в химический отбор, но не в качестве его самостоятельных единиц, а лишь в качестве реагентов в составе отбираемых систем синтеза. По-видимому, именно в смысле признания определяющей роли синтеза химических объектов следует понимать мнение Д. Кеньона, который отмечал, что в ходе предбиологической эволюции «отбор» выступает лишь как проявление тенденций, присущих реагентам; лишь с приближением к жизни «предопределенная упорядоченность» дополняется процессами изменчивости и конкуренции [22, с. 112 — 113].

Синтез, как способ развития химической материи, определяет и то, что химический отбор нельзя характеризовать как «*отбор-выбор*». Химический синтез существенно отличается от синтеза физического. Отличия состоят в существенно *большей избирательности* химических взаимодействий (хемо- и стереоселективность); в развитии механизма *химического катализа*, который определяет ускорение и «*концентрацию*» механизма эволюции в сравнительно небольших пространственно-временных масштабах, делает химический отбор более *внутренним* процессом, нежели отбор физический; в том, что *уровень энергии* ядер («чисто физических» объектов) на восемь порядков выше, чем уровень энергии, характерный для химических молекул. Однако особенностью и физического, и химического синтеза являются «*неполнота*» отдельных объектов для эволюции (нужен партнер для синтеза, а для собственно химического синтеза, воз-

можно, и катализатор), а также «дискретный» характер эволюционных изменений. Поэтому отбор в неживой природе выступает «посредником» между прогрессивной направленностью развития, существенно внешней по отношению к конкретному объекту отбора, и самим этим объектом, который не способен самостоятельно определять свое развитие. Если считать выбор выражением «внутренней необходимости собственной природы субъекта выбора, данного активного объекта» [25, с. 56], то окажется, что любые объекты, развивающиеся путем синтеза, существенно пассивны и к свободному выбору не способны. Сказанное отнюдь не означает отсутствия у них активности вообще, однако «выражает преобладание внешней (точнее, внешней по происхождению, экзогенной) детерминации» [25, с. 120].

Итак, химический отбор выступает лишь в качестве «эпифеномена» синтеза, который включает в себя момент распада и в качестве «отбора-сита» действует на уже сформированные системы синтеза, функционирование которых в целом предопределено. Поэтому *определить химический отбор можно как объективно действующий эволюционный механизм, который, посредством избирательной элиминации реализованных химических объектов, фиксирует различия по сложности соревнующихся систем надмасс-энергетического синтеза (подбора)*.

В заключение постараемся провести процедуру философской рефлексии в отношении того, каким образом человек использует или сможет использовать механизмы физической и химической селекции в производстве, основанном на применении новейших технологий — *конвергентных или NBIC-технологий (нано-, био-, информационных, когнитивных)*. Начать следует с того, что мы живем в эпоху третьей глобальной научно-технической революции, стержнем которой, по мнению многих исследователей, является производственное внедрение конвергентных технологий, среди которых интегрирующую роль играют именно нанотехнологии. В этой связи в свое время мы предложили авторское понимание широко используемого термина *нанореволюция* — это коренное преобразование производительных сил на основе

внедрения в реальный сектор экономики атомно-молекулярных технологий, которое должно привести к кардинальным социально-экономическим, политическим, общекультурным изменениям в качестве завершающего этапа постиндустриальной трансформации [12].

Что понимается под атомно-молекулярными технологиями? Традиционный производственный процесс в обрабатывающей промышленности идет, как правило, «сверху вниз» — от большой, сложной заготовки к готовому изделию путем отсечения «лишнего» материала. Как следствие, при традиционных технологиях отходы производства составляют до 95 % от количества сырья, что и определяет в первую очередь обострение антропогенного экологического кризиса. Учитывая общую картину мирового процесса — в частности проанализированный его фрагмент, связанный с развитием физической и химической материи, — можно сказать, что традиционная производственная деятельность человека, вызывающая широкомасштабную деградацию сложных природных систем, в известной мере идет вразрез с объективной закономерностью интегрального прогресса, в том числе вразрез с тенденцией «доразвития» высшим включенного и невключенного низшего. Однако *нанопроизводство*, благодаря развитым атомно-молекулярным технологиям, может осуществляться совершенно по-другому — «снизу вверх». Иными словами, наномашинны, в известном смысле повторяя ход мирового процесса, способны синтезировать, «выращивать» из простого сложное без масштабного разрушения природной среды. Для такого «выращивания», в буквальном смысле «доразвития» более простого до уровня более сложного, требуется лишь элементарное сырье, сравнительно небольшое количество энергии и «информационная матрица». Далее начинается синтез, опосредованный сознательно направляемым человеком физическим и химическим отбором. Первые образцы технических устройств, способных осуществлять атомно-молекулярную сборку, которая в миниатюре воспроизводит опосредованный отбором синтез в рамках физической и химической эволюции, уже появились: это сканирующий туннельный микроскоп и атомно-силовой микроскоп. Дан-

ные устройства впервые позволили не только наблюдать за отдельными атомами, но и перемещать их [2, с. 19–27]. При этом собственно физический и химический отбор в качестве производственного принципа высокотехнологичного производства претерпевает существенное «доразвитие» по сравнению со своими природными аналогами. Действительно, отбор в неживой природе, как мы уже отмечали, выступает в качестве «сита», «посредника» между прогрессивной направленностью развития, существенно внешней по отношению к отдельному объекту отбора, и самим этим объектом, который не способен самостоятельно определять свое усложнение. В форме принципа атомно-молекулярного производства отбор направляется человеком и в известной мере приобретает качества творческого «выбора», реализующего не реализованные природой возможности развития отдельных объектов.

С точки зрения естественнонаучной, речь идет об искусственном воспроизведении процессов, протекающих в такой «наномашине», как живая клетка. Причем о воспроизведении, основанном на практическом применении глубоко интегрированных представлений о живой и неживой природе. «На этом уровне размеров стираются границы не только между привычными основными направлениями науки (физика, химия, биология), но даже и между их прикладными или смежными разделами... Нанотехнология объединяет в себе самые разнообразные науки и относится (причем существенно и принципиально) к промежуточным областям науки, т.е. по своей сути относится к междисциплинарным исследованиям, объединяющим понятия и подходы многих научных дисциплин» [50, с. 109]. Важно здесь то, что в рамках нанопроизводства человек вступает в реальное взаимодействие *со всей* природой — взаимодействие универсальное, предполагающее комплексное преобразование физической, химической и биологической форм материи. Конечно, человек в ходе производственной деятельности всегда создавал артефакты материальной культуры, или «вторую природу», однако только нанотруд формирует предпосылки для *универсального* созидания «второй природы» — со всеми вытекающими из этого конструктивны-

ми возможностями и рисками. И первая возможность, которая напрашивается при размышлениях на эту тему, — это преобразование природных основ самого человека. Следует согласиться, что «особенность человека заключается... в производстве самого себя, своего бытия... своей сущности» [6, с. 269], — и очевидно, что в свете нанореволюции самопроизводство человека может принять совершенно новые, гораздо более непосредственные формы.

С точки зрения социально-философской и политэкономической, нанореволюция, на наш взгляд, знаменует собой логическое завершение постиндустриальной трансформации. В этой связи интересна мысль одного из основоположников теории постиндустриализма О. Тоффлера, согласно которому «по многим признакам цивилизация Третьей волны (постиндустриальное общество. — А.В.) несет в себе черты сходства с Первой волной (доиндустриальным обществом. — А.В.), в частности, можно назвать децентрализацию и уменьшение масштабов производства... мы наблюдаем нечто вроде диалектического возвращения к прошлому» [43, с. 538]. Может быть — конечно, если не считать постиндустриальную стадию «концом истории» — конвергентные технологии играют в дальнейшем развитии общества роль своеобразного диалектического отрицания в триаде *индустриализм — постиндустриализм (информационализм) — неоиндустриализм, основанный на производственном применении конвергентных технологий*. Интеграционные процессы, столь характерные для высокотехнологичного, «онаученного» производства постиндустриального типа, в конечном счете базируются на *фундаментальной интеграции материального и духовного труда* [36]. Эту интеграцию при формировании всеобщего или научного труда в свое время предсказал К. Маркс, который видел ее неразрывную связь с отмеченной выше тенденцией к *интеграции различных отраслей науки*: «Естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука» [27, с. 124]. По-видимому, начинающееся производственное применение конвергентных технологий отнюдь не является самодостаточным, замкнутым на

себя феноменом, как это следует из концепции технологического детерминизма. Скорее, оно является маркером уже неизбежного архитектурного сдвига — появления новой науки, нового человека, нового общества, новой природы. И тем более важно утверждение принципиально новых отношений между людьми. В противном случае, пророчество М. Хайдеггера о технизации и предельном самоотчуждении человека может сбыться весьма печальным для нас образом. «Захваченный поставляющим производством, человек стоит внутри сущностной сферы поставы... человек постоянно... приближается к тому, что будет исследовать и разрабатывать только вещи, раскрытые по образу поставы, все измеряя его мерой...» [46]. Показательно, что именно в сведении всех регионов бытия к сущему, к физической вещи, в типизации людьми друг друга, в подмене друг друга абстракциями современные исследователи видят причину кризиса европейской культуры [30; 31] — кризиса, который, на наш взгляд, при попытке развития высокотехнологичной экономики в рамках существующих производственных отношений легко может закончиться для человечества катастрофой.

Список литературы

1. *Баблюяц А.* Молекулы, динамика и жизнь. М.: Мир, 1990. 375 с.
2. *Балабанов В.И.* Нанотехнологии. Наука будущего. М., 2009. 256 с.
3. *Барг О.А.* Живое в едином мировом процессе. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. 227 с.
4. *Барг О.А.* Проблема происхождения химической материи // Новые идеи в философии. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2006. Вып. 15, т. 1. С. 31–44.
5. *Барг О.А.* Философские проблемы химии: конкретно-всеобщий подход. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2006. 166 с.
6. *Береснева Н.И., Береснев В.Д.* Текст как демиург субъективности в философии и литературе XX–XXI веков // Вест. Костром. гос. ун-та. 2011. № 1. С. 265–269.
7. *Бернал Д.* Возникновение жизни. М.: Мир, 1969. 391 с.
8. *Бранский В.П.* Философия физики XX века. Итоги и перспективы. СПб.: Политехника, 2002. 253 с.
9. *Васильева Т.С., Орлов В.В.* Химическая форма материи. (Химия, жизнь, человек). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1983. 169 с.
10. *Визгин В.П.* О соотношении химической и органической эволюции // Проблема развития в современном естествознании. М.: Изд-во МГУ, 1968. С. 177–186.
11. *Витязев А.В.* Современные представления о происхождении Солнечной системы // Современное естествознание: Энциклопедия. М.: Магистр-Пресс, 2000. Т. 9. С. 16–19.
12. *Внутских А.Ю.* От nanoиндустрии к постинформационному обществу // Вестн. Вят. гос. гуманитарного ун-та. 2011. № 2. С. 6–11.
13. *Внутских А.Ю.* О двух аспектах философской концепции отбора // Вестн. Перм. ун-та. Серия «Философия. Психология. Социология». 2011. № 4. С. 10–22.
14. *Внутских А.Ю.* Парадокс отбора и его возможное решение // Вестн. Перм. ун-та. Серия «Философия. Психология. Социология». 2011. № 3. С. 11–17.
15. *Гольданский В.И., Кузьмин В.В., Морозов Л.Л.* Нарушение зеркальной симметрии и возникновение жизни // Наука и человечество. М.: Знание, 1986. С. 139–151.
16. *Дарвин Ч.* Письмо Д. Макинтошу от 28 февр. 1882 г. // Дарвин Ч. Избранные письма. М.: Иностран. лит., 1950. С. 289–290.
17. *Долгов А.Д., Зельдович Я.Б.* Космология и элементарные частицы // Успехи физических наук. 1989. № 4. С. 571–595.
18. *Дорофеева В.А., Макалкин А.Б.* Эволюция ранней Солнечной системы. Космохимические и физические аспекты. М.: Едиториал УРСС, 2004. 264 с.
19. *Казютинский В.В., Балашов Ю.В.* Антропный принцип: история и современность // Природа. 1989. № 1. С. 23–32.
20. *Кальвин М.* Химическая эволюция. М.: Мир, 1971. 240 с.
21. *Кастлер Г.* Возникновение биологической организации. М.: Мир, 1967. 90 с.
22. *Кеньон Д.* Биохимическое предопределение // Происхождение жизни и эволюционная биохимия. М.: Наука, 1975. С. 105–117.
23. *Кландор-Клайнротхаус Г.В., Цюбер К.* Астрофизика элементарных частиц. М.: Ред. журн. «УФН», 2000. 496 с.
24. *Коблов А.Н.* Диалектико-материалистическая концепция развития и современная физика. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 206 с.
25. *Крестьянский В.И.* Методологические проблемы системного подхода к информации. М.: Наука, 1977. 287 с.
26. *Кузнецов В.И.* Общая химия: тенденции развития. М.: Высш. шк., 1989. 288 с.
27. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи

- 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.
28. *Марочник Л.С., Сучков А.А.* Галактика. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1984. 392 с.
  29. *Ненашев М.И.* Антропный принцип и проблема наблюдателя // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 64 — 74.
  30. *Ненашев М.И.* Мартин Хайдеггер о бытии и сущем // Философское образование. 2012. № 22. С. 3 — 12.
  31. *Ненашев М.И.* Идеи социальной феноменологии Альфреда Шюца // Вестн. Вят. гос. гуманитарного ун-та. 2010. № 2. С. 6 — 10.
  32. *Новиков И.Д.* Эволюция Вселенной. М.: Наука, 1983. 192 с.
  33. *Окунь Л.Б.* Физика элементарных частиц. М., Едиториал УРСС, 2005. 216 с.
  34. *Опарин А.И.* Жизнь, ее природа, происхождение и развитие. М.: Наука, 1968. 173 с.
  35. *Панов В.Ф., Гребнева Ю.* «Великая пустота» — кандидат на дофизическую материю // Новые идеи в философии. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2006. Вып. 15, т. 1. С. 60–63.
  36. *Патырбаева К.В.* Особенности интеграционных процессов в процессе производства постиндустриального типа // Философия хозяйства. 2009. № 3. С. 133–139.
  37. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
  38. *Руденко А.П.* Теория развития открытых каталитических систем. М.: Изд-во МГУ, 1969. 276 с.
  39. *Руденко А.П.* Эволюционный катализ и проблема происхождения жизни // Взаимодействие методов естественных наук в познании жизни. М.: Наука, 1976. С. 186 — 235.
  40. *Сажин М.В.* Космология ранней Вселенной // Современное естествознание: Энциклопедия. М.: Магистр-Пресс. Т. 4. С. 253–260.
  41. *Смольников А.А.* Темная материя во Вселенной // Природа. 2001. № 7. С. 10–19.
  42. *Темные галактики* // Успехи физических наук. 2002. № 7. С. 812.
  43. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1999. 784 с.
  44. *Трубников Б.А.* Закон распределения конкурентов // Природа. 1993. № 11. С. 3–13.
  45. *Фокс С., Дозе К.* Молекулярная эволюция и возникновение жизни. М.: Мир, 1975. 374 с.
  46. *Хайдеггер М.* Вопрос о технике [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.mitth.ru/heidegger.htm> (дата обращения 20.04.2012).
  47. *Черникова И.В.* Глобальный эволюционизм (философско-методологический анализ). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 182 с.
  48. *Чернин А.Д.* Космический вакуум // Успехи физических наук. 2001. № 11. С. 1151–1175.
  49. *Эйген М., Шустер П.* Гиперцикл: Принципы самоорганизации макромолекул. М.: Мир, 1982. 270 с.
  50. *Heinze T.* Die kopplung von Wissenchaft und Wirtschaft. Das Beispiel der Nanotechnologie. Frankfurt; N.Y., 2006. 264 s.
  51. *Lazio J.* Why do we assume that other beings must be based on carbon? Why couldn't organisms be based on other substances? [Электронный ресурс] URL: <http://www.faqs.org/faqs/astronomy/faq/part6/section-16.html> (дата обращения 25.04.2012).
  52. *Spiegelman S.* An approach to the experimental analysis of procellular evolution // Quarter Review of Biophysics. 1971. № 2–3. P. 213–253.
  53. *The habitable exoplanets catalog* [Электронный ресурс] URL: <http://phl.upr.edu/projects/habitable-exoplanets-catalog> (дата обращения 25.04.2012).
  54. *Unbehau J.* Versuch einer philosophischen Selektionstheorie. Iena, 1896. 33 s.

SELECTION AT INORGANIC NATURE AS EVOLUTIONARY MECHANISM AND
MANUFACTURING PRINCIPLE OF «NEO-INDUSTRIAL» SOCIETY'S NBIC-
TECHNOLOGIES

Aleksandr Y. Vnutskikh

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Physical and chemical selection are analyzed in the article. Author suggested that physical and chemical selection are important aspect of these forms of evolution. However these process are not evolution lows. Human being renew way of evolution of inorganic nature and use mechanism of physical and chemical selection as basis of NBIC-technologies. Beginning of these technologies usage marks accomplishment of post-industrial transformation and appearance of «neo-industrial» society.

Key words: selection, physical evolution, chemical evolution, «neo-industrial» society, NBIC-technologies

УДК 141.7

УЧЕНИЕ АЛЬФРЕДА ВЕБЕРА ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

К.В. Прозументик

Статья посвящена анализу историософских взглядов немецкого философа и социолога Альфреда Вебера. Особое внимание в статье уделяется учению А. Вебера о трех измерениях, образующих внутреннюю структуру исторического процесса — социальности, цивилизации и культуры. В статье показывается, что, несмотря на эклектичность и дуализм веберовской философии истории, ее следует рассматривать как попытку постижения единства и целостности человеческой истории.

Ключевые слова: Альфред Вебер; философия истории; исторический процесс; социальность; цивилизация; культура.

Немецкий философ, социолог и экономист Альфред Вебер (1868–1958) до сей поры остается фигурой, подлинный интерес к которой в научной среде еще не пробудился. Жизнь Альфреда Вебера прошла в тени славы его старшего брата — Макса Вебера. Это обстоятельство не могло не отразиться на его концепции, которая складывалась, главным образом, в полемике с *понимающей* социологией, предложенной Максом Вебером, а также в полемике с социологическим рационализмом вообще.

Подход Альфреда Вебера решительно расходится с *понимающей* социологией, прежде всего в области гносеологии и методологии. В противоположность своему брату, Альфред Вебер подчеркивал ограниченность и недостаточность использования *рациональных* методов познания применительно к человеческой *культуре* и *истории*. По его убеждению, любая попытка интеллектуального постижения исторической действительности как тотальности чревата упрощением, схематизацией и растворением всего *индивидуального* в *универсальных* конструкциях.

Признавая величие философско-исторических концепций Августина, Фихте, Гегеля, Сен-Симона, Маркса и др., А. Вебер критикует их за *исторический механицизм*, в рамках которого отдельные исторические события рассматриваются как вспомогательные звенья и механические части мысленно позна-

ваемой единой целостности. В действительности же, по словам Вебера, «мы совершенно ясно *чувствуем* их самоценность и уникальность и можем только *ощущать* их как... многообразии *бессознательно воспринимаемого*... потока, чьего назначения и цели мы не поймем никогда и чьи смысл и сущность мы способны, самое большее, *предугадать*» [5, с. 66] (курсив мой - *К.П.*). Вебер, отказывая *рациональному* познанию в возможности постижения смысла, цели и назначения исторического процесса, возлагает надежды на *интуицию*, о чем свидетельствует апелляция к чувствованию, ощущению, бессознательному восприятию, предугадыванию, и в чем отчасти сказывается влияние Дильтея и Бергсона [10, с. 37].

Следует также заметить, что А. Вебер, как и О. Шпенглер, воспринял идейные импульсы, идущие от Гёте и Ницше. Однако, в отличие от Шпенглера, Вебер был далек от того, чтобы рассматривать историю как поле действия замкнутых в себе неповторимых культурных единиц. Напротив, главной задачей своего культурсоциологического исследования он видел такое постижение *внутренней связи* человеческой истории, которое ни в коей мере не умаляло бы значимость и самоценность каждого отдельного исторического факта и не посягнуло бы на его уникальность. Представляется, что именно стремлением связать уникальное и универсальное в истории обусловлен тот *диа-*

лектикообразный эклектизм, который так характерен для воззрений немецкого мыслителя. Не случайно Ю.Н. Давыдов называет веберовскую концепцию *синкретической*, ибо она обращается «к “феноменам”, целостность которых удостоверяется лишь “интуитивно”» [9, с. 540], и ничто, кроме интуиции, не может гарантировать отсутствие объективной гетерогенности и самопротиворечивости в реальном предмете исторического исследования.

Наиболее ярко указанный синкретизм проявляется в учении А. Вебера о *трех* слоях (измерениях), образующих *внутреннюю структуру* истории [1]. К этим измерениям относятся: а) *социальность*, или общественный процесс; б) *цивилизация*, или развитие интеллектуального космоса; в) *культура*, или душевно-духовное движение.

А) *Социальность*, согласно А. Веберу, составляет *телесную фактуру* мировой истории и включает в себя хозяйственную, политическую и социальную сферы жизни общества. Весьма примечательно, что экономические, политические и общественные феномены (семью, хозяйство, государство, классы, этносы) немецкий социолог рассматривает как проявление естественных, *витальных сил* человека, как обнаружение его спонтанных влечений и воли. Например, возникновение капиталистических отношений в Европе А. Вебер объясняет активизацией *жизненных сил* западного человека. По его мысли, именно благодаря «сильнейшей витализации были достигнуты первые стадии капитализма» [8, с. 316]. По А. Веберу, общественный процесс есть происходящий в различных исторических телах эмпирически фиксируемый и социологически созерцаемый *материальный исторический процесс*, содержанием которого является *связь и борьба* человеческих естественных сил. Результатом борьбы витальных сил становится «*жизненный синтез*», т.е., своего рода, *витальная формация*, представляющая собой совокупность определенных признаков, характерных для данного этапа развития исторического тела. Как подчеркивает Вебер, общественный процесс «следует от простых к более сложным формам “жизненного

синтеза”». В ходе этого развития он претерпевает полные перегруппировки общества, расширение и сужение своего горизонта, окостенение и распад общественных форм» [6, с. 27]. Подобные метаморфозы всякий раз ведут к становлению новых синтезов жизненных элементов. Таким образом, человеческая история, взятая в аспекте социальности и телесной фактуры, являет себя как постепенный процесс усложнения жизненного синтеза, процесс перехода от менее совершенной ко все более развитой витальной конфигурации. Поскольку бытие общественного слоя истории основывается на борьбе витальных сил, постольку можно заключить, что данное историческое измерение не имеет в своей сущности ничего *надбиологического*, и, стало быть, законы ее развития суть *биологические* (витальные, жизненные, естественные) законы.

Б) *Цивилизация* составляет второе измерение истории. Движение цивилизации есть не что иное, как процесс поступательного овладения природой, процесс неуклонной *рационализации* и *интеллектуализации* человеческой жизни. Иными словами, под процессом цивилизации А. Вебер понимает прогресс в *науке* и *технике*. Цивилизационный слой истории, ядром которого является интеллектуальный космос, есть утилитарная сфера человеческого бытия, сфера целесообразности и полезности, ибо цивилизация — это «самое существенное средство человечества в борьбе за существование, его духовное и материальное вспомогательное средство» [6, с. 25]. Поскольку же способы борьбы за существование у всех людей одинаковы, что обусловлено биологическим единством человеческого рода, постольку процесс цивилизации носит *универсальный* характер, а также имеет типичные, повторяющиеся линии и формы развития. А. Вебер убежден, что учение о *прогрессе* справедливо лишь для цивилизационного измерения истории, так как оно есть продолжение биологической эволюции. «По своим корням и сущности, — пишет он, — жизнь, развивающаяся через процесс цивилизации, в своих истоках есть не более чем продолжение биологических рядов развития

человечества... ибо все это опирается на биологический прогресс процесса мышления» [5, с. 72]. Следовательно, ни общественный процесс, ни процесс цивилизации (т.е. технико-рациональное освоение действительности) не выходят в своем развитии за пределы естественных закономерностей. Иными словами, социальность и цивилизация проистекают из *природы* человека, между тем *сущность* его во многом остается не тронутой этими измерениями истории.

Как уже было сказано, процесс цивилизации пронизывает всю человеческую историю; он универсален и характеризуется прогрессивной, хотя отнюдь и не прямолинейной, направленностью. Согласно Веберу, в процессе цивилизации обнаруживается «надломленное и зависящее от исторических случайностей, но все же проходящее определенные ступени “развитие”, идущий через всю человеческую историю процесс прояснения, который ведет к определенной *цели*, к общему прояснению предсуществующего» [6, с. 23–24]. Под *предсуществующим* Вебер понимает все потенциальные силы природы (Земли), кои в цивилизующем движении истории актуализируются человечеством в форме научных и технических открытий.

Главную ошибку прежних теорий исторического процесса А. Вебер видит в абсолютизации той или иной стороны *движения цивилизации*, в попытке распространить область действия законов цивилизационного измерения истории на сферу культуры. Так, по словам Вебера, Маркс превратил *материально-техническую сторону* развития рационального космоса в исконный принцип исторического движения, в то время как Сен-Симон и Конт таким принципом сделали *интеллектуализацию*, т.е. абсолютизировали *духовно-научную* линию развития цивилизации. По убеждению Вебера, новый взгляд на историю призван избежать указанной односторонности, так как включит в себя в качестве важнейшего элемента социологического анализа не только социальность и цивилизацию, но и измерение культуры.

В) *Культура* образует неутилитарную сферу человеческого бытия. Будучи *душевым* измерением истории, она, в отличие от процесса цивилизации, сторонится целесообразности и полезности. Согласно А. Веберу, главным содержанием культуры является *религия*, *искусство* и, в некоторой степени, *философия* как система идей о *трансцендентном мире*. Поэтому бытие культуры выражается, преимущественно, в пророческих и художественных образах, которые суть не что иное, как *оформление* исторической телесности, *одушевление* социальности и цивилизации. Вебер настаивает на том, что культура есть «стремление души исторических тел к освобождению, ее попытка обрести выражение, образ, отображение, форму своей сущности» [6, с. 26]. По словам немецкого мыслителя, главное назначение культуры состоит в том, чтобы *придавать* жизни *оформление* и *смысл*. Между тем форма, которую культура дарует исторической ткани, всегда уникальна, неповторима, в силу чего интегральный культурный образ каждого исторического тела индивидуален и замкнут в себе. В измерении культуры нет преемственности и прогресса, которые можно наблюдать в других слоях истории. Так, по убеждению А. Вебера, художественное творчество эпохи Возрождения, несмотря на кажущееся сходство с античным искусством, является все же принципиально иным феноменом *душевности*. То же справедливо в отношении классического буддизма Индии и дзен-буддизма Китая. Другими словами, способ бытия культуры совершенно лишен тех линейных, прогрессивно-преемственных форм, в коих совершается общественный процесс и процесс цивилизации.

Нетрудно заметить, что в концепции А. Вебера противоположность *социальности* и *культуры* есть выражение дуализма *витальности* и *осмысленности*, а в общефилософском плане — оппозиции *материи* и *формы*. Возникает вопрос, как связаны и как соотносятся между собой материальное (естественное) и формальное (ценностное) в исторической действительности? Иначе говоря, в каком отношении друг к другу находятся общественный процесс, дви-

жение культуры и — в качестве промежуточного измерения истории — процесс цивилизации? Отвечая на этот вопрос, А. Вебер утверждает, что указанные сферы, будучи равнозначными по своей сущности, находятся в коррелятивной, динамической взаимосвязи: как социальная телесность и цивилизация влияют на культурное оформление, так и культура в свою очередь оказывает обратное воздействие на материальный и цивилизационный синтез жизненных элементов. Таким образом, по мысли Вебера, три указанные сферы сплетаются в единое историческое полотно: *социальность* образует материю этого полотна, *культура* украшает его индивидуальным узором, *цивилизация* красной нитью проходит сквозь все его причудливые узоры и арабески. Здесь становится очевидным синкретизм веберовского взгляда на историю.

Справедливости ради следует оговориться, что в своих «Принципиальных замечаниях к социологии культуры» Вебер все же попытался выстроить иерархию исторических измерений. По его словам, «развитие общества и цивилизации *изначально*, — в той мере, в какой *общественный процесс* опирается на естественные силы влечения и воли в рамках естественных условий, а *процесс цивилизации* — на интеллектуальные силы целесообразного господства над существованием, — и посредством каждый раз создаваемого нового жизненного синтеза ставит движение культуры и ее внутренний центр, душу, перед новой ситуацией и новыми задачами» [6, с. 30]. Тем не менее из общего контекста работ А. Вебера видно, что изначальность социального процесса и процесса цивилизации по отношению к измерению культуры оказывается не более чем приматом *биологического фундамента* (естественных сил) над всем *зданием осмысленной истории* (душевыми силами). Отсюда с необходимостью следует вывод, что в *ценностном* плане именно движение культуры составляет главное содержание исторического бытия человека. А. Вебер неустанно подчеркивает *возвышенность* культурного измерения истории, *символический* и *смыслоценностный* ее характер. По его словам, для сферы культуры все «предметное, социальное,

как и духовное, сопряженное с развитием цивилизации... представляет собой лишь субстанцию, материал, которому надлежит, руководствуясь побуждениями души, придать некую форму и по возможности возвысить его до символического образа» [5, с. 84–85]. Иначе говоря, культура символизирует и превращает в душевные образы изначальную телесность общественного процесса, а также интеллектуально-технический космос цивилизации. Трактовка культуры как символической, образной сферы сближает в этой части веберовский подход со взглядами О. Шпенглера.

Наряду с внутренней структурой истории, образованной тремя измерениями, рассмотренными выше, А. Вебер исследует также и *внешний* план исторического движения. По мнению Вебера, человек в своем *внешнем, природном* бытии проходит *три* ступени развития. В соответствии с этими ступенями немецкий мыслитель выделяет три типа человека. К первому человеческому типу Вебер относит *homo neanderthalensis*, ко второму — носителей культур примитивных народов. Подлинно историчен лишь *третий человек* [4], появление которого, согласно Веберу, совпадает с окончанием последнего ледникового периода (приблизительно с 4000 г. до н.э.). *Третий человек*, или иначе человек современного типа, становится историческим существом, поскольку он начинает *сознавать* свою открытость, незавершенность и *свободу*. Вместе с *осознанием свободы* человек обретает *историчность* и постигает свое призвание «к самостоятельному формированию своего существования с помощью данной ему способности свободного решения» [8, с. 292]. Примечательно, что А. Вебер, подобно К. Ясперсу, отождествляет историчность и сознание историчности, понимая под историей внутренне продолжающийся процесс событий и одновременно *осознание* пребывания в этом процессе.

Историческое бытие третьего человека, ввиду его незавершенности и открытости, есть непрерывная борьба его витальных сил, кои Вебер именуется также *имманентно-трансцендентными* силами, поскольку они,

проистекая из трансцендентности, конституируются как *внутренние* задатки. Вебер убежден, что поток истории движим противоречием между позитивными, универсализирующими, освобождающими задатками и задатками, тянущими вниз, партикуляризирующими, негативными по своей природе. Иными словами, драма истории — это драма постоянного выбора между свободой и несвободой человека, между интеграцией и распадом его сущности.

По мнению Вебера, в историческом существовании третьего человека можно выделить три сменяющие друг друга эпохи, каждая из которых отличается *характером отношения человека к земле, типом социальной и политической структуры, уровнем прояснения сознания и способом толкования бытия*.

I. *Первая эпоха* охватывает собою почти пять с половиной тысячелетий (4000 г. до н. э. — ≈ 1500 г. н. э.) и включает в себя два субпериода:

1) *Хтонический* субпериод (4000–1200 г. до н. э.) — период, в котором доминирует связанная с землей душевная позиция народов, занятых преимущественно сельским хозяйством и скотоводством. Хтонической эпохе свойственна, главным образом, *магическая* «фиксация», т.е. мифологическое освоение бытия. Именно в это время на исторической сцене появляются великие культуры Индии, Китая, Вавилона, Египта, Крита, Трои.

2) Субпериод *вторжения кочевников и массового переселения народов* (1200 г. до н. э. — ≈ 1500 г. н. э.) — эпоха борьбы инертного хтонизма и беспокойного кочевничества. Результатом этой борьбы явилось становление трансцендентальных религий и философских учений, впервые поднявших *вопрос о смысле существования* (зороастризм, буддизм, пророческий иудаизм, греческая и римская философия, позднее — ислам, христианство Западной Европы и России). Этот бурный субпериод завершается лишь в XVI столетии реформационными волнами религиозного универсального толкования бытия.

II. *Вторая эпоха* (*переходная, динамическая*), которая длится около четырехсот лет

(1500–1900 гг. н. э.), отмечена стремительным развитием цивилизационного измерения. В эту эпоху кардинальным образом меняется отношение человека к природе: вместо приспособления к земле утверждается тенденция господства над землей. В сфере цивилизации возникает современная, эмпирическая, систематически прогрессирующая наука, совершается переворот в технике, средствах сообщения и коммуникации. По словам Вебера, «в социально-структурном и политическом отношении это означает развитие современного капитализма» [8, с. 202], в культурном отношении — направленность вопроса о смысле бытия не на потустороннюю, а на посюстороннюю интерпретацию.

III. *Третья эпоха* (*эпоха кризиса, эпоха прощания с прежней историей*). Главным достижением второй эпохи является рождение такого типа западного человека, в котором интегрируются *задатки свободы и гуманности*. По убеждению Вебера, в нынешнюю эпоху кризиса (с 1900 г.) этому интегрированному в свободе *третьему человеку* угрожает серьезная опасность, связанная с возможностью появления *четвертого человека* — человека дезинтегрированного и несвободного. Согласно Веберу, четвертый человек возможен, с одной стороны, как продукт тоталитарных режимов востока [2, с. 91], с другой стороны — как порождение западного практического нигилизма и массовизации общества. Таким образом, в XX в. человек встает перед сложным выбором между свободой и несвободой, интеграцией и распадом. В силу этого насущной задачей современности Вебер считает новую *кристаллизацию* человека, включающую в себя создание такой идеологии, которая смогла бы в полной мере соответствовать сегодняшнему жизненному синтезу. Новая идеология, однако, невозможна без ответа на важнейший вопрос нынешней эпохи, «какого типа человек будет задавать тон в новом мире ставшей маленькой Земли?» [7, с. 384]. Вопрос этот Альфред Вебер оставляет открытым.

В завершение необходимо отметить, что, несмотря на известную эклектичность и дуа-

лизм веберовской историософии, ее следует рассматривать как попытку постижения *единства* и *целостности* человеческой истории. При всей культурной неповторимости исторических тел, на которой настаивает Вебер, все они, так или иначе, объединяются в его концепции вокруг универсального социального процесса, а также вокруг прогрессивного движения цивилизации. В связи с этим представляется весьма справедливым мнение известного специалиста в области периодизации и хронологии Йохана ван дер Пота, который характеризует подход Альфреда Вебера как «культур-социологический синтез универсальной истории» [3, с. 43] и относит его понимание исторического процесса к роду унитарных концепций («die unitär-mondialen Auffassungen»).

Список литературы

1. *Luoma M.* Die drei Sphären der Geschichte. Systematische Darstellung und Versuch einer Kritischen Analyse der kultursoziologischen inneren Strukturlehre der Geschichte von Alfred Weber. Helsinki, 1959. VII. 169 s.
2. *Molt P.* Alfred Weber heute: ein “wirklicher Lehrer und Meister” // Die politische Meinung. 2002. Nr. 387/02. S. 89–95.
3. *Pot, Johan Hendrik Jacob van der* Sinndeutung und Periodisierung der Geschichte./ Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. 986 s.
4. *Weber A.* Kulturgeschichte als Kultursoziologie / Alfred Weber-Gesamtausgabe, 10 Bde, Bd. 1: Kulturgeschichte als Kultursoziologie. Metropolis-Verlag: Marburg, 1997. 546 s.
5. *Вебер А.* Идеи к проблемам социологии государства и культуры // Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. Университетская книга. СПб., 1998. С. 41–168.
6. *Вебер А.* Принципиальные замечания к социологии культуры. Общественный процесс, процесс цивилизации и движение культуры // Там же. С. 7–40.
7. *Вебер А.* Прощание с прежней историей. Преодоление нигилизма? // Там же. С. 375–538.
8. *Вебер А.* Третий или четвертый человек. О смысле исторического существования // Там же. С. 199–374.
9. *Давыдов Ю. Н.* Альфред Вебер и его культур-социологическое видение истории // Там же. С. 539–552.
10. *Партон Т. А., Чёрный Ю. Ю.* Человек в потоке истории: введение в социологию культуры Альфреда Вебера. М.: Наука, 2006. 176 с.

ALFRED WEBER'S DOCTRINE OF HISTORICAL PROCESS

Kirill V. Prozumentik

Perm State National Research University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The article is devoted to the historiosophical views of the German philosopher and sociologist Alfred Weber. Particular attention is paid to the Weber's doctrine of three layers, which form the internal structure of the historical process — sociality, civilization and culture. The author shows, that despite the eclecticism and the dualism of Weber's philosophy of history, she should be seen as an attempt to comprehend the unity and integrity of human history.

Keywords: Alfred Weber; philosophy of history; historical process; sociality; civilization; culture.

УДК 101.11:316

СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИУМ, ТРУД И ЧЕЛОВЕК В КОНЦЕПЦИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

К.В. Патырбаева

В статье рассматриваются концепции постиндустриального общества Дж. Гэлбрейта, Д. Белла, М. Кастельса, Э. Тоффлера через призму формирования социального субъекта нового типа. Данные концепции, по мнению автора, являются феноменологической базой для последующего — сущностного — анализа субъекта нового общества с позиций научной философии.

Ключевые слова: постиндустриальное общество; труд; субъект труда.

Введение. К постановке проблемы субъекта постиндустриального общества

Актуальность исследования субъекта постиндустриального общества очевидна. Мы живем в весьма сложное время, связанное с кризисом мировой цивилизации, переходом к новому этапу развития, который обычно определяется как постиндустриальное общество. Теория постиндустриального общества открыла важнейшие феномены современности в их системной связи, однако она остается феноменологической теорией, которая нуждается в интерпретации с позиций научной социальной философии. Такой интерпретацией Пермская университетская школа научной философии занимается в течение ряда лет, и уже имеются существенные наработки в этой области. В работах представителей Пермской университетской школы обосновываются идеи о том, что постиндустриальное общество — это поздний капитализм, пронизанный рядом мощных тенденций (сочетание плана и рынка, вырождение стоимостного отношения и др.), выводящих за пределы рыночного общества. Кроме того, можно обозначить ряд тенденций в трудовой сфере, которые можно интерпретировать так же, как и выход за пределы рынка — увеличение самозанятости, формирование протребителя (термин Элвина Тоффлера). Рассмотрение данных тен-

денций является одним из перспективных направлений дальнейшего исследования.

Как известно, в результате рыночных реформ в России произошла заметная деиндустриализация, страна превратилась в сырьевую державу. Поэтому центральной задачей современной России является индустриализация и постиндустриализация.

Одной из важнейших проблем превращения России в постиндустриальную страну служит формирование работников нового типа. Как известно, проблема кадровой политики современной России стоит крайне остро. В некотором смысле кадровая проблема является даже наиболее важной для перехода России в постиндустриальное общество, поскольку новое общество можно создавать только с помощью новых кадров, в то время как в России происходит постоянная утрата высококвалифицированных кадров в науке и на производстве. Проблема кадров имеет не только экономический, но и огромный социально-философский смысл, поэтому в перспективе видится важным *выявить основные черты субъекта постиндустриального типа*, а также обосновать их наличие и необходимость особенностями всеобщего труда, служащего основой для постиндустриального общества.

В работах многих западных авторов субъект новой экономики описывается, но описывается феноменологически. Тем не менее игнори-

ровать данные разработки нельзя. Напротив, необходимо их подвергнуть дальнейшему философскому обобщению, подключив все многообразие их феноменологического описания к сущностной концепции субъекта.

Настоящая статья позиционируется как *анализ концепций постиндустриального общества в разрезе его субъекта*. Выявленные особенности субъекта в концепциях Дж. Гэлбрейта, Д. Белла, М. Кастельса, Э. Тоффлера будут использованы в дальнейшем при разработке сущностной концепции субъекта современного общества с позиций научной философии.

Определенный задел в исследовании субъекта труда постиндустриального общества был сделан автором статьи в предшествующих работах [12; 13; 14; 15]. Кроме того, в рамках Пермской школы научной философии уже имеется ряд разработок в философском осмыслении постиндустриального общества, способствующих пониманию также некоторых сторон его субъекта. Например, вопросы необходимости конкретно-всеобщего подхода к пониманию общественного развития разрабатываются В.В. Корякиным [7]; Ю.В. Маслянка исследует проблемы смысла жизни в современном обществе и указывает на факт трансформации понимания этого смысла в связи с трансформацией социально-экономических условий (а именно в связи со становлением постиндустриального общества) [8; 9]; формирование нового производственного уклада, нового типа труда, основанного на применении в реальном секторе экономики «конвергентных технологий» (нано-, био- и информационных технологий), исследуется А.Ю. Внутских [2]. Определенный вклад в разработку проблем, связанных с осмыслением постиндустриального общества с позиций научной философии, вносит В.С. Гриценко [3; 4]. Наконец, фундаментом для дальнейшего осмысления проблем современного общества являются работы профессора В.В. Орлова, основателя и руководителя школы [10; 11].

Работы данных авторов также будут учтены при последующей разработке проблемы субъекта постиндустриального общества.

I. Новое индустриальное общество Дж. Гэлбрейта: сущность и мотивы деятельности технотрактуры

Главная работа Дж. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» предшествовала и во многом определила работы постиндустриалистов. С первых страниц своей книги Дж. Гэлбрейт указывает на фундаментальные перемены, которые происходят в современном обществе. «Сам факт перемен, — пишет он, — не вызывает никаких сомнений. В течение последних семидесяти лет... нововведения были огромны... Самое очевидное из них — применение все более сложной и совершенной техники в сфере материального производства. Машины заменили примитивный ручной труд, и, по мере того как они все шире пользуются для управления другими машинами, они начинают выполнять более простые функции человеческого мозга» [5, с. 14–15].

Главная причина перемен — это технико-технологические факторы. Согласно Дж. Гэлбрейту, использование техники сегодня приводит к ряду следствий: 1) возрастание времени между началом и завершением работы; 2) рост участвующего в производстве капитала и затрат; 3) соотношение времени и денег, расходуемых в процессе производства, с выполнением одной конкретной задачи; 4) появление потребности в специальной рабочей силе; 5) изменения в организации; 6) возникновение потребности в планировании [5, с. 40].

Ядро современной экономики — крупные корпорации, где использование техники соединяется с массивным использованием капитала. Власть в корпорации принадлежит специальной группе людей, которая направляет деятельность предприятия, является его «мозгом». Такую группу людей Дж. Гэлбрейт называет технотрактурой. Технотрактура охватывает всех, кто обладает специальными знаниями, способностями или опытом группового принятия решений. Ключевыми особенностями человека в новом индустриальном обществе, согласно Дж. Гэлбрейту, становятся *владение специальным знанием и умение сотрудничать*.

Носителями этих свойств являются *специалисты, владеющие знанием*, которые являются главным *субъектом* нового общества и которые затем становятся частью *техноструктуры*. *Техноструктура* — это аппарат для объединения и анализа информации, доставляемой множеством людей, с тем чтобы прийти к решени-

ям, выходящим за пределы компетентности каждого в отдельности.

Становление нового общества, по Гэлбрейту, связано с изменениями в мотивах деятельности. Эволюция в мотивах деятельности представлена в табл. 1.

Таблица 1. Тип общества, источники власти и мотивы деятельности людей в концепции нового индустриального общества Дж. Гэлбрейта

Тип общества	Источник власти	Мотив деятельности
Доиндустриальное общество	Власть связана с землей	Принуждение
Индустриальное общество	Власть связана с капиталом	Денежная оплата
Новое индустриальное общество	Власть связана со знаниями, которыми обладают группы	Приспособление и отождествление собственных целей с целями корпорации

Итак, центральным субъектом новой индустриальной системы Дж. Гэлбрейта являются представители техноструктуры. Потребность в них определена логикой развития индустриальной системы, в частности техническими ее особенностями. Источником, формирующим мотивы поведения индивидов, является современная корпорация, побуждающая и поощряющая личность поставить ее цели на место своих собственных. Основой для формирования и поддержания субъекта нового индустриального общества выступает система образования и сотрудничество различных специалистов друг с другом в рамках техноструктуры.

«Новое индустриальное общество» Дж. Гэлбрейта нашло продолжение в идеях Д. Белла о «постиндустриальном обществе» и Э. Тоффлера о супериндустриальной цивилизации, чьи идеи будут рассмотрены в последующих параграфах данной главы.

II. Постиндустриальное общество, технократы и технократическое мышление в концепции Д. Белла

Отцом теории постиндустриального общества заслуженно считается Д. Белл, автор фундаментального труда «Грядущее постиндустриальное общество» [1].

Согласно Д. Беллу, новый строй характеризуется следующими главными компонентами: 1) переход от производства товаров к произ-

водству услуг; 2) доминирование профессионального и технического класса в структуре занятости; 3) теоретические знания как осевой принцип нового общества; 4) высокая роль техники и технологических оценок; 5) ведущая роль в принятии решений интеллектуальной технологии.

Первым и простейшим критерием становящегося постиндустриального общества часто выступает рост занятости в сфере услуг, к которым Д. Белл относит: 1) личные услуги: магазины розничной торговли, прачечные, салоны красоты; 2) деловые услуги: банковское дело и финансы, страхование, торговля недвижимостью; 3) транспорт, коммуникации, коммунальное хозяйство; 4) здравоохранение, образование, научно-исследовательская деятельность и управление. Именно развитие в сферах последней категории является, согласно Д. Беллу, решающим фактором для становления постиндустриального общества.

Экспансия этого сектора отражается в росте *новой интеллигенции* — представителей университетов, исследовательских центров, профессиональной сферы и управления, которые становятся *ведущими субъектами нового общественного строя*.

В постиндустриальном обществе кардинальным образом перестраивается структура занятости. Важным становится не только то,

где работают люди, но и какой вид труда они выполняют.

В свое время индустриализация породила полуквалифицированных рабочих, которые в течение нескольких недель могли быть подготовлены для выполнения простых операций, применяемых в машинном производстве. В индустриальном обществе полуквалифицированные рабочие превращаются в крупнейшую категорию рабочей силы.

Развитие постиндустриальной экономики способствовало росту тех видов труда, в которых были задействованы «белые воротнички». В США в 1956 г. их число впервые в истории индустриальной цивилизации превысило количество «синих воротничков». А в 1970 г. «белые воротнички» количественно превосходили «синих воротничков» в пропорции 5/4. Возрастает роль ученых и инженеров. Профессиональные и технические работники становятся «сердцевиной постиндустриального общества» [1].

В постиндустриальном обществе особую роль играет знание. Разумеется, знания необходимы для функционирования любого общества. Однако постиндустриальное общество отличается тем, что изменился сам характер знания. Главным при принятии решений и управлении переменами стало доминирование теоретического знания, превалирование теории над эмпиризмом. В результате складываются новые взаимоотношения между наукой и технологиями.

Главным *действующим лицом*, истинным *субъектом постиндустриального общества* является *профессиональный и технический класс*. «Жрецами нового строя» объявляются ученые, инженеры, технократы [1, с. 22].

Д. Белл в «Грядущем постиндустриальном обществе» анализирует *класс специалистов и технического персонала*, численность которого с 1947 по 1964 г. увеличилась более чем в 2 раза (с 3,8 млн. до 8,5 млн. человек).

В рамках класса специалистов самую значительную группу составляют *преподаватели* — более 25% всех лиц, включенных по переписи в категорию специалистов и технических работников.

Инженеры — вторая по численности профессиональная группа в указанной категории. Численность инженеров с 1950 по 1966 г. увеличилась более чем на 80% — с 535 тыс. до 1 млн. человек. Основными причинами этому Д. Белл называет рост наукоемких отраслей промышленности, таких как электроника, космическая и ракетная техника, научное приборостроение, ядерная энергетика и компьютерная техника, а также увеличение периода времени, требуемого для разработки и производства продукции в связи с усложнением процессов производства.

К инженерам близки *техники и научно-технические работники*, численность которых возросла с 450 тыс. человек в 1960 г. до 650 тыс. человек в середине 1966 г. (7% категории специалистов и технических работников).

Важнейшей группой в обществе, где теоретическое знание становится осевым принципом, являются *ученые*. Темпы роста данной группы, в сравнении со всеми другими профессиональными группами, особенно впечатляет. Д. Белл приводит следующие данные. С 1930 г. по 1964 г. число ученых возросло с 46 тыс. до 475 тыс. человек. Если с 1930 г. по 1965 г. численность всей рабочей силы США возросла на 50%, то число инженеров возросло на 370%, а ученых — на 930%. Этот рост идет параллельно с демократизацией высшего образования, осуществляемого в масштабах, которых мир ранее не видел. Ни одно общество никогда ранее не пыталось обеспечить систематическое формальное образование своей молодежи в возрасте до 19–20 и даже 22 лет. Если в 20-е г. XX в. было принято решение обеспечить каждому ребенку в стране среднее образование, то в середине XX в. был взят курс на обеспечение высшего образования для всех способных молодых людей страны.

Один из выводов Д. Белла состоит в том, что *главный ресурс постиндустриального общества* — его *научные кадры*, которые он определяет как совокупность лиц, занимающихся любой научной работой, требующей знаний или подготовки, эквивалентной образованию в

объеме не менее четырех лет обучения в колледже.

Таким образом, в постиндустриальном обществе *техническое знание* становится центральным компонентом *«технократического мировоззрения»* нового субъекта (состоящего из ученых, инженеров, техников), а *образование* — средством формирования *социального субъекта* в постиндустриальном обществе [1, с. 482].

III. Труд, субъект труда и занятость в информациональном обществе М. Кастельса

М. Кастельс — один из виднейших ученых, вслед за Д. Беллом, создавший интерпретацию социально-экономических трансформаций современного общества. В 1996–1998 гг. М. Кастельс публикует трехтомный труд «Информационная эпоха. Экономика, общество и культура» [6], первый том которого был опубликован в 2000 г. в России. М. Кастельс вносит ряд уточнений в теорию постиндустриального общества, в том числе относительно специфики труда и свойств его субъекта.

М. Кастельс называет новый тип общества информационным. Он полагает, что переход от индустриального общества к информационному, «безусловно, основан на революции в информационных технологиях... процессы экономических, политических и культурных изменений были усилены и увеличены необычайно могущественными информационными технологиями» [6, с. 21].

Эту революцию характеризует применение знаний и информации к генерированию знаний и устройствам, обрабатывающим информацию и осуществляющим коммуникацию. Главная черта нового общества — информационализм, понимаемый как ориентация на технологическое развитие, накопление знаний и более высокий уровень сложности в обработке информации. В фундаменте нового типа общества, начавшем формироваться в 70-е г. XX в., *лежит новая информационно-технологическая парадигма.*

Структурная перестройка экономики в 1980-х г. привела, согласно М. Кастельсу, к ряду организационных трансформаций.

Первая и наиболее значимая тенденция организационной революции — переход от массового производства к гибкому производству, от фордизма (модели массового производства) к постфордизму (гибкому производству).

Вторая тенденция связана с кризисом крупной корпорации и высокой жизнеспособностью малых и средних фирм как агентов инновации и источников создания новых рабочих мест.

Для информационной экономики становится характерной «горизонтальная корпорация» как новый тип организации, противоположный вертикальной корпорации эпохи индустриализма.

М. Кастельс выделяет семь главных особенностей горизонтальной корпорации: 1) построение организации вокруг процесса; 2) плоская иерархия; 3) командный менеджмент; 4) измерение результатов по удовлетворению покупателя; 5) вознаграждение как результат работы команды; 6) максимизация контактов с поставщиками и покупателями; 7) информирование, обучение и переподготовка сотрудников на всех уровнях [6, с. 168].

В информациональном обществе кардинальную трансформацию также претерпевает труд и занятость. Один из результатов такой трансформации — появление *сетевых работников*, работников с гибким рабочим днем как *нового типа субъекта* труда.

М. Кастельс значительное внимание уделяет формированию новой профессиональной структуры. Между тем, основное положение теорий постиндустриализма гласит, что люди, вовлеченные в различные виды деятельности, начинают занимать новые позиции в профессиональной структуре. По мере движения к информациональному обществу будет возрастать значимость позиции менеджеров, профессионалов, техников, параллельно будет снижаться доля рабочих на позициях специалистов и операторов и будет возрастать численность клерков и продавцов.

Обобщая, М. Кастельс выделяет следующие фундаментальные черты в сфере занятости в информационных обществах:

1. Сокращение сельскохозяйственной занятости и занятости в сфере традиционной промышленности.
2. Развитие услуг производителям и социальным услуг, с акцентом на деловые услуги в первой категории и услуги здравоохранения во второй категории.
3. Растущая диверсификация сферы услуг как источника рабочих мест.
4. Быстрый рост управленческих, профессиональных и технических рабочих мест.
5. Формирование пролетариата «белых воротничков», составленного из конторских служащих и работников торговли.
6. Одновременный рост на верхнем и нижнем уровне профессиональной структуры.
7. Относительная модернизация профессиональной структуры во времени, с более высоким ростом доли занятий, которые требуют высшей квалификации и высокого уровня образования, по сравнению с ростом категорий низшего уровня.

IV. Супериндустриальное общество и человек в концепции Э. Тоффлера

Идеи относительно становления нового типа общества изложены Э. Тоффлером в ряде работ, среди которых основными, по нашему мнению, являются — «Шок будущего» (1970 г.), «Третья волна» (1980 г.), «Революционное богатство» (написана совместно с Х. Тоффлер в 2006 г.) [16–18].

В 1965 г. Э. Тоффлер впервые употребляет термин «Шок будущего» для описания разрушительного стресса и дезориентации, которую вызывают у индивидов большие перемены в обществе, происходящие за короткое время [17].

Шок будущего — это болезнь перемен. В одноименной книге Э. Тоффлер предложил футуристическую концепцию становления нового типа общества, которое он называет «супериндустриальным». В фокусе внимания Э. Тоффлера — прогнозируемые им тренды будущего

и проблемы адаптации к нему. Многое из того, о чем писал Э. Тоффлер в своей книге более тридцати лет назад, сегодня находит свое подтверждение.

Одна из особенностей супериндустриализации — это ускорение социальных процессов. Особенно стремительно развиваются технологии и научное знание, в доказательство чего Э. Тоффлер приводит множество примеров (например, 90% всех ученых, живших когда-либо на земле, живы и поныне, новые научные открытия совершаются каждый день, а время между возникновением идей и их применением резко сокращается).

Ускорение изменения радикально меняет равновесие между новыми и знакомыми ситуациями. Возрастающие темпы перемен вынуждают людей справляться не просто с более быстрым потоком ситуаций, но с большим числом ситуаций, к которым предыдущий личный опыт не подходит. По словам Э. Эриксона, «в нашем обществе в настоящее время “естественный ход событий” заключается как раз в том, что темп перемен должен продолжать ускоряться до пока еще не достигнутых границ человеческой и институциональной приспособляемости» [17, с. 48].

Главной силой в условиях этого «ускоряющегося рывка» является технология, которая, по мнению Э. Тоффлера, «служит сама себе питательной средой» [17, с. 38]. Таким образом, согласно Э. Тоффлеру, движущей силой общества объявляются *технологические факторы*.

Именно развитие технологий обуславливает, по Тоффлеру, большие волны перемен, соответствующие трем ступеням общественного развития и трем типам обществ — аграрному, индустриальному и супериндустриальному, которые Э. Тоффлер подробно анализирует в работе «Третья волна» [16].

Каждый тип общества представляет собой систему, включающую в себя четыре сферы — техносферу, социосферу, инфосферу и психосферу. Каждой ступени общественного развития присущи собственные уникальные характеристики обозначенных структурных компонентов.

Третью волну (супериндустриальное общество) Э. Тоффлер характеризует следующим образом. Это общество зарождается в середине XX в. с появлением компьютерных технологий и длится по сегодняшний день.

Техносфера супериндустриального общества формируется под влиянием компьютерной революции. Это высокотехнологичное, но в то же время антииндустриальное общество. Это общество, предполагающее переход к новым (альтернативным) источникам энергии. Ожидается, что большая часть энергетических запасов будет обеспечиваться за счет возобновляемых, а не истощаемых источников. Супериндустриальное общество характеризуется возникновением новых отраслей промышленности: компьютерной, аэрокосмической, нефтехимической, полупроводниковой и пр. Основной рост, по Э. Тоффлеру, ожидается в четырех отраслях производства: 1) электроника и компьютеры; 2) космическая промышленность; 3) использование океана; 4) геновая инженерия. Это отрасли, которые возникли в результате ускорения прорыва на стыке смежных научных дисциплин, находящихся в зачаточном виде или не существовавших ранее, — квантовой электроники, теории информации, молекулярной биологии, океанологии, ядерной физики, экологии, космонавтики. Для супериндустриального общества характерна также дестандартизация; демассификация; децентрализация.

Социосфера супериндустриального общества характеризуется трансформациями в семье, сфере образования, трудовой сфере. По Тоффлеру, в новом обществе имеется тенденция к сокращению числа традиционных нуклеарных семей, соответственно, увеличивается число других (не-нуклеарных) форм семей (возможно также появление «электронной расширенной семьи» на базе «электронного коттеджа»). Возникает потребность в новом образовании, в новых школах, способных подготовить работников супериндустриального общества. Школа индустриального типа перестает отвечать социально-географическим и временным требованиям нового общества. Навыки, получаемые в школе, быстро устаревают. Су-

периндустриальное общество должно предусматривать непрерывное образование на протяжении всей жизни по принципу подключения-отключения. Новое образование должно готовить людей к работе во временных формированиях — адхократиях.

Не менее радикальны, по Тоффлеру, изменения в трудовой сфере. Футуролог описывает эти процессы следующим образом. Фабрики и заводы будут строиться за пределами больших городов, они перестанут служить моделью для других учреждений. Сократится доля монотонного труда. Работа из офиса будет перенесена в дом. Режим работы «с девяти до пяти» перестанет быть стандартом. Работа становится более разнообразной, менее фрагментированной, а график работы — более гибким. Появляется потребность в ответственных, изобретательных, «незапрограммированных», более быстрых на подъем работниках, для которых более важен смысл в работе, чем денежное вознаграждение. Изменения в трудовой сфере, несомненно, требуют организационных изменений. Для супериндустриального общества будут характерны организации с плоской иерархией, менее подверженные давлению верхушки, состоящие из небольших компонентов. Работа таких организаций все менее зависит от времени суток. Это полиорганизации, способные принимать разные структурные формы. Э. Тоффлером используются различные термины для обозначения этих организаций: «матрица», «ad-hoc», «ячеистые организации».

Существенные изменения претерпевает *инфосфера супериндустриального общества*. В первую очередь изменяются источники информации и роль СМИ. Новая эпоха характеризуется постоянной сменой информации. Человек вынужден непрерывно пересматривать карту своих образов. Происходит демассификация средств медиа. Увеличивается число СМИ, возрастает предлагаемый выбор. Будущее телевидения — «индивидео» — передача визуальных образов, адресованных одному человеку. Мнения становятся менее унифицированными. Человек имеет дело с фрагментированными, временными образами, лишенными смысла

клипами, «клочками информации». Появляется «клип-культура». Человек не получает новую ментальную модель реальности в готовом виде — он должен ее постоянно формировать и перестраивать. Демассификация СМИ дает многообразие ролевых моделей и стилей жизни, с которыми можно сравнить свою жизнь. СМИ дают не целые, а раскрошившиеся на части образы. Они не предлагают несколько понятных видов идентичности для выбора. Идентичность необходимо сложить из кусочков. В итоге формируется «конфигуративное» или «модульное» Я. Человек становится производителем-потребителем собственных образов себя. Происходит рост обмениваемой информации. Базисом новой инфосферы, по Тоффлеру, является компьютер.

Не менее существенные трансформации затронут, согласно футурологу, и *психосферу*. Изменится тип мышления, отношение к общности, структуре, смыслу, и, как следствие, изменится идентичность. По Тоффлеру, движение в супериндустриальное общество — это движение в сторону междисциплинарного мышления, к холизму (целостности) мышления. Согласно мыслителю, человечество стоит на пороге «новой эры синтеза». Происходит возврат к крупномасштабному мышлению, к обобщающей теории, к составлению частей в единое целое. Происходит изменение значимости пунктуальности — сдвиг к селективной или ситуационной пунктуальности. У людей появляется стремление решать проблемы своими силами. По мнению Э. Тоффлера, люди будущего будут взрослеть раньше, раньше брать на себя ответственность, лучше адаптироваться, проявлять больше индивидуальности, будут ставить под сомнение авторитеты, будут стремиться к равновесию в жизни.

Все названные выше и анализируемые в данной статье книги Э. Тоффлера содержат значительный феноменологический материал, посвященный описанию некоторых особенностей субъекта нового типа общества, становление которого он описывает. Посмотрим, как характеризуется социальный субъект (который у Тоффлера выступает, прежде всего, как субъект

трудовой деятельности) в работах футуролога.

В своей первой значимой работе «Шок будущего» Э. Тоффлер говорит о *бюрократе, человеке организации* или *функционере* (все три термина используются у Тоффлера как синонимы) как типе человека, характерного для индустриальной цивилизации [17].

В бюрократической системе индивид занимал вполне определенное место в системе разделения труда, некую фиксированную позицию в составе более или менее фиксированной окружающей обстановки. Работник знал совершенно точно, где кончается его отдел и начинается соседний. Присоединяясь к какой-либо организации, человек брал на себя ряд обязательств в обмен на определенное вознаграждение. Эти обязательства и вознаграждения оставались неизменными в течение больших отрезков времени. Таким образом, индивид находился в относительно постоянной паутине отношений не только с другими людьми, но и организационным каркасом, самой структурой организации [17, с. 146].

«Для бюрократии, — пишет Э. Тоффлер, — был характерен особый сорт людей, определяющийся тремя особенностями бюрократии — постоянством, иерархией, разделением труда» [17, с. 167]. Постоянство предполагало, что связь между человеком и организацией будет продолжительной, и влекло за собой определенные обязательства по отношению к организации. Долгий стаж работы предполагал верность организации, привязанность к ней. Потеря связей с организацией грозила опасностью потери средств к существованию. Бюрократ был человеком иммобильным и ориентированным, прежде всего, на свои экономические гарантии. Чтобы сохранить работу, он добровольно подчинял свои собственные интересы и убеждения потребностям своей организации. Человек организации искал у нее одобрения. Награды и наказания спускались по иерархии вниз, и человек, смотрящий обычно наверх, на следующую ступеньку иерархической лестницы, постепенно приучался к подчинению и подобности. Система формировала слабого,

нерешительного, склонного к пустым разговорам функционера, человека без личных убеждений или не смеющего их высказывать. Функционер должен был хорошо знать свое место внутри системы; он занимал вполне определенную нишу и выполнял только действия, предписанные законами организации; его труд оценивался в соответствии с тем, насколько точно он выполнял задания, записанные в конторской книге. Сталкиваясь с относительно рутинными проблемами, он приучался к поиску стандартных ответов. Такие качества, как отступление от установленных правил, творчество, склонность к риску, не поощрялись, так как приходили в противоречие с предсказуемостью, которая требовалась от всех частей организации [16, с. 167–168].

В книге «Третья волна», написанной через десятилетие после «Шока будущего», Э. Тоффлер пишет, что цивилизация второй волны способствовала появлению особого социального типа — «Industrial Man» (индустриального человека), который повелевал мощностями, в значительной степени увеличивающими его слабые силы. «Industrial Man» — это главный субъект индустриального общества, это типичный фабричный рабочий, обладающий рядом стандартных характеристик [16, с. 204].

Большую часть жизни он проводил в производственной среде, соприкасаясь с машинами и организациями, которые подавляли личность. С детства его учили, что выживание главным образом зависит от денег. Он вырос в нуклеарной семье и ходил в стандартную школу. Представления о мире складывались благодаря СМИ. Он работал в крупной организации или состоял на государственной службе, был членом профсоюза, относился к определенному церковному приходу. Он все меньше отождествлял себя со своей деревней или городом, а соотносил себя со страной в целом. Он ощущал свое противостояние природе, в процессе труда он постоянно эксплуатировал ее и все же стремился провести weekend на природе. Он научился воспринимать себя частью громадной, взаимозависимой экономической, социальной и политической системы, постичь ко-

торую в целом было выше его сил. Среда, в которой жил «Industrial Man», отличалась от среды предков (заводской гудок заменил крик петуха). Изменилось и тело человека. Он стал выше. Брак стал преследовать иные цели, а не только экономическую (как было в аграрном обществе).

Важнейшее свойство индустриального рабочего — *пунктуальность*, являющаяся следствием всеобщей *тенденции к синхронизации*. «Пунктуальность стала социальной необходимостью, — пишет Э. Тоффлер, — Продолжительность работ была рассчитана во времени и разбита на последовательные этапы, измеренные с точностью до долей секунды» [16, с. 102]. Выражение «с девяти до пяти» очерчивало временные рамки трудящихся.

Индустриальному рабочему был свойственен особый менталитет, который Э. Тоффлер называет *индуст-реальностью*. Индуст-реальность — это тип мышления, созданный индустриальной цивилизацией, базирующийся на своеобразном представлении о времени и пространстве, материи и причинности, о мире и человеке.

Цивилизация второй волны, в отличие от аграрного общества, нуждалась в очень точных единицах измерения времени — часах, минутах, секундах, которые должны были быть стандартными и независимыми от конкретного времени или места. Появляются представления о «стреле времени», линейности времени. «Синхронизация — стандартизация — линейность» представляют собой три принципа, поменявших представления о времени в индустриальную эпоху. В индустриальном обществе также возникла потребность в синхронизации пространства. Аналогично выделению точных временных единиц измерения, сформировались точные и равнозначные единицы пространства.

«Индустриальный менталитет, — говорил Э. Тоффлер, — исходил из практицизма, превозносил критическую требовательность и карал воображение, сводил людей к простейшим протоплазменным единицам и в конце концов искал инженерного решения любой проблемы» [16, с. 200]. Индустриальный менталитет носил,

по мнению Э. Тоффлера, механистический характер. Вторая волна цивилизации развивала у человека способность расчленять проблему на ее составляющие — способствовала развитию *анализа*.

Работа на производстве требовала людей с проворными, пригодными для поточной линии руками. Она требовала рабочих, которые безоговорочно бы выполняли указания. Она требовала мужчин и женщин, готовых работать до изнеможения на машинах или в конторах, выполняя невероятно скучные, однообразные операции. В подготовке таких индустриальных рабочих активно участвовали школы второй волны. По словам Э. Тоффлера, они «подвергали механической обработке поколения молодых людей, готовя из них податливую, унифицированную рабочую силу, в которой нуждалась электромеханическая технология и поточные линии на производстве» [16, с. 66].

Таким образом, для обозначения субъекта индустриального общества Э. Тоффлер использует как синонимы следующие термины: бюро-

крат, функционер, человек организации, «Industrial Man». Субъект индустриального общества — это социальный тип, порожденный индустриальным способом производства (в том числе, конвейерного типа) и соответствующими ей организационными структурами.

Возникновение супериндустриального общества, обусловленное технологическими инновациями, приводит к появлению нового типа социального субъекта. Однако терминология для обозначения субъекта супериндустриального общества у Э. Тоффлера еще более размытая и неточная, чем когда он говорит о субъекте индустриальной волны.

В работе «Шок будущего» Э. Тоффлер противопоставляет «человека организации», характерного для обществ индустриального типа, и «ассоциированного человека» — прообраза субъекта третьей волны. Их сравнительный анализ представлен в табл. 2.

Таблица 2. «Человек организации» и «ассоциированный человек» в работе Э. Тоффлера «Шок будущего»

<i>Человек организации (индустриальный субъект)</i>	<i>Ассоциированный человек (супериндустриальный субъект)</i>
Имобилизован заботой о своей экономической стабильности	Считает экономическую стабильность само собой разумеющейся
Страшится рисковать	Приветствует риск
Пытался приобрести в иерархической системе статус и уважение внутри организации	Ищет статус и уважение за пределами организации
Находится в заранее определенной нише	Переходит из одной ниши в другую сложным самомотивированным образом
Посвящает жизнь решению рутинных проблем и в соответствии с жестко установленными правилами, избегая неортодоксальности и творчества	Столкнувшись с новыми проблемами, вдохновляется возможностью инноваций
Подчиняет свою личность, играя в команде	Понимает недолговечность команды, готов в каких-то пределах подчинять ей свою личность, однако это погружение никогда не бывает перманентным
Плохо адаптируется к изменяющимся условиям	Быстро адаптируется за счет личного удовлетворения и приспособления

Ассоциированному человеку соответствуют новые организационные структуры, работающие по принципу *адхократии*.

«Супериндустриальный человек, — пишет Э. Тоффлер, — не стремится занять постоян-

ное, четко определенное место и осуществлять бессмысленные рутинные задачи, исходящие сверху, он все более понимает, что должен взять на себя ответственность за принятие решений; именно так он должен поступать, нахо-

дьясь внутри организационной структуры, меняющейся, как в калейдоскопе, и построенной на кратковременных и в высшей степени человеческих отношениях» [17, с. 163].

Ссылаясь на У. Бенниса, Э. Тоффлер отмечает, что бюрократия, соответствующая обществу индустриальной волны, начинает погибать вследствие своей неспособности адаптироваться к быстрым переменам [17, с. 164]. Бюрократия с ее пирамидальной структурой была хороша для ситуации стабильности. В свое время бюрократические структуры, обладая правилами на все случаи жизни и набором принципов, указывающих способы решения разнообразных рабочих проблем, могли ускорить передачу необходимых команд и достичь того темпа, который соответствовал индустриализму. В супериндустриальном обществе ускорение перемен достигло такого высокого темпа, что его не может выдержать и бюрократия. Потребовались обладающие более высокой степенью реактивности организации. По мнению Э. Тоффлера, ключевым словом для организаций супериндустриального общества будет «временный».

В книге «Шок будущего» Э. Тоффлер предсказал появление адаптивных, быстро меняющихся временных систем, в которых администраторы и управленцы станут координаторами между различными временными группами, а люди будут дифференцироваться не по вертикали (в соответствии с их рангом и ролью), а гибко и функционально, в соответствии с их навыками и профессиональными знаниями.

У. Беннис, которого Э. Тоффлер часто упоминает в своих работах, описал такие организации следующим образом: вследствие высокой скорости перемещения из одной временной группы в другую «обязательства по отношению к рабочим будут уменьшены... В то время как в общении между людьми профессиональные навыки приобретут еще большее значение, обусловленное все растущей потребностью в кооперации при решении сложных задач, одновременно будет наблюдаться и ослабление групповой сплоченности... Люди должны будут научиться тому, чтобы развивать быстрые и

сильные отношения, связанные с работой; в то же время они должны научиться тому, чтобы переносить спокойно утрату более длительных рабочих контактов» [17, с. 166].

Новые организационные структуры Э. Тоффлер называет адхократией. Адхократия — это исключительно подвижная, обогащенная информацией динамическая организация, представленная временными рабочими ячейками и исключительно мобильными индивидами. Адхократия требует от человека иных качеств, чем от человека организации (функционера). Место постоянства занимают кратковременность и мимолетность. Происходит упадок «преданности». Возникает преданность иного рода — преданность профессии.

Э. Тоффлер отмечает, что на момент написания книги (1970 г.) творческие объединения по принципу адхократии уже были в таких отраслях, как компьютерная промышленность, образование, океанография и пр.

В работе «Третья волна» Э. Тоффлер также обращается к описанию традиционных организаций и организаций будущего. Их сравнительный анализ представлен в табл. 3.

В работе «Третья волна» Э. Тоффлер говорит о возникновении и деятельности еще одного типа субъектов супериндустриального общества — *технореволюционеров* — «агентов третьей волны», главная задача которых — поддержание новых технологий. К технореволюционерам Э. Тоффлер относит научно подготовленных людей, инженеров-ядерщиков, биохимиков, чиновников здравоохранения, генетиков и пр. [16, с. 257–260].

Технореволюционеры владеют новыми, супериндустриальными технологиями и в своей деятельности исходят из новых технологических принципов-требований, к которым Э. Тоффлер относит следующие: 1) жесткий экологический контроль; 2) приоритетность технологий, гуманизирующих труд и способных предотвратить загрязнение и обеспечить охрану окружающей среды; 3) требование к технологии, которая не должна быть громоздкой, дорогой или сложной, чтобы быть «умной»; 4) отказ от ресурсоистощающих, загрязняющих

окружающую среду технологий и переход к идее метаболической системы, исключая потерю и загрязнение. Первичным наблюдаемым следствием деятельности технореволюционеров, согласно Э. Тоффлеру, должна стать гуманизация технологического прорыва.

На последних страницах работы «Третья волна» Э. Тоффлер говорит о появлении *нового работника*, не называя его специальным термином. Процесс формирования работника, характерного для эпохи супериндустриализма, Э. Тоффлер описывает следующим образом. Работа становится более разнообразной, менее фрагментированной, каждый выполняет более крупное, а не более мелкое задание. Гибкий

график и свободный темп заменяют прежнюю потребность в массовой синхронизации поведения. Работникам приходится справляться с более частыми переменами в их работе, с изменением продукции и реорганизацией. Появляется потребность в более ответственных и менее запрограммированных работниках, более быстрых на подъем. Новые работники, согласно Э. Тоффлеру, сложные люди, индивидуалисты. Для них важен смысл в работе, снижается роль денежного вознаграждения. Однако специального названия или классификации работника нового типа здесь Э. Тоффлер не дает [16, с. 606–607].

Таблица 3. Традиционные организации и организации будущего в работе Э. Тоффлера «Третья волна»

Традиционные организации	Организации будущего
Гигантская, иерархическая, неизменная, строго подчиненная сверху донизу механистическая организация, хорошо спроектированная для производства одинаковых продуктов и однотипных решений в сравнительно стабильном индустриальном окружении. Обычно называются бюрократическими организациями	Менее подверженная давлению верхушки организация с плоской иерархией, состоящая из небольших компонентов, связанных во временные конфигурации. Работа таких организаций все менее зависит от времени суток. Это полиорганизации, способные принимать разные структурные формы. Используются различные термины для наименования этих организаций: «матрица», «адхократия», «ячеистые организации»

В супериндустриальном обществе нужны люди, способные к критическому суждению, способные сориентироваться в новых условиях. Индивиды должны научиться быстро и экономно адаптироваться к быстро меняющимся условиям. Людям в супериндустриальном обществе, по мнению Э. Тоффлера, станут необходимыми умения и навыки в трех сферах: умении учиться, умении общаться и умении выбирать. Особенно важным становится первый навык — умение учиться. В супериндустриальном обществе важной становится не столько система знаний (знания, полученные в школе, быстро устаревают), но умение ею оперировать. Надо научиться учиться. Новое образование должно научить индивида тому, как классифицировать и переклассифицировать информацию, как оценивать ее достоверность, как при необходимости изменять категории, как переходить от конкретного к абстрактному

и наоборот, как взглянуть на проблемы под новым углом зрения, как заниматься самообразованием. Неграмотным в будущем будет не тот человек, который не умеет читать, а тот, кто не научился учиться [17, с. 444–451].

Если вторая волна цивилизации развивала способности человека к анализу, то сегодня, по мнению Э. Тоффлера, «мы стоим на пороге новой эры синтеза. Во всех отраслях знаний ... мы, вероятно, увидим возврат к крупномасштабному мышлению, к обобщающей теории, к составлению частей снова в единое целое» [16, с. 213].

Возможно, именно требование крупномасштабного мышления в супериндустриальном обществе способствует возрастанию роли междисциплинарного знания — об этом Э. Тоффлер писал как в работе «Третья волна», так и в последующей совместной с Х. Тоффлер книге «Революционное богатство» [16; 18].

В «Третьей волне» Э. Тоффлер говорит о движении в сторону *междисциплинарного мышления*, идее *холизма* (целостности), которая пронизывает человеческое мышление. В качестве примера целостного мышления, соответствующего супериндустриальному обществу, он приводит теорию систем [16, с. 489].

В книге «Революционное богатство» Элвин и Хейди Тоффлеры также говорят о возрастающей роли междисциплинарного знания и соответствующем типе мышления. Они отмечают, что сегодня все большим спросом пользуются профессии, названия которых состоят из двух, а иногда из трех слов: астробиолог, биофизик, инженер-эколог, нейропсихофармаколог. В супериндустриальном обществе традиционная иерархия дисциплин (например, точные науки — впереди, гуманитарные — позади) становится неактуальной. Появляется не-иерархическая конфигурация *ad hoc*. Как отмечают авторы, «узкая специализация приносит хорошие дивиденды, однако она убивает неожиданность и воображение и плодит индивидов, которые боятся ступить за границы своей области и даже помыслить об этом бояться» [18, с. 216]. Наоборот, отмечают ученые, «воображение и креативность расцветают, когда прежде не связанные идеи, понятия или категории данных, информация или знания объединяются по-новому. Объединяя далеко отстоящие друг от друга потоки личного опыта и ноу-хау, научные работники вводят в мысленный процесс и принятие решений... новые, далекие от общепризнанных, аналогии. В этой новой системе то, что может быть утрачено в результате долгосрочной, глубокой специализации, окажется компенсировано креативностью и воображением» [18, с. 216].

Таким образом, развитое *воображение и креативность* выступают также важными свойствами субъекта супериндустриального общества. Значимым качеством является и *умение сопоставлять данные*. «Если креативность подразумевает неожиданное сопоставление фактов, идей или открытий, ранее считавшихся не связанными между собой, то углубление и сопоставление становятся фундаментальными

инструментами инновационного процесса» [18, с. 217].

Таким образом, проблема субъекта нового общества и его свойств имеется в качестве лейтмотива во всех трех анализируемых работах Э. Тоффлера. В табл. 4 представлена попытка обобщения свойств субъекта индустриального и супериндустриального общества, которые выделены Э. Тоффлером.

Становление субъекта супериндустриального общества сопровождается определенными сложностями, прежде всего, связанными с психологическими проблемами адаптации.

Э. Тоффлер говорит о психологическом истощении как показателе распада психосферы второй волны и в качестве примеров приводит статистические данные, указывающие на количественный рост подростковых самоубийств, заболеваний алкоголизмом, депрессий. Все это также указывает, по мнению Э. Тоффлера, на поиск людьми новой идентичности [16, с. 577–579]. При этом человеку не предлагается для выбора несколько понятных видов идентичности (что связано, прежде всего, с демассификацией СМИ): ее нужно сложить из кусочков. По Э. Тоффлеру, сегодня мы имеем дело с конфигуративным или модульным Я [16, с. 615]. «Каждая личность — конфигурация модулей», — пишет Э. Тоффлер в «Шоке будущего» и указывает среди причин этого также изменение характера человеческих отношений, которые становятся более кратковременными (особенно это характерно для большинства отношений сервисного типа) [17, с. 117].

Высокая скорость перемен и ментальное напряжение, связанное с ней, приводит к такому негативному для психики человека феномену, как *сверхвозбуждение*. Перегруженный разум становится неспособным принимать адекватные решения. перевозбуждение может сказаться на восприятии, мышлении, принятии решений.

Новое общество подвергает человека стрессу решений — сегодня нарушается баланс между запрограммированными и незапрограммированными решениями. Сегодня от человека требуются часто новые и до сих пор не про-

граммированные решения. Сегодня в нашей жизни существует конфликт между давлениями ускорения и давлениями новизны. С одной стороны, от нас требуются быстрые решения, с другой — твердые решения, требующие большего времени на обдумывание. Сегодня развитые технические общества сталкиваются со

сверхстимулирующей решений. Вследствие этого люди чувствуют себя бесполезными, неспособными принимать решения относительно ближайшего будущего. Все это является следствием неконтролируемого ускорения научных, технологических и социальных изменений [17, с. 382].

Таблица 4. Обобщенная классификация свойств субъекта второй (индустриальной) и третьей (супериндустриальной) цивилизаций на основе работ Э. Тоффлера

	<i>Субъект второй (индустриальной) цивилизации</i>	<i>Субъект третьей (супериндустриальной) цивилизации</i>
<i>Формирующие факторы</i>	Машинный тип труда, требующий синхронизации	Автоматизация рутинных и монотонных операций
<i>Терминология, используемая для названия субъекта</i>	Industrial Man Бюрократ Функционер Организационный человек	Новый работник Ассоциированный человек Технореволюционер
<i>Характерные организационные формы</i>	Бюрократия, иерархическая организация	Организация, построенная по принципу адхократии, матричной или ячеистой структуры
<i>Свойства субъекта</i>	Механистический склад ума Индуст-реальность как тип мировоззрения Практицизм Пунктуальность как следствие тенденции к синхронизации Способность к анализу Следование инструкциям Страх перед риском Слабая адаптивность Порицание воображения и креативности	Междисциплинарное мышление Холизм (целостность) мышления Способность к синтезу Селективная (ситуационная) пунктуальность Развитое чувство ответственности Самостоятельность Адаптивность Индивидуальность Умеренный скептицизм (ставят под сомнение авторитеты) Способность рисковать Способность к критическому суждению Умение учиться Умение общаться Умение выбирать Развитое воображение Креативность

Негативные следствия шока будущего выстраиваются в определенную причинно-следственную цепочку, представленную на рис. 1 [17, с. 396].

Перемены, к которым человек оказывается не готов, приводят к нарушениям социальной и индивидуальной рациональности. Единственный способ сохранить равновесие в ходе индустриальной революции, по мнению Э. Тоффлера, — создать новые личные и социальные механизмы, регулирующие изменения [17, с. 399–

405]. Первоочередной задачей, по словам ученого, является и повышение способности индивида преодолевать трудности, т.е. способность быстро и экономно адаптироваться к непрерывно меняющимся условиям [17, с. 444].

Заключение. Перспективы исследования субъекта постиндустриального общества с позиций научной философии

В обозначенных концепциях общей идеей является идея формирования нового общества и

субъекта и попытка описать этот субъект. Но описание субъекта в работах классиков постиндустриализма, по нашему мнению, стихийно, бессистемно. Не выделена четкая типология субъектов. Субъектом постиндустриального общества будет и оператор автоматизированного производства, и программист, и ученый, и фрилансер, обеспечивающий самозанятость за счет использования современных информационных технологий. Во многих зарубежных концепциях выделяются черты субъекта, но не обосновывается то, откуда они появляются, почему они необходимы. Наша гипотеза, которая будет разрабатываться далее, основывается на положении о том, что свойства работника — производные от сущностных особенностей всеобщего труда. По нашему мнению, важно связать в единую концепцию идею всеобщего труда и субъекта с его свойствами. В перспективе

нам видится важным показать современного субъекта как активного носителя всеобщих сущностных сил. Сущностные силы субъекта всеобщего труда, с одной стороны, стремятся к универсализации: человек, выполняющий всеобщий труд, выступает как универсальная сила природы; разделение труда на умственный и физический преодолевается; работник может рассматриваться как полифункциональный, способный к быстрой перемене труда. С другой стороны, они все более индивидуализируются, примером чего выступает развитая способность к творчеству, нестандартным, самостоятельным решениям. Выполнению этого замысла будет способствовать привлеченный философский и социологический материал зарубежной и отечественной науки, в том числе отмеченные ранее труды ученых Пермской школы научной философии.

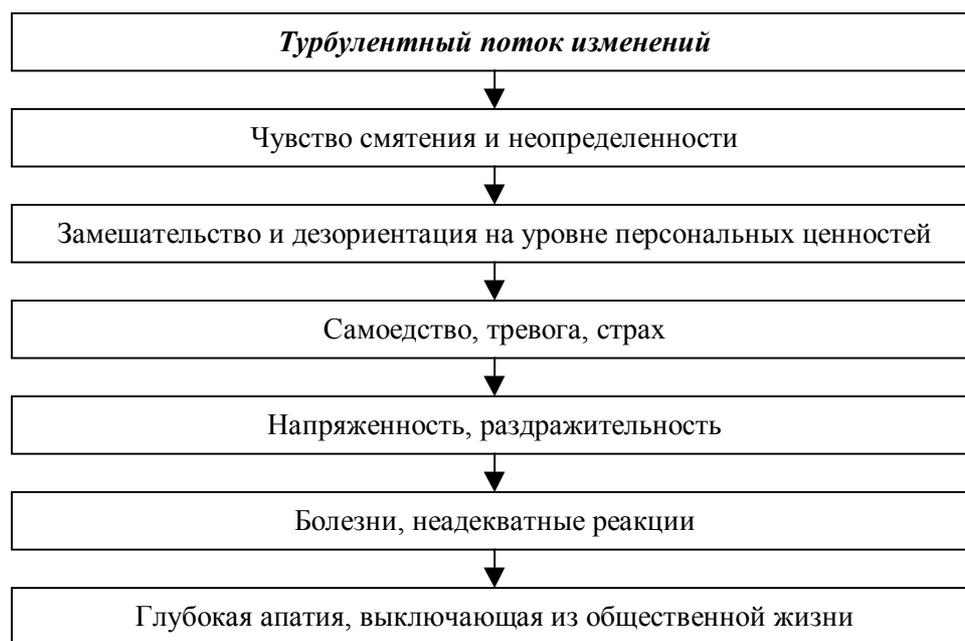

Рис. 1. Негативные последствия для психики человека, вызванные шоком будущего

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Academia, 2004. 788 с.
2. Внутских А.Ю. От наноиндустрии к постинформационному обществу // Вестн. Вятского гос. гуманитарного ун-та. 2011. № 2. С. 6–11.
3. Гриценко В.С. Н. Дайер-Визерфорд «Кибер-Маркс: циклы и круговороты борьбы в высоко-технологичном капитализме» // Вестн. Перм. ун-та. Серия «Философия. Психология. Социология» 2010. № 2. С. 21–49.
4. Гриценко В.С. Проблема труда в классической политэкономии // Вест. Перм. ун-та. Серия «Философия. Психология. Социология» 2010. № 4. С. 13–24.
5. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, Транзиткнига, Terra Fantastica, 2004. 602 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономич-

- ка, общество и культура. М., 2000. 608 с.
7. *Корякин В.В.* Общественно-экономическая формация: сущность, структура, закономерности // Вестн. Перм. ун-та. Серия «Философия. Психология. Социология» 2010. № 2. С. 4 — 20.
  8. *Маслянка Ю.В.* Проблема смысла жизни: современное состояние и перспективы // Вестн. Перм. ун-та. Серия «Философия. Психология. Социология» 2010. № 3. С. 4 — 11.
  9. *Маслянка Ю.В.* Смысл жизни как психологический феномен и философская проблема (к вопросу о роли философии в интеграции научных представлений о сущности и смысле жизни) // Вестн. Перм. ун-та. Серия «Философия. Психология. Социология» 2012. № 1. С. 10 — 19.
  10. *Орлов В.В.* XXI век и проблема научности философии // Вестн. Перм. ун-та. Серия Философия. Психология. Социология. 2010. № 1. С. 4–14.
  11. *Орлов В.В., Васильева Т.С.* Философия экономики/ Перм. ун-т. Пермь, 2006. 266 с.
  12. *Патырбаева К.В.* Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты: кол. монография / К.В. Патырбаева, В.В. Козлов, Е.Ю. Мазур, Г.М. Конобеев, Д.В. Мазур, К. Марицас, М.И. Патырбаева; науч. ред. К.В. Патырбаева; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2012. 250 с.
  13. *Патырбаева К.В.* Особенности интеграционных процессов в процессе производства постиндустриального типа // Философия хозяйства. 2009. № 3. С. 133 — 139.
  14. *Патырбаева К.В.* Особенности современной системы производства и организации труда в XXI веке // Вестн. Вят. гос. гуманитарного ун-та. 2009. № 3(4). Том 4. Философия и социология; культурология. С. 40 — 44.
  15. *Патырбаева К.В.* Особенности современной формы труда и работник нового типа: монография / науч. ред. В.В. Орлов; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 175 с.
  16. *Тоффлер Э.* Третья волна /пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 776 с.
  17. *Тоффлер Э.* Шок будущего/ пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 557 с.
  18. *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Революционное богатство. М.: АСТ МОСКВА, 2008. 569 с.

SOCIETY, LABOR AND SUBJECT OF LABOR IN CONCEPTS OF POSTINDUSTRIAL SOCIETY

Kseniya V. Patyrbaeva

Perm State Agricultural Academy; 23, Petropavlovskaya, Perm, 614000, Russia

This article is about postindustrial concepts of subject of labor. This kind of research is important for further theory of subject of labor in social philosophy.

Key words: postindustrial society; postindustrial labor, a subject of labor.

УДК 111.3

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА В МЕТАФИЗИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ Г.В. ЛЕЙБНИЦА

А.С. Журавлева

В статье рассматривается история и функционирование универсальной характеристики в рамках монадологии Г.В. Лейбница. Показывается принципиальная необходимость именно такого рассмотрения этого искусства, без чего его сущность останется неясной.

Ключевые слова: универсальная характеристика; монадология; истина факта; истина разума; искусственный язык; всеобщая наука.

Тема универсальной характеристики в творчестве Г.В. Лейбница в последнее время все больше привлекает к себе внимание исследователей. Закономерно возникает вопрос о причинах столь повышенного внимания к ней. В чем же заключается проблематичность и неоднозначность этого искусства в рамках метафизического проекта Лейбница?

Прежде всего, это связано с тем, что сам Лейбниц рассматривал Характеристику одновременно и как способ исчисления понятий, и как всеобщий язык со своей собственной грамматикой. К тому же взгляды Лейбница на то, как она должна выглядеть, постоянно менялись, так что мы знаем, по крайней мере, три варианта универсальной характеристики.

Если же разделить всю совокупность исследований, в которых обсуждается это искусство, то можно выделить две группы. Соответственно, будут представлены и два способа понимания *characteristica universalis*.

Одни исследователи подразумевают под Характеристикой искусственный, логико-математический язык, созданный для очищения языка науки от двусмысленностей естественного языка. На этом основании ее укореняют в традиции прочих искусственных языков (от универсального языка Джона Уилкинса до языка программирования). Подобного представления придерживаются Г. Фреге, Дж. Буль, Э. Кассирер, У. Эко и др. Вообще же, можно ска-

зать, что это и есть самая распространенная точка зрения на Характеристику.

Правда, следует отметить, что подобная интерпретация сталкивается с некоторыми трудностями: для чисто логического языка Характеристика слишком онтологична и «метафизична» (в неопозитивистском смысле), поскольку опирается на ряд явных допущений, представленных в монадологии.

Во-вторых, *characteristica universalis* рассматривается в контексте традиций искусной памяти, пансофии, энциклопедизма и панметодизма, берущих начало из ренессансной магии и связанных с нею учений. В таком случае Характеристика понимается как «зеркало» мира, точно отражающее все взаимосвязи между вещами так, как они есть на самом деле. Здесь стоит отметить работы П. Росси и Ф. Йейтс.

При этом заметно, что Характеристика недостаточно «онтологична» и эзотерична для «зеркала» мира в духе Дж. Бруно или Дж. Камилло: в ней велика доля формализованных логических исследований, которые неясно, как интерпретировать в контексте магии.

Поэтому представляется обоснованным взглянуть на Характеристику на фоне всей совокупной метафизики Лейбница. По нашему предположению, поняв, какое отношение *characteristica universalis* имеет к монадологии и почему она в ней возникает в качестве необходимого составляющего, мы сможем понять, чем она является.

Определение универсальной характеристики

Хронологически, действительно, определить суть Характеристики довольно затруднительно, поэтому мы начнем свое рассмотрение с обсуждения целей ее построения.

В конце 60-х — начале 70-х гг. XVII в. Лейбниц подробно разрабатывает темы анализа и синтеза как методов искусства открытия, а также касается целей построения Характеристики и энциклопедии.

Лейбниц пишет, что «аналитика есть исследование, при котором мы рассекаем на части сам предмет с максимально возможной точностью, скрупулезно соблюдая и учитывая положение, связь, форму частей и частей в частях. Синтетика, или комбинаторика, состоит в том, что для объяснения вещи мы привлекаем другие, вне ее находящиеся вещи» [4, с. 395].

Конечно, для того, чтобы дело анализа и комбинаторного искусства пошло быстрее, нужно разработать тот самый философский язык, о котором у нас сейчас идет речь, добавив к нему «каталог историй, т.е. сообщений, наблюдений, опытов, наиболее важные теоремы (как, например, сокращенные вычисления), полученные из одних лишь знаков или путем наблюдений <...> Самым последним будет сочинение о счастье, т.е. о науке жить, где будет указано назначение остальных сочинений и названы проблемы, которые могут быть с их помощью сформулированы, расположенные не в тематическом порядке, а в зависимости от их результатов. Но поскольку какое-то счастье уже находится в нашей власти, книга эта, будучи заключительной, станет использоваться всеми прежде остальных. Называться она будет: Архитектонические науки о Мудрости и Счастье. В этой книге будет показано, что мы можем всегда быть счастливы и становиться все счастливее, и будут названы некие средства приумножения счастья, в чем и состоит назначение всех наук. Таким образом, это станет истинным учением о Методе не столько поиска истины, сколько самой жизни...» [4, с. 396].

Итак, мы убеждаемся в том, что для приобретения и упрочения нашего счастья сначала следует разработать философскую характеристику, присоединить к ней каталог знаний для упорядочения первофактов, а затем на этой основе будет легко производить анализ, поскольку мы уже знаем, на что следует «раскладывать» то или иное явление.

Уже сейчас, до начала тщательного обсуждения Характеристики, следует отметить ее связи с анализом, синтезом и монадологией. Анализ сводит все предложения к тождественным, выявляет их основания точно так же, как первичная сила в монаде показывает закон ее изменений. Синтез, в свою очередь, расширяет границы науки, побуждает переходить к новым истинам, чему в действиях монады соответствует стремление.

Новое означает здесь еще нераскрытое, так как самого по себе нового быть не может, поскольку уже все сотворено, и Бог не будет добавлять новые элементы в мир, иначе это свидетельствовало бы о его несовершенстве, что абсурдно. Поэтому становится ясно, что Характеристика не показывает нам ничего нового, она лишь уточняет и проясняет.

Теперь, имея перед собой цель, а именно достижение мудрости, ведущей нас к счастью, и вооружившись анализом как мощным средством познания истины, можно приступить к построению универсальной характеристики.

На протяжении 40 лет мысль Лейбница относительно Характеристики постоянно изменялась. Мы не будем касаться здесь первого текста, в котором отчетливо разрабатывается идея Характеристики, а именно «Dissertatio de arte combinatoria» (1666). Перейдем сразу же к пяти работам, датированным 1679 г., в которых Лейбниц вплотную приступает к разработке Характеристики. Это такие работы, как «Элементы универсальной характеристики», «Элементы исчисления», «Элементы универсального исчисления», «Исследования универсального исчисления», «Правила, по которым можно с помощью чисел судить о правильности выводов, о формах и модусах категорических силлогизмов».

Эти работы раскрывают правила применения числовых характеров в категорических предложениях, понимаемых в качестве основы для всех остальных видов предложений, как то: модальных, гипотетических, дизъюнктивных и т. д.

Все предложения, могущие стать истинными, редуцируются Лейбницем к одному виду: «А есть В». По этой причине все предложения являются одновременно равенствами, что дает возможность перейти к построению из предложений формул.

Общая идея Характеристики, выраженная в этих работах, состоит в следующем. Если мы хотим узнать определение вещи, то нам следует перечислить по порядку все ее реквизиты, т.е. получить ее отчетливое понятие. Затем нужно обозначить субъект и все его предикаты характерами, специально подобранными числами. В итоге у нас получится равенство или неравенство, из чего мы узнаем, правильно ли мы разложили понятие (или выражаемую им вещь) на его элементы, или нет. Соответственно, если мы получили равенство, то у нас есть искомое нами определение. Так, если обозначить понятие «человек» — 6, понятие «разумное» — 3, понятие «животное» — 2, то определение «Человек есть разумное животное», записанное в качестве формулы $6 = 2 * 3$, очевидно верно.

Причем представляемые таким образом предложения не обязательно должны относиться к физике, химии или другим точным наукам. То же касается теологии и метафизики, которые исследуют Бога, условия счастливой жизни и прочие важные практические вопросы.

В работах 1680-х гг. Лейбниц продолжает построение универсальной характеристики для доказательства категорических предложений. Теперь же он считает, что доказательства лучше всего проводить, используя понятия «тождество» и «различие» применительно к взаимоотношениям терминов предложения. Одновременно Лейбниц пытается все больше строить логику на минимальном количестве аксиом в основании.

Одними из первых работ в этом направлении были «Опыт универсального исчисления»

(написан между 1679 и 1686 г.) и «Добавления к опыту универсального исчисления».

В этих работах активно используется принцип тождества, при котором «если что-либо может быть всюду подставлено вместо другого с сохранением истинности, то и это другое может быть в свою очередь всюду подставлено вместо первого с сохранением истинности» [5, с. 561]. На этой основе Лейбниц формулирует «принцип переименования»: если у нас есть то, что выводится из произвольно выбранных букв, то то же самое будет выводиться и при любых других буквах, заданных при тех же условиях. Следует заметить, что на этом же покоится метафизический закон непрерывности.

В «Общих исследованиях, касающихся анализа понятий и истин», самой крупной работе этого периода, Лейбниц строит универсальное исчисление, которое возможно применять одновременно и к терминам, и к предложениям.

В этой работе (правда, подобное мы встречали уже и в «Опыте универсального исчисления») Лейбниц постоянно совершает переходы из логики в онтологию, связывая их воедино, с тем чтобы иметь возможность построить универсальное исчисление, которое одновременно говорило бы о порядке мысли и о порядке вещей, соотносенных друг с другом посредством предустановленной гармонии.

Так, положительное определяется им как сущее, причем, конкретное, в действительности существующее, а отрицательное — как не-сущее. Условием истинности предложений, о которых говорит Характеристика, теперь выступает их непротиворечивость (а не просто аналитичность, как было еще в работах 1670-х гг.), т.е. в ходе анализа предложения А не должно получиться так, что оно одновременно содержит В и не-В.

Мы видим, что универсальная характеристика перестала говорить только об истинах разума, для которых верно, что предикат входит целиком в субъект, за счет чего и возможно разложение на первотермины; теперь она выходит и на уровень истин факта, т.е. того, что существует в действительности и описывает

конкретно сущее. Отсюда и появляется требование непротиворечивости предикатов.

Вариант универсального исчисления, представленный в этой работе, был предназначен для того, чтобы переводить предложения в термины и наоборот. Для этого Лейбниц вводит правило, по которому предложение АВ («Всякое А есть В») равно термину А (или В), и наоборот. Так, термин А, означающий «человек», может читаться как «Человек есть разумное животное», а предложение «Золото есть металл» может быть сведено к термину «золото». При этом сами первоначальные интегральные термины для удобства мы можем обозначить характеристическими числами. Подобная редукция облегчает процесс доказательства и вывода: теперь мы можем быстрее передвигаться по цепочке силлогизмов.

Однако некоторые предложения, касающиеся существования, невозможно свести к первотерминам, ведь это потребовало бы от нас бесконечного анализа (что является одним из свойств истин факта). Все существующее является возможным и становится действительным, если оно предпочтительнее других возможных сущих того же ряда. Отсюда ясно, что действительность есть возможность плюс еще что-то. Поэтому Лейбниц интересуется тем, как возможно свести гипотетические предложения к категорическим. Он считает, что если бы он решил эту проблему, то все задачи универсальной характеристики были бы разрешены и она стала бы поистине всеобщим инструментом познания и практической деятельности.

Возможный способ разрешения проблемы таков: необходимые предложения можно свести к определенным числам, а случайные предложения (т.е. гипотетические) можно свести к бесконечным числам, с которыми мы все-таки можем обращаться с помощью дифференциального исчисления. Конечно, контингентные истины подвластны Богу, он знает их причины и те термины, на которые они раскладываются, но это знание скрыто от нас, поэтому наше познание подобных предложений лишь вероятно. Тем не менее эту вероятность не следует отвергать по причине того, что она не дает точного

знания. Во-первых, можно выделить степени вероятности, вследствие которых суждение становится более или менее вероятным, а, во-вторых мы можем успешно действовать, имея даже вероятностное знание.

После 1690 г. были написаны еще две работы, очень важные для понимания истории универсальной характеристики, а именно «Не лишенный изящества опыт абстрактных доказательств» и «Опыт абстрактных доказательств». В них присутствуют все темы, уже затронутые в «Общих исследованиях, касающихся анализа понятий и истин», но здесь они образуют совершенно самостоятельное направление мысли. Если в «Общих исследованиях...» Лейбниц все еще говорит о модусах традиционной логики, но при этом вводит новые понятия «тождества» и «различия», с помощью которых пытается строить исчисление понятий, то в данных работах он практически не касается доказательств силлогизмов и предлагает совершенно новый способ разработки *characteristica universalis*.

Лейбниц здесь определяет основные отношения между терминами, как то: тождество, различие, совпадение, включение, составление, компенсация и т. д., и основные операции с терминами (прибавление, отнятие). На этой основе он вводит аксиомы, постулаты и характеристики. В основном, все они касаются отношений между содержащим и содержимым и между сообщающимися элементами. Это вариант универсальной характеристики также может прилагаться к классам предложений, отдельным предложениям и терминам. Причем не так важно, чтобы предложения имели прямое отношение друг к другу — главное, чтобы они все вместе составляли род.

В этих работах Лейбниц опять вспоминает искусство комбинаторики применительно к анализу предложений. Он показывает, как одно и то же предложение «может быть составлено многими способами, если те [термины], из которых оно составляется, будут сами составными. И далее, если они могут разлагаться до бесконечности, то и вариантов композиции будет бесконечно много» [6, с. 652]. При этом части могут вместе составлять целое, большее того

целого, частями которого они являются, что дает возможность большего числа комбинаций. Отсюда вытекает и великое разнообразие вариантов исчисления, потому что к разным комбинациям мы можем прилагать различные законы комбинирования. Лейбниц не использует повторение (термин AA для него является тем же самым, что и A) и не принимает в расчет порядок (т.е. АВ есть то же самое, что ВА), обосновывая это тем, что в реальности именно так и происходит: прибавление того же самого к чему-то не дает удвоения, а оставляет вещь в единственном числе (свойство «красное красное» суть то же самое, что просто «красное»), а изменение последовательности не изменяет саму вещь (то есть сказать «теплое и желтое» означает то же самое, что сказать «желтое и теплое»).

История универсальной характеристики заканчивается на двух этих работах, поскольку в «Новых опытах о человеческом разумении» Лейбниц практически не упоминает о своем проекте, хотя и рассуждает о словах, об их значениях, их видах и об опасностях, с ними связанных.

Рациональная грамматика

После важнейшей части общего проекта универсальной характеристики — *calculus ratiocinator* — следует представить вторую часть этого проекта, рациональную или философскую грамматику.

Действительно, Лейбниц планировал, что мы сможем не только анализировать понятия, но и разговаривать на его универсальном языке. Искусство исчисления понятий проясняет и уточняет смысл предложений, т.е. отвечает за семантику языка, а рациональная грамматика должна показать, как это делать, т.е. представить его синтаксис.

Разговорный язык должен соответствовать тому, о чем на нем говорят. В доступной форме в нем будет выражаться то, что стало очевидно в ходе разложения терминов. К тому же, как неоднократно Лейбниц пытался показать, на универсальном языке будет возможно не толь-

ко разговаривать, но и сочинять стихи и даже слагать музыкальные произведения [9, p. 296].

В 1678 г. Лейбниц приступил вплотную к разработке рациональной грамматики, основанной на грамматике естественных языков. Эта программа реализации включает в себя три этапа.

Во-первых, Лейбниц отмечает, что грамматики всех языков в той степени, в какой они подчиняются правилам и лишены аномалий, являются частями общей грамматики. Поэтому следует выделить ту часть латинской грамматики, которая будет универсальной, т.е. так или иначе присутствовать во всех языках, — эта часть и будет входить в рациональную грамматику. И именно по причине универсальности и близости к основам рациональная грамматика и подходит для выражения истин, полученных с помощью логического исчисления.

Затем для обнаружения философской грамматики следует элиминировать все аномалии. Причем не просто элиминировать, а заменить их на синонимы, лишённые аномалий, или на их определения. Очевидно, что подобный способ подстановки взят Лейбницем из его Характеристики, где мы можем подставлять вместо понятия или понятие, тождественное ему (по принципу тождества неразличимых), или его определение («А есть АВ»).

После того как мы устранили все аномалии в предложениях, мы можем перейти к определению слов и флексий. Для этого следует устранить все падежи, т.е. свести их к одному именительному. Позже Лейбниц редуцировал и именительные падежи к связке *Ens* (или *Res*) прилагательного, образованного от подразумеваемого нами существительного.

Как указывалось выше, существительное называет только то, что действительно существует. Реальным существованием обладают только монады, которые и являются истинными субъектами предложений. Связка «есть» традиционно означала акт атрибуции, т.е. приписывания определенному субъекту некоего состояния. В случае Лейбница характер связки несколько меняется. Для него важно, чтобы приписывание имело характер включения, т.е. что-

бы предикат реально содержался в субъекте и был совместим с остальными предикатами. Прилагательные, используемые вместо глаголов, показывают не постоянное состояние субъекта, а «непрерывный переход от одной мысли к другой» [1, с. 93], бесконечное разнообразие и изменение состояний, восприятий и действий, происходящих в субъекте, т.е. в монаде.

Тем не менее требуется еще один класс слов, выражающий взаимоотношения между существительными и глаголами. Этим классом являются служебные слова («частицы»): предлоги, союзы, наречия времени, места и вопросительные наречия. Этим частицам Лейбниц придает величайшую важность, считая, что именно они определяют структуру любого языка, его «форму», в противоположность всем остальным словам, являющимся «материей» языка.

Рациональная грамматика как часть всеобщей науки подчиняется принципу *minimax*: она опирается на минимальное количество оснований, но зато в ней имеется большое разнообразие в следствиях, так как рациональная грамматика описывает все существующее в его основе.

Третьим шагом построения рациональной грамматики является сам универсальный язык, объединяющий грамматику и истины, полученные в результате анализа.

Истины представляются Лейбницем в качестве слов, а энциклопедия, каталог истин, — в качестве словаря.

Проект энциклопедии

Энциклопедия представляет собой словарь, в котором истины располагаются по порядку и по темам. Порядок подразумевает под собой то, что все истины расположены по родам или видам, представляющим собой в данном случае классы вещей. «То, что определяет границы каждого класса, есть его сущность. Сущность познается либо по внутренней структуре, либо по внешним признакам, благодаря которым мы узнаем ее и называем каким-нибудь определен-

ным именем» [3, с. 307] и помещаем в соответствующий раздел в энциклопедии.

При этом нельзя забывать, что невозможно обнаружить последние логические виды, к тому же, два конкретных индивида одного и того же вида никогда не бывают совершенно схожи, что нужно учитывать при построении энциклопедии. Поэтому мы включаем в нее не абсолютно все подряд, пытаюсь охватить весь универсум и сделать энциклопедию его достоверным отражением, а только то, что подчиняется установленному порядку, т.е. то, в чем мы выделили сущность.

Взаимосвязанность истин означает то, что они расположены таким образом, что могут выводиться одна из другой, т.е. доказываться одна посредством другой с помощью всеобщей науки. Здесь Лейбницем применяется закон непрерывности: природа не допускает пустоты в принятом ею порядке, потому у нас есть возможность непрерывно переходить в энциклопедии от одного рода или вида к другому и обнаруживать взаимосвязи между ними.

Таким образом, энциклопедия упорядочивает наше знание; с ее помощью мы можем быстрее находить сходства, различия и аналогии между вещами, что убыстряет процесс мышления и увеличивает эффективность анализа. Эти навыки входят в искусство применения наших знаний на практике, что в совокупности с искусством суждения и искусством открытия позволяет нам достичь настоящей мудрости.

Самой важной функцией энциклопедии было определение новых, еще не исследованных областей знания. Именно энциклопедия дает направление для приложения средств искусства открытия.

Characteristica universalis и метафизический проект

Итак, мы описали эволюцию идеи Характеристики и примерно уяснили ее функционирование. Теперь же следует приступить к нашему главному вопросу: как соотносятся Характеристика и монадология? Поскольку, как пишет Лейбниц, цели науки являются подчиненными целям счастья и блаженства, доступных нам

только в Царстве Благодати. Поэтому и задачи Характеристики значат нечто большее, чем простое открытие истин. Но для начала следует вообще разобраться в том, какие бывают истины.

Как указывает Лейбниц, темно то понятие, которое недостаточно для отличения предмета от других. Напротив, ясное понятие — это то, которое показывает нам признак, по которому можно узнать предмет, «выделяя» его из общего смутного ряда, заставляя нас его заметить. Ясное и смутное понятие таково, что невозможно по отдельности перечислить признаки, достаточные для отличения предмета от другого. Ясное и отчетливое понятие, в свою очередь, то, в котором присутствуют все признаки, достаточные для отличения определенного предмета от другого. Подобное перечисление признаков и составляет номинальное определение вещи. Это означает, что все примечательное в предмете мы воспринимаем как привычное, регулярное. Адекватное отчетливое познание — то, в котором анализ реквизитов предмета доведен до конца, т.е. из предмета извлечена закономерность. Адекватное символическое познание предполагает, что понятие очень сложно, и поэтому мы не можем представить одновременно всех входящих в него реквизитов, но нам для целей дальнейшего познания это и не нужно. Интуитивное же познание, самое высшее, по данной классификации, возможно только для первичных, т.е. для простых понятий.

Все интуитивные предложения могут быть доказаны *argiōi*. Это означает, что в случае интуиции разума становится очевидной тождественность субъекта и предиката, входящих в состав предложения, а в случае интуиции опыта — тождественность субъекта и объекта, описываемых суждением.

Так составляется реальное определение предмета, в котором нам непосредственно открывается его возможность. Именно этим и отличается реальное определение от номинального: если в первом показывается возможность или причина предмета, то во втором ничего о

причине не говорится, а происходит простое перечисление реквизитов.

Соответственно, для более успешного познания нам следует усердно искать реальные определения, в чем нам и должна помочь Характеристика. Именно она способна показать тождественность субъекта и предиката, редуцировав посредством эквивалентных подстановок терминов сложные предложения к самодостоверным суждениям.

Лейбниц выделяет два рода самодостоверных предложений: истины разума и истины факта. Истины разума подчиняются принципу тождества; истины факта — принципу достаточного основания.

Первые истины абстрактны, описывают возможное, но такое, противоречащее которому, в свою очередь, невозможно. Поэтому они являются вечными истинами, актуальными для всех возможных миров (именно потому, что сами не связаны ни с чем существующим). Свой источник, основание они находят в божественном разуме, откуда и проистекает их абсолютная необходимость. Эти истины, действительно, метафизичны: они обуславливают собой организацию любого сущего.

Истины разума можно сравнить с «соизмеримыми числами»: как в последних можно путем определенных операций обнаружить общую меру, так и метафизические истины можно путем анализа свести к тождественным высказываниям.

В свою очередь, истины факта похожи на «несоизмеримые числа», так как анализ и тех, и других, хоть и приближается к общей мере, но уходит в бесконечность и до конца может быть доступен только Богу, который априорно видит основания рядов. Несмотря на наличие у нас дифференциального исчисления, оперирующего с бесконечностями, мы не в состоянии познать все причины, поскольку последней причиной всех контингентных истин является божественная воля, недоступная человеческому пониманию.

Чем же объясняется эта особенность контингентных истин?

Они описывают конкретные вещи, т.е. имеют дело не только с сущностью (возможностью), но и с существованием (действительностью). Поэтому в них не может быть никакой необходимости, поскольку противоречащее им возможно.

Божественная воля, выбирая из однотипных рядов сущего наиболее совершенный, т.е. совместимый внутри себя, определяется в этом случае склонностью, предрасположенностью к наилучшему. Поэтому истины факта называются Лейбницем «истинами для нас»: они актуальны только в нашем мире и могли бы быть другими в отличных от нашего мирах. Вследствие того, что выбран наш мир, как заключающий в себе наибольшее количество сущности, то контингентные истины, несмотря на всю свою вероятность, должны приниматься нами в расчет. Не следует упускать их из рассмотрения, так как для нашей практической жизнедеятельности, опирающейся на принципы гражданского права, учение о бессмертии души и существовании Бога обладают чрезвычайным значением. Даже не зная того, как разрешить определенную проблему, мы можем судить о том, какая из двух противоположностей желательнее, исходя из данных, полученных посредством анализа.

Как мы видели, изначально Лейбниц применял свое универсальное исчисление только для анализа сложных необходимых истин, редуцируя их к первичным понятиям. Позже он задумался о способах определения вероятностей, и, оказалось, что *characteristica universalis* также замечательно может применяться к гипотетическим предложениям. Правда, как уже отмечалось, она не приводила предложение к полному тождеству, т.е. к полному включению предиката в субъект, но, по крайней мере, с ее помощью становилось возможным выделить общий для совокупности явлений ряд оснований.

Все истины описывают жизнь монады. Так мы подошли к ядру всей конструкции Лейбница. Здесь мы ограничимся лишь примерным описанием монадологии.

Монада является простой деятельной субстанцией, «истинным элементом природы». Простота монады свидетельствует о ее неделимости, т.е. о неучтожимости и несотворенности естественным образом. Монада лишь преформируется, разворачивая собственные части и складывая их по-новому.

Монада деятельна. Смысл активности монады состоит в способности изменения ее свойств и качеств, поэтому изменение непрерывно, оно продуцирует бесконечное количество состояний. При этом ни одно состояние монады не противоречит другому, поскольку все предикаты включаются в понятие субъекта на каком-либо основании, что не может предполагать никакого противоречия между ними. Бог при творении каждой индивидуальной субстанции рассмотрел *argiori* ее полное понятие и предопределил все ее состояния, вытекающие из ее основного закона деятельности. Мы же можем судить о настоящем и прошлом только на основании прошлого, т.е. *aposteriori*. Именно поэтому следует разрабатывать универсальную характеристику: для того чтобы иметь возможность получать полные понятия о предметах и на этой основе (т.е. так же, как и Бог, *априорно*) делать точные умозаключения об их будущих состояниях.

Деятельность монады состоит в восприятии и стремлении. Восприятие же представляет собой «внутреннее состояние монады, воспроизводящее внешние вещи» [2, с. 406]. В метафизике Лейбница этот принцип известен под названием «принцип тождества неразличимых». Он обосновывает «принцип индивидуации», гласящий, что не бывает двух совершенно одинаковых вещей. Воспроизведение носит характер аналогии: это не отражение, а выражение наподобие того, как геометрический рисунок выражает все свойства реального предмета. Поэтому все наши восприятия истинны, ведь видение Бога также истинно, а обманывают нас только наши суждения. Мы можем неправильно пользоваться словами, не уточняя каждый раз, что мы имеем в виду, приписывать субъекту не соответствующие ему предикаты и т. п.

Чтобы этого не происходило, следует пользоваться искусством Характеристики.

Восприятие никогда не является единственным, оно всегда связано со стремлением переходить от одного восприятия к другому, охватывая тем самым весь универсум.

Монада субстанциональна, поскольку она имеет свою собственную конституцию, т.е. закон ряда изменений, описываемый ее полным понятием, постольку она всегда индивидуальна. Монады должны быть различными, ведь каждая из них представляет собой определенную точку зрения на универсум, что обуславливает максимально возможное разнообразие мира. Эта определенность ведет к ограниченности монады, т.е. в дальнейшем к согласованности между всеми монадами, что возможно только благодаря предустановленной гармонии.

Монады отличаются друг от друга способом выражения одного и того же бесконечного содержания, т.е. степенью своей ограниченности. Это подразумевает не только различие в степени отчетливости восприятий, но и различие в «точках зрения» и в рядах изменений.

Отличая одни монады от других, Лейбниц выстраивает лестницу существ (или агрегатов монад): на нижнем ее конце находятся простейшие бестелесные и, вследствие этого, не совсем реальные монады; затем располагаются низшие организмы, наименее всего изученные и различимые только посредством микроскопа, растительные, животные, человеческие души; затем существа наподобие ангелов, о которых сказать ничего нельзя, потому что они недоступны познанию, и, наконец, Бог, как особая монада, из которой эмануруется мир.

Для нашего описания важен уровень духов, поскольку именно им присуща способность к апперцепции. Дух, как и всякая монада, нуждается в постоянном самоопределении. Определить — значит доказать, т.е. показать основание включения предиката в субъект. Это основание может быть неочевидно для нас, что свидетельствует об ограниченности монады. В этом случае душа, попавшая в определенную точку зрения, видит мир, не понимая его причин. Это признак ее несовершенства, несвобо-

ды и страдания. Очевидно, что должен быть инструмент, освобождающий ее от нечеткости представлений, показывающий отделенность одного признака от другого. Здесь важна именно инструментальность, подразумевающая всеобщность: каждый имеет возможность воспользоваться этим инструментом и перейти к более высокой ступени совершенства.

«Феноменологическое пятно», представляющее любой феномен, может исчезнуть и превратиться в четкий порядок истин со всеми присущими им взаимосвязями и переходами.

Смутность восприятий связана также и с влиянием естественного языка. Постоянный поток восприятий так или иначе фиксируется в обыденном языке. Но последний, вследствие своей природной метафоричности и произвольности, может что-то не замечать и упускать, оставляя некоторые состояния монады непроясненными. Искусственный же язык в виде *characteristica universalis* создан специально для внимательного взглядывания в восприятия, их фиксацию и анализ, что не позволит ничему потеряться. Он показывает, что каждое последующее восприятие обуславливается наличием предыдущих. Отсюда возникает естественная связь Характеристики и искусной памяти: они обе используют порядок для того, чтобы удерживать необходимое. Поэтому Характеристика является искусственной памятью монады.

Взаимосвязь естественного и искусственного языка выражается еще и в понятии предустановленной гармонии, поскольку монады, каждая из которых имеет свой собственный язык, фиксирующий ее состояния, не могут напрямую общаться друг с другом. При этом более поздний аналитический вариант представления о том, что, сколько существует языков, столько же и миров, Лейбница не устраивал вследствие того, что наилучший мир все равно существует только один. Поэтому должно быть что-то объединяющее все это разнообразие мировидений и, соответственно, языков. В метафизике в качестве такого условия единства выступает предустановленная гармония, а в логике — универсальная характеристика. Действительно, Характеристика представляет собой аналог в

человеческом мышлении предустановленной гармонии.

И, наконец, следует поговорить о цели создания Характеристики — о счастье.

Лейбниц подчеркивает, что Бога не следует рассматривать исключительно как устроителя «машины универсума», так как он в то же время является Монархом «божественного Государства Духов». В силу этого мир природы полностью согласуется с миром благодати. Поскольку Бог сам является Духом, он смог выбрать наилучший мир для творения. И в этом мире он установил гармонию между механическими законами природы и моральным поведением духов, так что сам механический порядок природы воздаст за грехи и добродетельные поступки.

Духи, обладая памятью и сознанием, могут подниматься до познания истин о Боге и вследствие этого выражать больше Бога, чем мир, умножая его славу. Причем, чем больше дух славит Бога, тем более совершенным, т.е. добродетельным, он становится. Это приводит к тому, что Бог входит в общение с духом, начинает делиться с ним своими желаниями и чувствами. Поэтому Лейбниц и говорит, что Бог управляет духами как законодатель или отец, ведь он создал их по своему образу и подобию и предназначил к тому, чтобы они всегда были гражданами его государства, а также достигали в нем блаженства.

В очередной раз мы понимаем необходимость Характеристики. Она представляет собой средство общения с Богом: чем больше мы узнаем истин о Боге, тем больше он нам сам открывается.

Мы видели, что наши предложения и предустановленная гармония выполняют одну и ту же функцию: они связывают. Поэтому предустановленная гармония продуцирует «высказывания» Бога о мире, а универсальная характеристика дает нам средство увидеть это высказывание и говорить на этом основании о мире так же, как о нем говорит Бог. Правда, здесь существует отличие, ведь высказывания Бога, по сути, представляют собой его творческие действия: как он говорит о мире, так все и про-

исходит на самом деле. Мы же не обладаем такой творческой мощью, а можем лишь открывать уже существующие истины, — в этом и состоит наше творчество.

Поэтому Лейбниц и протестовал против сведения его Характеристики к обычному универсальному языку: последний позволяет людям сообщаться друг с другом, его же изобретение открывает возможность творчества и, соответственно, показывает, в чем состоит подобие человека и Бога.

Бог заботится о том (и в этом состоит еще один смысл предустановленной гармонии), чтобы духи всегда оставались гражданами его государства, т.е. чтобы никакие изменения вещества не привели к потере нравственных качеств личности. Он управляет духами, склоняет их волю к определенным поступкам. Поэтому добродетель (или совершенство) состоит в том, чтобы следовать божественной воле, требующей от нас всегда избирать наиболее доброе, стремиться делать благое всем людям.

При этом процесс совершенствования никогда не заканчивается: наша радость состоит в непрерывном переходе к новым совершенствам. Мы никогда не узнаем в точности сущности Бога, поэтому нам приходится удовлетворяться вероятностным познанием его. Следовательно, нам нужно специальное искусство счета вероятностей, что и предоставляет нам универсальная характеристика.

Конечно, вероятностное познание не отменяет нашего морального долженствования: мы все равно должны вести себя добродетельно, для чего достаточно сознания возможности в загробной жизни как бесконечного счастья, так и бесконечного страдания. По этой причине нравственность, установленная на истинных основаниях, ведет исключительно к добродетели, а следовательно, и к счастью.

Таким образом, мы описали варианты осуществления *characteristica universalis* в рамках метафизического проекта Лейбница.

Как мы видели, Лейбниц предлагает много вариантов осуществления *characteristica universalis*. В итоге, он даже постулирует принципиальную многовариантность способов ис-

числения понятий. Подобное положение дел наталкивает практически всех исследователей на мысль, что Лейбницу, несмотря на все его декларации, не удалось все-таки построить универсальную характеристику. Отсюда происходят многочисленные попытки представить, как бы выглядела Характеристика на самом деле [7; 8].

В свою очередь, мы не ставили своей целью показать, как именно она выглядела в замысле Лейбница. Мы всего лишь надеялись, что если нам удастся показать ее в контексте его общего проекта, тогда в общем ходе истории философии мы сможем увидеть сходство этого изобретения Лейбница и других, современных нам идей. Ведь, по сути, мы живем в эпоху повсеместного осуществления частных ответвлений Характеристики. Психология Brentano, распространенный на весь универсум феноменологический проект Husserl, неопозитивистские проекты универсального языка науки, вылившиеся затем в проект изотипического языка Отто Neurath, призванного быть языком межнационального общения, поисковые системы Интернета, Википедия, да и сам Интернет вообще и т. д. Все это, действительно, относится не к универсальным языкам как «зеркалам мира», а именно к универсальной характеристике Лейбница, которая, используя условные обозначения, имеет дело с порядком устройства сущего.

Поэтому мы не считаем, что универсальная характеристика не удалась Лейбницу: напротив, сейчас она зримо воплощается в совершенно разнообразных проектах. Все это позволяет нам увидеть проект Лейбница по-новому и понять его актуальность и для наших дней.

Список литературы

1. Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М.: «Издательство Логос», 1997.
2. Лейбниц Г. В. Начала природы и благодати, основанные на разуме. Сочинения в четырех томах. М., «Мысль», 1982. Т. I.
3. Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении. 1703-1704. Сочинения в 4-х т. М., «Мысль», 1983. Т. 2.
4. Лейбниц Г.- В. Об искусстве открытия. Сочинения в четырех томах. М., «Мысль», 1984. С. 395-399. Т. 3.
5. Лейбниц Г.- В. Опыт универсального исчисления. Сочинения в четырех томах. М., «Мысль», 1984. С. 560-564. Т. 3.
6. Лейбниц Г.- В. Опыт абстрактных доказательств. Сочинения в четырех томах. М., «Мысль», 1984. С. 641-659. Т. 3.
7. Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., «Аспект Пресс», 2000.
8. Яковлев В. М. Предисловие. Идея универсальной характеристики // Лейбниц Г. В. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления. М.: «ИФ РАН», 2005. С. 7-63.
9. Walker D. P. Leibniz and Language // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes, 1972. Vol. 35, P. 296.

UNIVERSAL CHARACTERISTIC IN METAPHYSICAL PROJECT OF G.B. LEIBNIZ

Alexandra S. Zhuravleva

Saint-Petersburg State University; 153-57, Nevsky pr., Saint-Petersburg, 191167, Russia

This article discusses a history and functioning of universal characteristic in Leibnizian monadology. Such consideration of this project is shown to be necessary to understand the essence of this art.

Key words: universal characteristic; monadology; contingent truth; artificial language; necessary truth; scientia generalis.

УДК 1(091)

ПРИНЦИП ИСТОРИЗМА В ФИЛОСОФИИ НЕМЕЦКОГО ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА

О.В. Самылов

В статье рассматривается судьба идей историзма в философии немецкого экзистенциализма. Исследуется наследие самых ярких представителей этого течения — К.Ясперса и М.Хайдеггера. Автор показывает, что, связывая историчность с мифом, Хайдеггер открывает возможности обоснования различных форм антиисторизма.

Ключевые слова: Ясперс; Хайдеггер; экзистенциализм; история; историзм.

Общепризнанно, что тематизация историчности была одной из основных методологических проблем для философии экзистенциализма. Не будет большим преувеличением сказать, что современное понимание категории историчности и принципа историзма во многих отношениях обязано своим существованием именно «философии существования». Для того чтобы в полной мере оценить ее вклад в прояснение содержания самого понятия историчности, необходимо связать эту философию с общей тенденцией историзации немецкой философской мысли XVIII–XIX вв., в особенности с философией В. Дильтея. Тяготение философского мышления к осмыслению принципа историзма созвучно умонастроениям европейского образованного слоя конца XIX — начала XX в. с характерным для них безусловным признанием значения исторического развития, с пониманием многообразия форм исторического развития, с осознанием трагического характера человеческой истории. Философия экзистенциализма олицетворяет собой понимание самой историчности как важнейшей детерминанты человеческого существования, понимание исторической обусловленности различных форм сознания. Дух прежде всего историчен, что предопределяет внутреннюю связь различных эпох и различных типов культур. Строго говоря, роль экзистенциализма в истории человеческой мысли заключается не в открытии исто-

ричности, а в кардинальном методологическом «шаге», позволяющем на основе осмысления принципа историзма раскрыть новые перспективы развития гуманитарного знания.

Наиболее яркими представителями немецкого экзистенциализма по праву считаются К.Ясперс и М.Хайдеггер. К.Ясперс в своей философии истории руководствовался пафосом скептического недоверия по отношению к популярной в довоенные годы теории культурно-исторических циклов, и его концепцию единства исторического развития человечества можно адекватно понять лишь в горизонте явной и неявной критики О.Шпенглера. Исходный принцип философии истории К.Ясперса — идея единства всемирной истории. Согласно теории культурно-исторических циклов, различные культуры, подобно живым организмам, растут и развиваются на основе природных условий человеческого существования. Они самостоятельны в своем развитии, и если даже испытывают взаимное влияние, это влияние не может быть решающим в движении того или иного типа от одной закономерной стадии существования к другой. Это движение имеет свое начало и свой конец.

Ясперс признал относительную ценность такого подхода, но только в той мере, в какой он не противоречит концепции универсальной истории. Человечество, согласно Ясперсу, имеет единые истоки и единую цель, но эти истоки

и эта цель могут быть постигнуты только особой разновидностью веры — не религиозной, а философской. «Эти истоки и эта цель нам неизвестны, во всяком случае в виде достоверного знания. Они ощутимы лишь в мерцании многозначных символов. Наше существование ограничено ими. В философском осмыслении мы пытаемся приблизиться к тому и другому, к истокам и к цели» [3, с. 27]. Но, несмотря на обращение к вере, концепцию единой истории Ясперса нельзя сблизать с христианской традицией истолкования истории, где исторический процесс также изображается в виде единой линии, имеющей начало и конец. Отличие состоит прежде всего в том, что в христианской традиции начало и конец истории ясно определены и наделены религиозным смыслом, тогда как у Ясперса «история совершается между истоками (которые мы не можем ни представить себе, ни примыслить) и целью (конкретный образ которой мы не можем существенным образом обрисовать)» [3, с. 63]. В то же время и каузальное объяснение единства истории, характерное для теорий общественного прогресса, также не может быть признано достаточным. «Может создаться впечатление, будто, признаваясь в этом, я хочу указать на то, что произошло божественное вмешательство. Ни в коей мере. Ибо это было бы не только *salto mortale* из сферы познания в сферу видимости познания, но и непростительной навязчивостью по отношению к божеству. Я стремлюсь лишь опровергнуть удобное и по существу ничего не значащее толкование истории как постижимого и необходимого поступательного движения человечества. Я стремлюсь оставить вопрос открытым и допустить возможность новых подступов к познанию... Удивление перед тайной само является плодотворным актом познания, источником дальнейшего исследования» [3, с. 53].

Всемирную историю Ясперс подразделяет на три последовательно сменяющие друг друга стадии: доистория, история и мировая история. Доисторический период включает в себя время становления человека как разумного существа. К этому периоду относится возникновение

языка, письменности, формирование рас и народов, становление начал цивилизации. «Здесь мы соприкасаемся с тайной человеческой сущности, осознаем неповторимость существования человека на Земле, перед нами встает вопрос о нашей свободе, которая неизбежно должна быть связана с происхождением всех вещей и которую мы больше нигде в мире не встречаем» [3, с. 120]. Этот период длится приблизительно пять тысячелетий, и в этот период возникают очаги человеческой цивилизации в Китае, Индии, на Ближнем Востоке и в Европе. Третий период, период универсальной или всемирной истории, начинается с формирующегося в наши дни глобального единства мира и человечества. Первой предпосылкой формирования такого единства были великие географические открытия, но, по существу, начало этой третьей стадии относится к XX в. Если до XX в. еще можно было говорить о том, что даже самые великие культуры развивались параллельно друг другу, то теперь обнаруживает себя единство мирового целого, вне которого не могут существовать даже самые изолированные цивилизации. «Эта фаза — еще не историческая реальность, но предвосхищение грядущих возможностей, поэтому она не может быть предметом эмпирического исследования, а служит лишь материалом для наброска, в основу которого положено осознание настоящего и современной нам ситуации» [3, с. 124].

Особую роль в концепции единой истории Ясперса играет так называемое «осевое время», период между 800 и 200 г. до н. э. Именно в этот период происходят самые решительные перемены в истории, так как именно тогда появляется человек такого типа, который продолжает существовать и в наши дни. Немаловажное значение имеет то обстоятельство, что осевое время приходится в концепции Ясперса на период, предшествующий появлению христианства. Осевое время является таковым не для христианского Запада, а для всего человечества. «Христианская вера — это лишь одна вера, а не вера всего человечества. Недостаток ее в том, что подобное понимание мировой истории представляется убедительным лишь ве-

рующему христианину. Более того, и на Западе христианин не связывает свое эмпирическое постижение истории с этой верой» [3, с. 29]. Но и Запад, традиционно ориентирующийся на христианское осмысление истории, обнаружив для себя это осевое время, не может не признать, что эта точка отсчета и для него имеет решающее значение. «Эту ось следует искать там, где возникли предпосылки, позволившие человеку стать таким, каков он есть; где с поразительной плодотворностью шло такое формирование человеческого бытия, которое, независимо от определенного религиозного содержания, могло стать настолько убедительным... что тем самым для всех народов были бы найдены общие рамки понимания их исторической значимости» [3, с. 29].

В первую очередь обращает на себя внимание то обстоятельство, что осевое время насыщено событиями всемирно-исторической значимости. Для Китая это время Конфуция и Лао-цзы, время возникновения всех философских школ, время формирования канонов даосизма и конфуцианства. Для Индии это время возникновения Упанишад, время жизни Будды и начала распространения буддизма, время расцвета даршан, философских школ, основанных на Веданте. В Персии в это время проповедует Заратустра и приобретает статус священной книги Авеста. В Греции в это время возникают первые философские школы, расцветает поэзия и трагедия. На этот же период приходится и деятельность пророков в Палестине. Характерно, что все эти события, имеющие столь важное значение для современного мира, происходят одновременно, но независимо друг от друга. «Новое, возникшее в эту эпоху... сводится к тому, — что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира» [3, с. 30]. В осевое время складываются те фундаментальные категории, при помощи которых человек и по сей день осмысливает мироздание. Это связано с формирова-

нием мировых религий, которые в тот период еще не приобрели статус мировых. В это период господство мифологической картины мира заметно слабеет, хотя, разумеется, еще не исчезает окончательно.

Однако тот факт, что осевому времени предшествует период безусловного господства мифа, предопределяет невозможность составить ясное представление об истоках единства всемирной истории. «Единые истоки человечества в начале доисторического времени столь же темны для нас, сколь темны будущий мир господствующего ныне на земном шаре человечества, которое, быть может, достигнет единства своего юридически упорядоченного, духовно и материально устремляющегося в бесконечность существования» [3, с. 63]. Но прояснение этих истоков не является первостепенной задачей философии истории. «Целостная концепция философии истории, которую мы пытаемся дать, направлена на то, чтобы осветить нашу собственную ситуацию в рамках мировой истории. Задача исторической концепции — способствовать осознанию современной эпохи. Она показывает нам наше место в ней» [3, с. 129].

Критика исторического мышления разворачивается у Яспера по следующим пунктам. Отвергая прежнее теологическое представление об истории вместе с теориями линейного прогресса, Ясперс находит то общее, что объединяет эти, казалось бы, противоположные и даже враждебные друг другу подходы. Этот же общий момент лежит в основе теории культурно-исторических циклов и О.Шпенглера, и его последователей. Это — претензия на тотальное, окончательное знание истории, ее законов, ее истоков и конечных целей. «Ошибочность тотального понимания истории проявляется в монокаузальности мышления, то есть сведении всех явлений к одному принципу, то ли посредством абсолютизации очевидного каузального фактора (например, экономического фактора истории), то ли посредством распространения до пределов целого какого-нибудь одного, как будто понятого в его субстанции процесса (например, в диалектике объективного духа у Гегеля)» [3, с. 74]. Такое тотальное знание истории опирается на исчерпывающее представле-

ние о человеке, на явное или скрытое утверждение, что человек уже полностью познан. При этом либо природа человека объявляется неизменной, либо допускается, что человек меняется в зависимости от условий, в которых живет. В последнем случае выдвигаются проекты построения нового общества, в котором под воздействием новых условий должен будет измениться и сам человек. Но в таких проектах люди незаметно или явно подразделяются на тех, кто должен измениться, и на тех, кто должен изменять первых. «Целью совершающегося планирования является идеальный человек. Преображенный человек делает возможными новые общественные условия, только эти условия делают возможным появление нового человека. Создается впечатление, будто планирующий человек проникает своим познанием в эволюцию человека, стремится создать его, подобно тому, как художник создает произведение искусства из данного ему материала, — гордыня, в которой человек ставит себя над человеком (такова идея молодого Маркса, таков сверхчеловек у Ницше)» [3, с. 75]. История должна оставаться открытой, незавершенной, иначе историческое будет лишено свободы. Любое справедливое общество в таком случае будет невозможно, так как справедливость без свободы существовать не может.

Но если у Ясперса попытки — как теоретические, так и практические — завершить историю и «закрыть», используя выражение Н.Бердяева, свободу предстают как ложные искушения, нацеленные на то, чтобы побудить человечество свернуть с того пути, который был намечен в «осевое время», то у М.Хайдеггера эти попытки предстают уже в виде закономерного и почти неизбежного следствия той всемирно-исторической эпохи, которую он называет «эпохой метафизики».

Философия Хайдеггера пронизана единым стремлением, которое, с его положительной стороны, нацелено на создание новой концепции бытия, на построение фундаментальной онтологии, а с отрицательной — на преодоление метафизики. С этой точки зрения можно сказать, что целью Хайдеггера было создание «постметафизики» как продукта конструктивного отрицания берущей начало у Аристотеля

традиции истолкования сущего, основанного на забвении бытия. Ориентация всей западноевропейской мысли на сущее не позволяла ей обратиться к бытию, и актуальной задачей Хайдеггера является разработка альтернативного, некатегориального способа мышления, аналогичного поэтическому мышлению досократиков.

Для нас более важен тот факт, что укрепившееся в западноевропейской интеллектуальной традиции истолкование сущего при помощи категорий закономерно привело и к вульгарному («расхожему») пониманию истории [1, с. 378-379]. Анализируя это расхожее понимание, Хайдеггер отмечает, что историю обычно понимают как «прошедшее» или «происхождение из прошедшего». Обычно предполагается, что то, что «имеет историю», обладает и становлением, и развитием, основанным на эпохальных действиях, предопределяющих будущее. История мыслится как связь действий, простирающаяся через прошедшее, настоящее и будущее. Однако в любом из этих вариантов истолкования история мыслится не как способ бытия, не онтологически, а как область сущего, отличную от природы, т.е. онтически. Таким образом, Хайдеггер характеризует существенный изъян метафизических концепций истории — радикальное противопоставление духа и природы, неспособность осмыслить их единство. Поэтому закономерным следствием у Хайдеггера выступает как критика идеализма в понимании истории, так и критика натурализма. В то же время противопоставляемая идеализму и натурализму позитивистская ориентация на факты также неприемлема, поскольку представляет собой плод метафизического мышления, сводящегося в данном случае к внешнему описанию сущего. Задача философии истории, как полагает Хайдеггер, заключается в преодолении метафизики, а не в замене одной ее разновидности другой.

Хайдеггер считает необходимым различие между «первично-историчным» и «вторично-историчным». К «первично-историчному» относятся различные объективные проявления человеческого существования, тогда как само оно есть нечто «первично-историчное». «Пер-

вично исторично — утверждаем мы — присутствие. *Вторично* же исторично внутримирно встречаемое, не только подручное средство в широчайшем смысле, но и мироокружающая *природа* как "историческая почва". Мы именуем неприсутствиеразмерное сущее, историчное на основе своей миропринадлежности, мироисторическим. Можно показать, что расхожее понятие "всемирной истории" возникает именно из ориентации на это вторично историческое. Мироисторическое исторично не впервые лишь на основе историографической объективации, но *как сущее*, какое оно, встречаемая внутри мира, есть в себе самом» [1, с.381]. Расхожее понимание истории, лежащее, в конечном счете, в основе всех метафизических конструкций, либо вообще ничего не знает об историческом существовании как способе бытия, либо подменяет его аналитику элементарными описаниями сущего. В качестве такого сущего может рассматриваться как объективный фактор (например географическая или экономическая детерминация истории), так и субъективный. В любом случае, согласно Хайдеггеру, мы вместо исторического способа бытия имеем дело с его поверхностными проявлениями. Сама история не является ни следствием взаимодействия объективных факторов, ни последовательностью переживаний субъекта.

В западноевропейской философии, начиная с Гегеля, возникает тема единства субъекта и объекта, которая, очевидно, имеет отношение к вопросу о «первично-историческом». Однако метафизическое мышление не доходит до выявления онтологического единства объективного и субъективного. В метафизике мир распадается на абстрактные противоположности, между которыми устанавливаются искусственные связи, существующие лишь в воображении метафизика. «Первично-историческое» входит в структуру «бытия-в-мире», а сама мировая история является процессом самосозидания этой структуры, в котором субъект не участвует, поскольку не может быть выключен из «бытия-в-мире».

Отказавшись от понимания истории через категории субъекта и объекта, Хайдеггер предпринимает феноменологическое конструирование подлинной историчности. Это конструиро-

вание, как и его фундаментальная онтология в целом, начинается с аналитики *Dasein*, которое, в понимании Хайдеггера, есть место обнаружения бытия, которое не доступно описанию на языке субъектно-объектного мышления. Экзистенциальное понятие *Dasein* указывает на присутствие в пространстве такого сущего (человека), в структуре которого выражается временная сущность бытия. Однако, согласно Хайдеггеру, «феноменология присутствия есть герменевтика в исконном значении слова, означающем занятие толкования. Поскольку же через раскрытие смысла бытия и основоструктур присутствия вообще устанавливается горизонт для всякого дальнейшего онтологического исследования неприсутствиеразмерного сущего, эта герменевтика становится вместе и "герменевтикой" в смысле разработки условий возможности всякого онтологического разыскания. И поскольку наконец присутствие обладает онтологическим преимуществом перед всем сущим — как сущее в возможности экзистенции, — герменевтика как толкование бытия присутствия получает специфический третий — понимая философски, первичный смысл аналитики экзистенциальности экзистенции. В этой герменевтике тогда, насколько она онтологически разрабатывает историчность присутствия как онтическое условие возможности историографии, коренится то, что может быть названо "герменевтикой" только в производном смысле: методология историографических наук о духе» [1, с. 37-38].

Историческое прошлое народа, как и его возможное будущее, смогут существовать лишь посредством языка, поэтому понимание, являющееся, как и у Дильтея, способом «бытия-в-мире», осуществляется посредством герменевтики. Имеется в виду не столько наука о понимании, сколько предметно-практическое отношение внутри самого «бытия-в-мире», без которого историческое существование народа невозможно. В основе герменевтической интерпретации истории у Хайдеггера лежит представление о языке как «доме бытия». Язык мыслится им как живая самостоятельная реальность, способная распоряжаться судьбами людей и народов.

«Мировая история» — это не всемирная история в традиционном для западноевропейской философии истории понимании. Это всегда история «мира» какого-то конкретного народа, история его «бытия-в-мире». «Мир» является тем элементом фундаментальной структуры «бытия-в-мире», который и сообщает Dasein его онтологическую определенность, его историчность. Без «мира» нет и не может быть истории как способа «бытия-в-мире» какого-либо народа или человека. «Мир» является понятием фундаментальной онтологии в философии Хайдеггера и не сводится к совокупности эмпирических явлений, к «внутримировому существу», «мир» — это феномен самообнаруживающегося бытия. В этом своем значении «мир» относится не к пространственно-временному континууму, а к уровню феноменов, к сфере смыслов, к возможным способам истолкования и понимания бытия. Такие смыслы «предначертаны» народу его языком. «Язык есть совершение такого глаголения, в котором перед всяким народом, в исторически-совершающемся, восходит, распускаясь-расцветая, его мир и в котором сберегается, как затворенно-замыкающаяся, его земля. Набрасывающее сказывание таково, что, приуготовляя изреченное, оно приносит в мир и все неизреченное как таковое. В таком сказывании всякому народу, в исторически-совершающемся, предзапечатлены понятия о его сущности, то есть о его принадлежности мирному совершению — всемирной истории» [2, с. 306]. Мировая история народа, таким образом, начинается с сотворения мира языком. В своем языке народ обретает возможность своего собственного понимания бытия, под которым понимается не мировоззрение и не «коллективное бессознательное» психоаналитиков, а «первично-историческая» структура «бытия-в-мире». В то же время и «историчность» характеризует лишь человеческое существование, «историчность» возникает и воспроизводится лишь в языке. И эта «историчность» не является неизменной первоосновой мировой истории, она представляет собой лишь одно из возможных проявлений сущности бытия в целом, его «временности». Человек как «бытие-в-мире» может существовать и существует исторически лишь пото-

му, что это «бытие-в-мире» является в своей основе временным.

Историчность, временность переживается народом, каждым его поколением, каждым его индивидом как «бытие-в-мире», разворачивающееся между рождением и смертью. Эта временность обнаруживает себя и в различных исторических достижениях, в событиях, которым сообщается всемирно-исторический смысл. Такое событие осмысливается как осуществление избранного народом проекта, и это осуществление всегда связано с риском, так как проект избирается народом перед лицом Ничто, перед лицом смерти. Такого рода события, взятые в единстве избранного народом проекта, осмысливаются как судьба этого народа. Историческое свершение временности как сущности «бытия-в-мире» образует содержание проекта. Такой проект не является продуктом замыслов великой исторической личности, осуществлением мечтаний какого-нибудь героя или гения. Это онтологический проект, и его корни лежат в решимости народов выстоять перед лицом Ничто, между рождением и смертью, сохранить для себя свое будущее. Историческое существование означает своеобразное «забегание вперед», забрасывание себя в будущее, а также действие, сообразуемое с такого рода набрасыванием. Можно было бы сказать, что историческое существование народа является реализацией проекта его выживания, причем эта реализация предполагает в то же время и проектирование будущего. Вместе с тем этот проект олицетворяет и исторический выбор народа в моменты смертельной опасности. Судьба народа не только его сохранение, но и его участие в подлинном историческом свершении, в результате которого этот народ не только остается, но и становится самим собой.

В какой-то степени справедливым будет утверждение, что первый набросок этого избранного народом проекта Хайдеггер усматривал в мифе, данном народу с самого начала его «бытия-в-мире» или созидаемом в историческом мифотворчестве. Господство мифа предопределяет захваченность народа определенным модусом временности: прошлым (миф о «золотом веке» и его разновидности), настоящим (консервативные мифы с соответствующей аполо-

гетикой существующего положения дел) или будущим (любые разновидности утопий). Связь историчности с осуществлением мифа (или с его созиданием) предопределяет вывод Хайдеггера, что только «бытие-в-мире» народа можно назвать подлинно историческим, тогда как классы, различные социальные и политические группы, выдающиеся деятели могут играть лишь временную роль в осуществлении избранного народом проекта.

Это обстоятельство решающим образом сказывается на истолковании Хайдеггером понятия «мировая история». «Мир» задается народу в его изначальном мифе как обоснованный сказанием образ жизни, способ «бытия-в-мире». «Мир» есть четверица: земля, небо, умершие предки и боги. Отношения к элементам этой четверицы предопределяют своеобразие исторического существования народа, а цель этого существования заключатся в бережном хранении заданного изначальным сказанием первичного единства этих элементов. Утрата того или иного элемента ставит народ на грань гибели, народ утрачивает свое прошлое и лишается своего будущего. Если миф представляет собой миротворческое сказание, то «мир» народа имеет свое начало и свой конец, он начинается вместе с мифом и вместе с ним исчезает. Если же разрушается «мир» народа, то народ утрачивает свою историческую судьбу, он лишается своего решающего выбора. Отсюда и соответствующие задачи для политики государства: ему необходимо обеспечивать цельность и незыблемость народного «мира», хранить элементы его «четверицы». Такое берегающее мир хранение не может обойтись без искусства, особенно поэзии, которая, в сущно-

сти, продолжает хранить и воспроизводить изначальное миротворящее сказание. Важно то, что для Хайдеггера поэзия является критерием подлинности политики, а не наоборот.

В судьбе принципа историзма в западноевропейской интеллектуальной традиции фигура Хайдеггера, его учение об историчности занимает промежуточное положение. Хайдеггер поры написания «Бытия и времени» полностью принадлежит университетской академической традиции Германии, а его трактовка историзма во многих отношениях основывается на истолковании сущности исторического у Дильтея. Вместе с тем, связывая историчность с мифом, Хайдеггер открывает возможность таких модификаций принципа историзма, которым не только будет суждено разорвать все возможные связи с академической традицией, но и выступить в качестве прямого отрицания самой сущности исторического, выступить в качестве основания различных форм антиисторизма, когда история превращается в фатальный процесс несвязанных и непредсказуемых событий (Р.Арон, К.Поппер, Ф.А. фон Хайек и др.), но это уже тема другого исследования.

Список литературы

1. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
2. *Хайдеггер М.* Исток художественного творения // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Тракаты, статьи эссе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С.47–119.
3. *Ясперс К.* Истоки истории и её цель. В 2 вып. М.: ИНИОН, 1991. 215 с.

PRINCIPLE OF HISTORICISM IN THE PHILOSOPHY OF GERMAN EXISTENTIALISM

Oleg V. Samylov

*St.-Petersburg State University of Service and Economics;
7, Kavalergardskaya str., St.-Petersburg, 192148, Russia*

The article deals with the ideas of historicism in the philosophy of German existentialism. The author examines the heritage of K. Jaspers and M. Heidegger as the most outstanding representatives of this scientific field. The author shows that by connecting historicity with the myths Heidegger makes it possible to provide reasoning for different forms of anti-historicism.

Key words: Jaspers; Heidegger; existentialism; history; historicism.

УДК 167.7

ФИЗИКАЛИСТСКИЙ РЕДУКЦИОНИЗМ РУДОЛЬФА КАРНАПА*Д.П. Суровягин*

В статье анализируются основные положения предложенной Рудольфом Карнапом концепции логики науки. На основании результатов анализа формулируются следующие положения: 1) при критическом рассмотрении редукционизма должен учитываться конвенционализм, которого Карнап предлагает придерживаться в теории познания; 2) универсальность физикалистского редукционизма означает, что язык физики универсален и даёт основание для построения единой системы науки, что не исключает спецификации частных дисциплин; 3) для теоретико-познавательного анализа науки целесообразно постулировать системность языка физики и рассуждать, опираясь на эту особенность; поэтому положения физикализма касаются не реального положения дел в науке, а абстрактной модели научного языка.

Ключевые слова: физикалистский редукционизм; Карнап; теория познания; философия науки.

I. Проблема редукционизма в философии науки

Для классификации научных понятий в философии науки используется интуитивно понятная дихотомия: «эмпирические термины — теоретические термины» [1, с. 109–123]. Первые называются также терминами наблюдения и, как предполагается, составляют так называемый базис науки. Вторые называются вспомогательными терминами [7, с. 116–120], и именно они являются также редуцируемыми терминами, т.е. их можно свести (редуцировать) к терминам первого типа без потери какой-либо важной для исследователя научной информации. Сама процедура сведения (редукции) теоретических терминов к терминам наблюдения вызывает, однако, возражения и споры у многих логиков и философов и даёт многочисленные поводы для разного рода философских вопросов. Говорят о проблеме редукционизма, потому что не считают упомянутую выше редукционную процедуру хорошо объясненным и повсеместно допустимым методом. Возможно, эта проблема выдумана философами и ее решение (или невозможность такового) не имеет значения для науки. Возможно, с другой стороны, что дело в науке и ее философских основаниях, допускающих различные толкования. Мы полагаем действительной вторую возможность

и обращаемся к истории философии за подтверждением нашей интуиции.

Понятия «редукционизм», «язык наблюдения», «эмпирические предикаты» и прочие отсылают исследователя к антиметафизическим позициям Венского кружка, Берлинского общества эмпирической философии и вообще к той совокупности установок и идей, которая в истории философии известна под названием логического эмпиризма или неопозитивизма. Представители этого направления (М. Шлик, О. Нейрат, Р. Карнап, Ф. Вайсман и др.) сами хорошо осознавали зависимость своего научного миропонимания от многих философских традиций. Так, в манифесте Венского кружка провозглашается следующее: «В науке нет никаких “глубин”; везде только поверхность: все данные опыта (Erlebte) образуют сложную, не всегда обозримую сеть. Все доступно человеку и человек является мерой всех вещей. Здесь проявляется родство с софистами, а не с платониками, с эпикурейцами, а не с пифагорейцами, со всеми, кто отстаивает земную сущность и посюсторонность» [2, с. 62].

Фактическое разделение языка науки на несколько областей приводит логических позитивистов к мысли о единстве науки, если не действительно, то, по крайней мере, желаемом. Р. Карнап, в частности, подчёркивал, что вопрос о единстве науки — это проблема не онтологии,

а логики науки: «Мы не спрашиваем: “Един ли мир?”, “Все ли события фундаментально одного типа?”, “Являются ли так называемые ментальные процессы на самом деле физическими или же нет?”, “Являются ли так называемые физические процессы на самом деле духовными или же нет?”. Представляется сомнительным, что мы можем найти какое-либо теоретическое содержание в философских вопросах, обсуждаемых в монизме, дуализме и плюрализме. В любом случае, когда мы спрашиваем, имеет ли место единство науки, мы подразумеваем здесь логический вопрос, касающийся логических соотношений между терминами и законами различных отраслей науки» [3, с. 33]. Вопрос единства науки, очевидно, сводится к вопросу о единстве научного языка и, как следствие, к вопросу о возможности сократить (редуцировать) разнообразные словари различных наук до ограниченного множества самых простых терминов. По мысли Карнапа, необходимо выбрать язык, достаточно богатый для того, чтобы описывать в нём все необходимые для научной деятельности явления и процессы и затем редуцировать к терминам этого языка термины других языков. Тогда вопрос единства науки будет решён. В своих поздних работах в качестве такого универсального языка Карнап выбирает язык физики. Поэтому его вариант редуционизма называется физикалистским редуционизмом.

II. Физикалистский редуционизм и идея единой науки

Здесь мы рассмотрим основные положения предложенной Рудольфом Карнапом концепции логики науки, опираясь на следующие основные источники: во-первых, это программная и широко известная работа 1932 г. «Die physikalische Sprache als Universalsprache der Wissenschaft» [9]. Идея логики науки будет проанализирована на основе более поздней статьи 1938 г. «Логические основания единства науки» [3]. Кроме того, будут использованы размышления Карнапа о теоретических терминах физики, взятые из его поздней работы «Философские основания физики» [5].

В статье «Логические основания единства науки» Карнап ставит задачу логического анализа науки, т.е. такого анализа, который рассматривает науку как результат деятельности учёных, зафиксированный в определённых языковых выражениях. Абстрактный анализ выражений науки называется логикой науки. Логика науки имеет две основные части: формальную и содержательную. Формальная часть логики науки также может называться формальной логикой или логическим синтаксисом. Такое исследование ограничивается формами языковых выражений, т.е. способом, каким они конструируются из элементарных частей, без каких-либо ссылок на внеязыковые феномены. Напротив, вторая часть логики науки называется семантикой, и она исследует отношения между языковыми выражениями и другими объектами (обозначаемыми этими выражениями). Карнап говорит: «Суть предмета семантического анализа языка науки — это такие свойства и отношения выражений, и особенно высказываний, которые основаны на отношении обозначения» [3, с. 30]. Таким образом, термин «логика» используется Карнапом в широком смысле, а именно для обозначения и семантического и синтаксического анализа языка науки. А «язык науки» означает отсылку к языку, который включает в себя все высказывания, используемые в научной и повседневной жизни. Наука, в понимании Карнапа, — это просто систематическое продолжение той деятельности, которую осуществляют люди в повседневной жизни с тем, чтобы что-то знать.

С точки зрения Карнапа, классификация наук может быть предложена только из практических соображений. По сути же, никакого множества наук не существует: наука, как система предложений, едина и анализируема в целом и в отдельных своих частях. Различие, которое принципиально отстаивается Карнапом, — это различие между формальной и эмпирической науками. Оно аналогично различию между синтаксисом и семантикой в области логики науки. Формальная наука — это свод аналитических высказываний логики и математики. Эмпирическая наука состоит из синтетических

высказываний, которые установлены в различных областях фактического знания. Именно для такого знания описываются редукционные процедуры.

Физика понимается как имя небиологической сферы науки, которая охватывает как систематические, так и исторические исследования (т.е. химию, минералогия, астрономию, геологию, метеорологию и т.д.). Спрашивается, можно ли четко отличить физику от биологии? Являются ли наука о неживом и наука о живом фундаментально различными областями знания? Это первый и ключевой вопрос физикалистского редукционизма, и, по мнению Карнапа, ответ на него в общем виде должен быть отрицательным. Очевидно, что биолог, желающий дать определение термину «организм», не может обойтись без знания законов физики. Но если законов физики недостаточно для объяснения органических процессов, он вводит вспомогательные гипотезы, т.е. законы биологии. Поэтому биология предполагает физику, а не наоборот. Таким образом, в науке, помимо необходимых логико-математических терминов, используются для описания процессов в неорганическом мире так называемые физические (или физикалистские) термины, а подъязык науки, содержащий все эти и только эти (помимо логико-математических) термины, называется физическим (или физикалистским) языком. Вся остальная наука, т.е. наука, предложения которой содержат нефизикалистские термины, называется биологией в широком смысле слова.

Далее Карнап рассматривает разделение биологии в широком смысле слова на две области, первая из которых соответствует тому, что называют собственно биологией (биологией в узком смысле слова), а вторая — тому, что обычно называют психологией и социальной наукой. Собственно биология вполне определена. Она содержит биологические термины, которые, вкуче с физикалистскими, образуют биологический язык, т.е. язык, на котором формулируются биологические законы. Но эту определенную часть биологии сложно отличить от второй, менее определенной ее части. Кар-

нап пишет: «Различие между двумя областями биологии в широком смысле указывалось только очень неопределенно. В настоящее время все еще не ясно, как можно провести разграничение лучше. Какие процессы в организме можно отнести ко второй области? Вероятно, как характерные можно взять процессы, связанные с нервной системой, или, для большей точности, связанные с речевой деятельностью, или с оперированием знаками в широком смысле. Иной способ характеристики может проходить в другом направлении, а именно извне, через отбор процессов в организме с точки зрения соответствия достижению цели в окружающей среде» [3, с. 32]. Но в общем виде вопрос о границах и подходящих терминах для психологии и социальных наук остаётся, по мнению Карнапа, открытым. Смеем добавить, таковым он остаётся до сих пор.

Общая часть донаучного языка — это так называемый «thing-language», или вещный язык, т.е. тот язык, который мы используем, когда говорим об окружающих нас предметах. К этому языку относятся такие термины, как «горячий», «холодный» (но не «температура»), «тяжёлый», «лёгкий», (но не «вес»), «красный», «большой» и т.п. Описываемые этими терминами свойства называются «observable thing-predicates» (вещные предикаты наблюдения). К ним сводимы более сложные диспозиционные предикаты, которые говорят о предрасположенности вещи к определённом поведению: «гибкий», «растворимый», «хрупкий» и т.п. Стало быть, любой термин физического языка сводим к вещным предикатам наблюдения, поскольку для любого физического термина существует метод его определения посредством наблюдения, эксперимента. То же самое справедливо и для биологии, ведь любой биолог, вводя и используя какой-либо специфически биологический термин, должен знать эмпирические критерии применения этого термина.

Единство языка, однако, не означает единства законов. Как бы ни были классифицированы законы научных дисциплин в теории, на практике часто встречается выведение, например, психологических законов из законов соци-

альных, и наоборот, используются обобщения слишком широкие, чтобы их можно было свести к обозримому классу физикалистских предложений. Поэтому конструирование единой гомогенной системы законов — это цель развития науки, как её понимает Карнап. Одним необходимым условием для выполнения этой цели, по мнению Карнапа, учёные уже располагают — это единый (физикалистский) язык как общая редукционная основа для терминов всех отраслей науки. И если в настоящее время законы психологии и социальных наук невозможно вывести из законов биологии и физики, то не известно также никаких научных аргументов, которые принципиально запрещали бы такое выведение в будущем. Статью «Логические основания единства науки» Карнап заканчивает утверждением, что единство науки — это основа для практического применения теоретического знания.

Сказанного уже вполне достаточно для того, чтобы сделать определённые выводы о концепции физикалистского редукционизма Карнапа. На наш взгляд, она вполне понятна и не содержит в себе тайных намеков, которые можно было бы неправильно истолковать. Однако история философии содержит примеры дискуссий о возможности сведения науки к языку наблюдения. К этим спорам нужно относиться с осторожностью, поскольку в большинстве случаев критика направлена против таких «следствий» или «предпосылок» физикализма, которых он вовсе не предполагает. Поэтому мы хотим далее подробно рассмотреть аргументы, приведшие Карнапа к необходимости отстаивать тезис физикалистского редукционизма.

III. Язык науки как базис для редукционной процедуры

Наиболее обстоятельное рассмотрение языка физики Карнап даёт в статье «Физикалистский язык как универсальный язык науки». В ней он также обращается к проблеме разделения науки на множество дисциплин. Но это разделение объявляется условным и объясняется нашей привычкой к содержательному, а не формальному способу речи. Содержательный способ

речи содержит выражения об «объектах», «положениях дел», но в целях философского анализа науки корректнее говорить о «словах» и «предложениях», т.е. использовать формальный способ речи. Карнап предлагает начать поиски такого универсального научного языка, на который (при формальном способе речи) можно было бы перевести все языки частных наук. Эти поиски начинаются с определения протокольного предложения как исходного пункта исследования. Поскольку понятие «протокольного предложения» (Protokollsatz) стало предметом многих споров, мы процитируем высказывание Карнапа по этому поводу: «Наука является системой предложений, которые выстраиваются на основании опыта. Но эмпирическая повторная проверка относится не к отдельному предложению, а к системе предложений, или к подсистеме. Повторная проверка осуществляется на основании “протокольных предложений”. Под этим понимаются предложения, которые содержат первоначальные протоколы некоего физика или психолога. При этом мы представляем себе настолько схематизированный способ, как будто все наши переживания, представления, а также чувства, мысли и т.д. сначала письменно протоколируются, так что дальнейшая обработка всегда связывается с протоколом как с исходным пунктом. Под “первоначальным” протоколом подразумевается то, что мы могли бы сохранить, если бы составление протокола и обработку протокольных предложений можно было четко отделить друг от друга, следовательно, в протокол не включаются косвенно приобретенные предложения... Первоначальный протокол, возможно, звучал бы так: “Устройство для осуществления опыта: в таком-то и таком-то положении находятся тела с такими-то и такими-то свойствами (например ‘медная проволока’; возможно, вместо этого может быть сказано только: ‘тонкое, удлиненное, коричневое тело’, тогда как определение ‘медь’ получается путем обработки прежних протоколов, в которых фигурирует то же самое тело)» [9, с. 437–438]

Мы видим, что строгого определения понятия протокольного предложения не дается.

Основное для анализа науки понятие постулируется как интуитивно понятная и нередуцируемая к чему-то более простому идея. Совокупность протокольных предложений называется «протокольным языком» (Protokollsprache), хотя в качестве возможных вариантов названий Карнап предлагает также «язык переживаний» (Erlebnissprache) или «феноменальный язык» (phänomenale Sprache). В содержательном модусе речи исследование протокольного языка сводится к исследованию данного (das Geben) в философском смысле слова, т.е. к разговору о том, что представляют собой простейшие элементы опыта. Однако в формальном модусе речи дискуссии по этому поводу невозможны, т.к. не имеет смысла обсуждать, какая совокупность слов «действительно» или «более адекватно» выражает «сущность» словосочетания «первоначальный опыт», потому что условия употребления слов можно задать с помощью соглашения. «Протокол» — это всего лишь термин для описания того, что обычно называют содержанием опыта. Нельзя сказать, что предложения науки в буквальном смысле выводимы из предложений того или иного протокола. Чтобы прояснить отношение научных и протокольных предложений, Карнап предлагает разделить предложения науки на так называемые «сингулярные» физикалистские предложения (singulären Sätzen) и «законы природы» (Naturgesetzen) [9, с. 439–440]. Пример сингулярного предложения: «В такой-то и такой-то пространственно-временной точке температура составляет столько-то градусов»; пример закона природы: «Плотность железа (везде и всегда) равна 7,4». По отношению к сингулярным предложениям закон природы имеет характер обобщающей гипотезы, причём нельзя сказать, что это обобщение в буквальном смысле выведено из множества частных утверждений.

В поздней работе «Философские основания физики» Карнап специфицирует область законов природы, выделяя теоретические законы как наиболее высокий уровень обобщения. О теоретических законах физики он пишет следующее: «Теоретические законы отличаются от

эмпирических не тем, что недостаточно хорошо установлены, а тем, что содержат термины другого рода. Термины теоретических законов не относятся к наблюдаемым величинам даже тогда, когда принимается предложенное физиком широкое значение для того, что может быть наблюдаемо. Они являются законами о таких объектах, как молекулы, атомы, электроны, протоны, электромагнитные поля и другие, которые не могут быть измерены простым, непосредственным способом» [5, с.303–304]. Карнап считает, что теоретический термин выдвигается не в качестве обобщения фактов, а как гипотеза, которая впоследствии проверяется. Поэтому ситуация наличия таких терминов в индуктивных дисциплинах создает трудности для философской интерпретации (термины для объектов, свойств, сил, описываемых в теории, осмысливаются не тем же самым путем, что термины наблюдения). Чтобы преодолеть трудность, Карнап обращается к предложенной Фрэнком Рамсеем процедуре элиминации теоретических терминов. Чтобы сложное теоретическое выражение преобразовать в предложение Рамсея, нужно: а) заменить теоретические термины соответствующими переменными, и б) связать полученные переменные квантором существования. Таким образом, если теоретические термины принципиально сводимы к терминам языка наблюдения, не нужно предполагать каких-то особых объектов, которые могли бы соответствовать теоретическим терминам, и последние можно рассматривать как сокращенные обозначения определённых эмпирических свойств.

Итак, теоретическое положение не может быть выведено из множества эмпирических утверждений, но может подтверждаться ими до бесконечности. Такой же характер имеют сингулярные предложения по отношению к предложениям протокола: они из них не выводимы, но подтверждаются ими. Понятие «протокольный язык» можно рассматривать как экспликат понятия «индивидуальный опыт», т.е. как неопределимую основу, на которую ссылаются, когда хотят объяснить смысл какого-либо общего высказывания. Но именно физикалист-

ский (не протокольный) язык целесообразно считать языком науки, поскольку он неиндивидуален и содержит обобщения, достаточные для описания всех объектов научного исследования.

Таким образом, редукционная схема «протокольные предложения ← сингулярные предложения ← законы природы», которая характеризует, по мнению Карнапа, иерархию предложений науки, условна, т.е. является результатом соглашения. Установление научной системы всегда содержит конвенциальный момент, поскольку «форма системы никогда полностью не устанавливается опытом, но всегда определяется также установлениями» [9, с. 440]. Однако отношение выводимости между двумя предложениями (или предложением и классом предложений), несмотря на свою конвенциальную природу, имеет принципиальное значение: оно указывает возможность проверки выведенного предложения. Если нужно проверить предложение на предмет его соответствия опыту, нужно, согласно Карнапу, подтвердить его соответствующими протоколами (в случае сингулярного предложения) или соответствующими сингулярными предложениями (в случае закона природы). Таким образом, физикалистский язык состоит из трёх типов предложений: 1) протокольных предложений, которые представляют собой нередуцируемую основу языка; 2) сингулярных предложений, которые описывают наблюдаемые положения дел; 3) законов природы, которые дают возможность делать научные предсказания. Теперь рассмотрим свойства данного языка, позволяющие, по мнению Карнапа, принимать его в качестве универсального языка науки.

Язык физики характеризуется тем, что в нём используются количественные определения и термины (т.е. вместо термина «тепло», который может употребляться в протокольном языке для описания опыта, используется сложный термин «температура, равная 15 °С», и т.д.). Качественные термины допустимы только в том случае, если известны правила перевода их в количественные термины (т.е. они используются для сокращения формулировок). Если

понятия физики свободны от качественных определений, то это значит, что они абстрактны, т.е. правила перевода из физикалистского языка в протокольный язык таковы, что какому-либо слову физикалистского языка никогда не соответствует только одно слово протокольного языка из определенной смысловой области (например, только определения цвета, звука и т.п.). Поэтому из физикалистских определений можно выводить протокольные определения любой смысловой области [9, с. 443]. Таким образом, количественные определения физики «интерсенсуальны» (intersensual). Если в протокольном языке термины приходится сортировать на смысловые области (как описывающие цвет, звук и т.п.), то в физикалистском языке любому термину даётся абстрактное числовое определение (и цвет, и звук определяются как электромагнитные колебания определённой частоты). Кроме того, физикалистские определения «интерсубъективны» (intersubjektiv), т.е. могут быть проверены (а значит, поняты) любым субъектом. Качественное понятие (например, «холодно») может быть понято каждым субъектом по-своему, но количественное определение («температура равна 2 °С») не допускает разных интерпретаций. Если два субъекта расходятся во мнениях относительно длины стержня, температуры тела, частоты колебаний, то такая ситуация никогда не воспринимается в физике как непреодолимое субъективное разногласие: всегда можно прийти к единому мнению через проведение общих экспериментов.

Далее, язык физики «универсален». Это значит, что любой осмысленный термин любого частного языка (языка психологии, биологии, экономики и др.) может быть при необходимости переведён на физикалистский язык. Как и в статье «Логические основания единства науки», Карнап обращается к частным дисциплинам и показывает, что большинство употребляемых в них специфических терминов имеют физикалистский перевод, а те термины, которые не имеют такого перевода, как правило, сомнительны и привнесены в дисциплину вместе с идеями какого-либо метафизического учения (например, термины «энтелехия» и «це-

лое» в биологии используются лишь виталистами и не имеют теоретического содержания). То же самое касается протокольных языков — они рассматриваются как части физикалистского языка. Распространено мнение, что содержание переживаний и индивидуальный опыт нельзя выразить в терминах физики, что этот опыт субъективен и недоступен другому субъекту. Карнап заявляет, что эта проблема является следствием использования содержательного способа речи, который всегда приводит к псевдовопросам. Если речь идёт не о «содержании переживания», «восприятии цвета» и т.п., а о «протокольном предложении», «предложении со словом “цвет”» и т.д., то противоречий при установлении отношения выводимости между протокольным и физикалистским языками не возникает: «Каждое предложение протокольного языка субъекта S является, таким образом, переводимым в некое физикалистское предложение, а именно в такое предложение, которое описывает состояние тела субъекта S. Иначе говоря, между протокольным языком S и совершенно особой частью физикалистского языка существует соотношение такого вида, что как только какое-либо предложение того языка попадает в протокол S, соответствующее физикалистское предложение является intersубъективно значимым, и наоборот. Два изоморфных языка такого вида различаются только звучанием слов в предложениях. Благодаря установлению такого изоморфизма протокольный язык становится частью физикалистского языка» [9, с. 458]. В итоге Карнап заявляет: «Результат наших рассуждений таков: не только языки различных научных отраслей, но также и протокольные языки различных субъектов суть только части физикалистского языка; все предложения, не только предложения протоколов, но и предложения научной системы, которая в виде гипотетической системы строится исходя из протоколов, переводимы в физикалистский язык; он является универсальным языком и, поскольку не известно ни о каком другом похожем языке, является также языком науки» [9, с. 460–461].

IV. Критика редукционизма и ответ на нее

Теперь, располагая довольно подробным описанием физикалистского редукционизма Карнапа, мы можем обратить внимание на несколько критических замечаний по поводу этой философской концепции и рассмотреть то дискуссионное, что в ней содержится. Критика эмпиризма или позитивизма вообще нас в данном случае не интересует, т.к. эти слишком расплывчатые историко-философские термины служат для обозначения больших и неоднородных философских школ и направлений, выявить среди которых взгляды Карнапа довольно сложно. Поэтому мы обратимся к тем публикациям, в которых критикуются понятия «протокольное предложение», «физикалистский язык», «единая наука» и т.д., т.е. понятия, введенные самим Карнапом.

Первая из этих публикаций под названием «Протокольные предложения» [6] принадлежит Отто Нейрату, философу и логическому позитивисту, который, также как и Карнап, входил в Венский кружок и был одним из главных его членов до самого распада. Нейрат считает, что Карнап идеализирует язык науки и приписывает ему несуществующее совершенство: «Мысль об идеальном языке, состоящем только из простых атомарных предложений, столь же метафизична, как и мысль о демонах Лапласа. Научный язык, последовательно построенный из символических формул, нельзя рассматривать как приближение к такому языку» [6, с. 310]. Исторически тривиальный язык, с которым ученые в реальности имеют дело, состоит из неточных и неанализируемых терминов («Ballungen»). Очищая этот язык от метафизики, приходят к физикалистскому тривиальному языку. Ещё более точен физикалистский научный язык, но он применяется только в очень ограниченных рамках отдельных областей физики. Поскольку даже в нём используются термины тривиального языка, то в науке можно иметь дело только с неким «универсальным жаргоном». Ввиду такой неопределённости научного языка «нет никаких средств, — говорит Нейрат, — сделать исходным пунктом науки

абсолютно чистые протокольные предложения» [6, с. 311]. В универсальном языке невозможно выделить «первоначальные» предложения, т.к. все его предложения суть реальные предложения одинаковой первоначальности. Во все реальные предложения входят слова типа «человек», «восприятие», «мысль» и т.п., т.е. такие слова, которые включаются в предложения, из которых они вытекают. Поэтому не существует ни «первоначальных протокольных предложений», ни таких предложений, которые не требуют обоснования. Однако Нейрат всё же предлагает своё понимание протокольного предложения, описывая его как реальное предложение, которое имеет такую же языковую форму, что и другие предложения, но включает вдобавок имя лица в определённой связи с другими терминами. Пример: «Протокол Отто в 3 часа 17 минут: [Мысль Отто в 3 часа 16 минут была такова: (В 3 часа 15 минут в комнате находился воспринимаемый Отто стол)]» [6, с. 313]. Предложения, не включающие имя лица («Сейчас радость», «На столе лежит красный куб» и т.п.), Нейрат не считает протокольными, поскольку они не содержат термина, указывающего на чувственное восприятие. Протокольные предложения Нейрата нуждаются в обосновании, однако «Обоснование» относится только к «предложениям» или к последовательностям знаков, которые используются в процедурах проверки и могут быть заменены другими знаками. «Одинаковые предложения» можно определить как такие раздражители, которые при определённых условиях вызывают одинаковые реакции. Мы называем предложением «связь чернильных пятен на бумаге» и «связь воздушных колебаний», которые при определённых обстоятельствах можно приравнять друг к другу» [6, с. 315]. Свою позицию относительно протокольных предложений Нейрат называет физикализмом в наиболее радикальной форме, а позицию Карнапа считает метафизической, поскольку протокольный язык, не требующий основания, толкает кого-то, по мнению Нейрата, «на порочный путь метафизики».

В том же номере «Erkenntnis» Карнап, как известно, даёт ответ на критику Нейрата. Он замечает, что есть два разных, но равно возможных и правомерных метода построения языка науки. Первый метод (Карнап): протокольные предложения находятся вне языковой системы и могут иметь любую форму; устанавливаются особые правила перевода протокольных предложений в предложения системы. Второй метод (Нейрат): протокольные предложения включены в языковую систему, и их форма зависит от синтаксических особенностей системы; правила перевода не требуются [4, с.320–321]. Выбор между этими двумя способами опять же есть результат соглашения. Если принять первый способ, то в качестве протокольного предложения может выступать любое наблюдаемое событие, для которого установлено правило перевода. Поэтому любое высказывание или сигнал можно при необходимости «физикализировать», т.е. провести систематические наблюдения и установить внешние условия, при которых данный сигнал имеет место. Если такие условия установлены, то предложение, сообщающее о них, можно рассматривать как перевод в физикалистский язык сигнала, который в таком случае считается протокольным предложением. Карнап считает, что работа в системе науки имеет, при использовании первого метода, следующую форму: «В системном языке имеются общие предложения — так называемые “законы природы” и конкретные предложения; вне системного языка существуют сигналы, которые истолковываются как “протокольные предложения” или “протокольный язык” соответствующих аппаратов или людей. Для перевода сигналов из протокольного языка в системный язык устанавливаются правила. Из наличных протокольных предложений с помощью этих правил получают конкретные предложения системы» [4, с. 326]. И далее: «Подтверждение (верификация) некоторого предложения системы означает согласованность с протокольными предложениями; в отношении протокольных предложений нельзя ставить вопрос о подтверждении... Если в системе мы наталкиваемся на

противоречие, то вносим изменения либо в гипотетически установленные предложения, либо в правила перевода» [4, с. 326]. Но при использовании метода, который представляет Нейрат, любое конкретное предложение физикалистского системного языка может использоваться в качестве протокольного. В таком случае каждое предложение допускает дальнейшее сведение, и для построения науки нет исходного пункта. Таким образом, Карнап сам нейтрализовал критику Нейрата (что часто остаётся незамеченным в работах по истории философии) и определил её как относящуюся к другой методологической стратегии. Нейрат хотя и высказал важные замечания по той же теме, что и Карнап, но его критика, образно говоря, не попала в цель.

Рассмотрим ещё один пример критики физикалистской концепции Карнапа, а именно марксистскую критику (или критику с позиций марксистско-ленинской теории познания), которая была широко представлена в монографиях советских философов. Наиболее подробно этот критический подход разработан в книге В.С. Швырёва «Неопозитивизм и программа эмпирического обоснования науки» [8]. Первое, на что обращаем внимание при чтении этой книги, — вера самого В.С. Швырёва в существование некоего «радикального эмпиризма» Венского кружка, который осуществлял свою историческую миссию какое-то время, а потом по естественным причинам потерпел крах. В работе производится не разбор ошибок самого Карнапа, Шлика или Нейрата, а борьба с каким-то невидимым и сплочённым неопозитивистским (читай — субъективно-идеалистическим) фронтом. В.С. Швырёв полагает, что все, что написано венцами по поводу науки, можно объединить в общую систему взглядов, назвать эту систему «доктриной» или «учением» (в духе религиозного объединения или партии), а затем критиковать, сравнивая эту доктрину с принципами марксистской философии. Он пишет: «Доктрина протокольных предложений, сформулированная неопозитивистами, представляет собой соединение логической идеи элементарных предложений Витгенштейна, ко-

торая вытекает из его “атомарно-экстенциональной” логической модели знания, с составляющей существо позитивизма гносеологической идеей “непосредственно данного”, понимаемого как “чистый опыт”» [8, с. 40]. В.С. Швырёв суммирует идеи Карнапа по поводу протокольных предложений в следующем пассаже: «Протокольные предложения, согласно первому определению Карнапа в его статье “Физикалистский язык как универсальный язык науки”, 1) относятся к чувственно данному, представляют собой запись непосредственного опыта субъекта и, поскольку чувственный опыт — это всегда чей-то индивидуальный опыт, относятся к индивидуальным переживаниям, “протокольный” язык — это “монологический” язык; 2) обеспечивают полную дистилляцию от рационального вследствие своей отнесённости к “чистому опыту” без какого-либо внеэмпирического добавления; 3) неопровержимы — в их истинности не может появиться никакого сомнения — являются пределом логического анализа по истинностным значениям» [8, с. 41–42]. Далее против этих пунктов В.С. Швырёвым выдвигаются аргументы, которые нет возможности здесь передать. Излагая своё отношение к проблеме познания, В.С. Швырёв заявляет, что «логический позитивизм сталкивается с проблемой взаимодействия чувственного и рационального, привносимого через язык. Не понимая природы этого взаимодействия, логические позитивисты Венского кружка истолковывают эмпирический уровень знания как уровень “чистой” чувственности. Такой подход и предопределяет провал неопозитивистской доктрины протокольных предложений, которая с самого начала выявляет заложенные в ней внутренние противоречия и обнаруживает своё несоответствие действительному характеру знания» [8, с. 42]. Книга В.С. Швырёва весьма насыщена подобными выпадами; он не стесняется таких слов, как «крах», «фиаско», «провал» и т.п., чтобы описать печальную, по его мнению, участь «неопозитивистской доктрины». Однако на наш взгляд, того, что критикует В.С. Швырёв, вовсе не существовало в истории философии. Другими словами не существовало

«неопозитивистской доктрины» как таковой. Чтобы возражать интерпретациям В.С. Швырёва, достаточно посмотреть текст работы Карнапа «Физикалистский язык...» и увидеть, что Карнап: 1) нигде не даёт определения понятию «протокольное предложение»; 2) нигде для характеристики протокольного языка не употребляет таких метафор, как «дистилляция от рационального», «базисный уровень знания», «чистый опыт» и т.п., а протокольные предложения нигде не называет «привилегированными», «неопровержимыми», «абсолютно истинными» и т.п.; 3) нигде не выражает стремления разрешить «проблемы взаимодействия чувственного и рационального», охарактеризовать «природу» человеческих познавательных способностей, понять «отношение языка и опыта» и т.п.; 4) нигде не формулирует свои тезисы в содержательном способе речи, т.е. не выносит суждения о каких-либо объектах (все его суждения касаются только языка науки).

Мы вынуждены ограничиться обзором двух критических позиций, чтобы сформулировать выводы об общих особенностях физикалистского редукционизма.

V. Выводы

Исходя из вышеизложенных результатов анализа редукционизма Карнапа, можно сформулировать несколько обобщающих положений.

Во-первых, при критическом рассмотрении редукционизма должен учитываться конвенционализм, которого Карнап предлагает придерживаться в теории познания (в логике науки). В частности, говоря о протокольном языке как основе редукционной цепи определений, Карнап нигде не заявляет о том, что этот язык является «истинным» языком (в метафизическом смысле слова) или «исходным пунктом» науки, что он реально существует, что к нему действительно можно свести все предложения науки. Протокольный язык вводится как теоретический конструкт, улучшающий наши представления о возможностях и пределах анализа знания. Везде, где возможно, Карнап подчёркивает, что, корректно формулируя проблему редукционизма, мы будем вести речь не о пра-

вильности её решения, а о целесообразности такого. Поэтому адекватная критика может касаться эффективности употребления тех или иных терминов, но не традиционных гносеологических проблем познания, которые концепция Карнапа не затрагивает и не пытается решить.

Во-вторых, следует обратить внимание на универсальность (а не абсолютность) физикализма. Физикалистский язык универсален и даёт основание для построения единой системы науки. Все частные научные языки, предположительно, можно редуцировать к языку физики, и, таким образом, все науки считаются частью единой науки — физики. Это положение ничего не говорит против практического разделения различных областей знания. Оно лишь противостоит той точке зрения, согласно которой каждая наука имеет свою собственную предметную область, отличную от предметных областей других наук, и свои собственные методы (будто эти науки созданы существами с разными познавательными способностями). Физикализм отрицает уникальность научных дисциплин, а не их специализацию. Поэтому некорректно говорить, что в физикализме «все», якобы, сводится к «чистому опыту», или что «эмпирический уровень» познания считается «первичным», или что «вся наука основывается на протокольных предложениях» и т.п. Такие утверждения суть историко-философские ошибки.

В-третьих, свойства физикалистского редукционизма можно истолковать превратно, если не учитывать отнесённость к научному языку, которая характерна для всех суждений Карнапа. Язык науки в данном случае понимается как логически строгая система, с определённым словарем, правилами перевода на другие языки и правилами преобразования предложений внутри языка. Тот факт, что реальный язык эмпирической науки не является строго выстроенной логической системой, в данном случае не имеет значения. Карнап (как и другие логические позитивисты) утверждает, что полезно само стремление сделать язык науки строгим, но такая строгость в реальном науч-

ном языке едва ли возможна. Для теоретико-познавательного анализа науки целесообразно постулировать системность языка физики и рассуждать, опираясь на эту особенность. Поэтому положения физикализма касаются не реального положения дел в науке, а абстрактной модели научного языка.

В данной статье мы попытались проанализировать основные особенности физикалистского редукционизма Р. Карнапа. Для более полной экспликации проблемы редукционизма необходимо обращение к более ранним работам Карнапа (например, к книге «Логическое построение мира», где Карнап, на наш взгляд, развивает иной, феноменалистский вариант редукционизма), а также к другим важным статьям этого автора, где он уточняет свои взгляды относительно языка науки (например, к статье «Методологический характер теоретических терминов»). Кроме того, необходимо иметь в виду порожденный идеей физикализма массив критической литературы, охватить и описать который в данной статье не было возможности. Однако в очерченных нами рамках были выявлены несколько основных положений, могущих служить дальнейшему исследованию данной концепции.

Список литературы

1. Карпович В.Н. Термины в структуре теорий. (Логический анализ). Новосибирск: Наука, 1978. 128 С.
2. Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание — Венский кружок // Erkenntnis. Избранное. М.: Изд. дом «Территория будущего», Идея-Пресс, 2006. С. 57–75.
3. Карнап Р. Логические основания единства науки // Язык, истина, существование / сост. В.А. Суровцев. Томск: Изд. Том. гос. ун-та, 2002. С. 29–40.
4. Карнап Р. О протокольных предложениях // Erkenntnis. Избранное. М.: Изд. дом «Территория будущего», Идея-Пресс, 2006. С. 320–335.
5. Карнап Р. Философские основания физики. Введение в философию науки. М.: Едиториал УРСС, 2003. 391 с.
6. Нейрат О. Протокольные предложения // Erkenntnis. Избранное. М.: Изд. дом «Территория будущего», Идея-Пресс, 2006. С. 310–319.
7. Смирнов В.А. Логические методы анализа научного знания. М.: Наука, 1987. 226 с.
8. Швырёв В.С. Неопозитивизм и проблема эмпирического обоснования науки. М.: Наука, 1966. 216 с.
9. Carnap R. Die physikalische Sprache als Universalsprache der Wissenschaft // Erkenntnis (Leipzig). Band 2. Heft 5/6. 1932. S. 432–465.

PHYSICAL REDUCTIONISM OF RUDOLF CARNAP

Dmitriy P. Surovyagin

Saratov State Academy of Law; 104, Chernyshevskogo str., Saratov, 410056, Russia

In the article “Physical Reductionism by Rudolf Carnap” the main statements of the conception of science logic are analyzed. On the grounds of results of analysis the following statements are affirmed: 1) while we consider reductionism critically we should take to account conventionalism that Carnap suggests to follow in the epistemology; 2) universality of physical reductionism means that the language of physics is universal and gives the foundation for building a united system of science, though it does not exclude specification of particular subjects; 3) for epistemological analysis of science it is necessary to postulate the systematic nature of the language of physics and to discuss basing on this special feature; that is why the statements of physicalism concern not real situation in science, but the abstract model of scientific language.

Keywords: physical reductionism; Carnap; epistemology; philosophy of science.

УДК 300.3

О ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЯХ НАУЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Д.С. Волковецкий

В статье рассматриваются философские проблемы приоритетов развития научного знания в современной научной политике как с точки зрения самой науки, так и с точки зрения социальной, экономической и культурной эффективности.

Ключевые слова: наука; философские основания науки; приоритетные направления современной науки; приоритеты научной и культурной политики.

Во всех индустриальных цивилизациях, в том числе и в эпоху глобализации мировой экономики, основа успешного прогресса государства, региона, отрасли видится в максимальной эффективности, достигаемой через постоянное инновационное обновление путем максимальной производительности, конкурентоспособности, развития человеческого капитала. Считается, что в развитых странах 50% — 90% роста ВВП достигается инновациями и технологическим прогрессом [10]. Но развитие носит сложный, многоплановый характер, и это не всегда учитывается в таких оценках. Но, в любом случае, для государственной политики важны приоритеты.

Понятие «приоритет» используется при планировании, предсказании и проектировании параметров, оценок и ценностей, моделей и направлений и политике, в том числе и в научной политике. Этим термином пользуются также тогда, когда речь идет о логике развития науки. В стратегии государственного развития и в стратегическом планировании выделяются только те направления и виды научных исследований и технологических разработок, которые имеют первостепенное общегосударственное социально-экономическое и оборонное значение. Считается, что именно они образуют некий набор суперприоритетов, на развитие которых должны направляться основные усилия и финансовые средства.

На самом «глобальном», «металогическом» уровне социально-философского анализа тенденций, приоритетов и стратегических направлений развития науки используются следующие традиционные парадигмы социально-

философского и философско-исторического знания. Во-первых, это теория общественно-исторических формаций К. Маркса. Согласно концепции материалистического понимания истории марксизма основу общественного развития составляет экономика, способ производства материальных благ. Основной производительной силой является человек, а по мере прогресса научного знания — наука в ее технологическом, производительном применении. Научно-техническая революция как раз и есть такой этап развития общества, когда наука стала непосредственной производительной силой. Научно-техническая революция имеет также свои этапы и на современном этапе в России существует проблема овладения достижениями научно-технической революции.

Другим набором концепций, играющих методологическую роль в социально-философском анализе и прогнозировании научного и технического прогресса, является цивилизационная парадигма в различных ее концептуальных вариантах: это концептуальные модели цивилизационного развития человечества Н. Я. Данилевского — О. Шпенглера — П. А. Сорокина — А. Дж. Тойнби, триадные модели типа триады «доиндустриальное общество — индустриальное общество — постиндустриальное общество» Дж. Гэлбрейта, Д. Белла, А. Тоффлера или триады Ю.М. Осипова — В.Л. Иноземцева: «доэкономическое общество — экономическое общество — постэкономическое общество».

В культурно-исторических концепциях цивилизаций (Данилевский, Шпенглер, Тойнби) базисным элементом цивилизации является

культура, а одним из основных противоречий — противоречие культуры, как духовной системы, и цивилизации, как политического строя и технологического продукта. Одной из основных проблем современной ситуации, с точки зрения этих подходов, является проблема ценностного выбора и гармонизации культуры и социума благодаря научно-техническому прогрессу.

С точки зрения стадийных концепций цивилизаций основная проблема современного российского общества — это научно-технический прогресс, правильные приоритеты в технологиях, скорость технологического продвижения на пути к информационному обществу. Эта концепция достаточно простая, очевидная, в силу линейного вектора предсказания, но потому и тривиальная. Тем не менее в концепциях научного и технического прогресса, принимаемых на государственном уровне, используются, с нашей точки зрения, прежде всего в явном или неявном виде такие концептуальные основания [4]. Об этом свидетельствуют и исходные послышки, в которых говорится, что переход экономики России на инновационный путь развития в условиях глобализации и все более глубокой интеграции страны в мирохозяйственные связи, рост открытости экономики является императивом для сохранения устойчивых темпов экономического роста в среднесрочной и долгосрочной перспективах.

Как указано в докладе РАН «Фундаментальная наука России: состояние и перспективы развития» [9], одним из важных конкурентных преимуществ России на протяжении многих столетий являются, наряду с природными ресурсами, наука и образование. Со времен реформ Петра I в течение 300 лет они работали не только на развитие экономического сектора и безопасности страны, но и позволяли решать широкий спектр задач, в том числе, по просвещению общества. Однако, как указано в докладе 2009 года, подготовленном Научно-организационным управлением РАН, «реформы 90-х годов вывели науку из приоритетов развития государства, что очень быстро дало свои результаты — к концу 90-х годов Россия утратила статус мирового и технологического лидера и превратилась в страну с сырьевой экономикой».

Несмотря на значительные инвестиции в образование, науку и инновации, предпринятые в последние годы, Россия, к сожалению, в настоящий период продолжает заметно отставать от мировых лидеров по основным показателям, определяющим уровень научно-технологического развития. Доля России на мировом рынке наукоемкой продукции составляет всего 0,3–0,5%, в то время как доля США — 36 %, Японии — 30 %, Германии — 17 %. Доля инновационно активных предприятий в российской промышленности (9,4 % в 2007 г.) в несколько раз ниже, чем в развитых странах, результаты инновационного процесса характеризуются существенной неэффективностью. Так, доля высокотехнологичной продукции в экспорте не превышает 4–5 %, в то время как для Китая этот показатель составляет 22,4 %, Южной Кореи — 38,4 %, Венгрии — 25,2% [4, с. 7,8].

Чтобы изменить сложившуюся ситуацию, обеспечить конкурентоспособность национальной экономики в долгосрочном периоде, необходимо организовать процесс формирования согласованного видения технологического будущего России у всех участников этого процесса — государства, бизнеса, науки, гражданского общества и совместными усилиями пытаться реализовать поставленные цели. Ключевая роль в организации этого процесса принадлежит государству не только как его инициатору, но и как гаранту выполнения достигнутых договоренностей.

С 2005 г. заметно усилилось внимание органов государственной власти к научно-технической и инновационной сфере. 14 сентября 2006 г. Постановлением Правительства РФ № 563 создана Правительственная комиссия по вопросам развития промышленности и технологий. И в целом создается впечатление, что прогрессивное развитие российского общества вперед видится в основном на технократической основе.

В разработку «Концепции долгосрочного прогноза научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2025 года» (КДП), имеющей не только фундаментальный, но и непосредственно прикладной характер, вовлечены тысячи экспертов и современные методы и методики. Считается, что наиболее адекватным инструментом для реализации по-

ставленной задачи является используемый практически во всех развитых и многих развивающихся странах — Форсайт. Методология Форсайт [4, с. 8] отличается от традиционного прогнозирования, футурологии (изучения будущего) и стратегического планирования и не сводится к предсказанию: это методология организации процесса, направленного на создание общего у участников видения будущего, которое стремятся поддержать все заинтересованные стороны своими сегодняшними действиями. Таким образом, эта методология связана не с предсказанием будущего, а, скорее, с его формированием [4, с. 8].

В соответствии с КДП основной целью долгосрочного прогноза научно-технологического развития Российской Федерации до 2025 г. является разработка вариантов долгосрочного научно-технологического развития, позиционирование страны в системе международной научной и технологической кооперации на базе развития национальной инновационной системы.

Комплементарной целью, обеспечивающей более адекватный прогноз и эффективное использование его результатов, является создание коммуникационных площадок для лиц, готовящих и принимающих решения (представителей министерств и ведомств, организаций бизнеса, научных организаций и экспертов). Организация постоянных экспертных процедур и формирование экспертного сообщества для оценки и согласованного выбора перспективных научных и технологических направлений.

Кроме того, определено, что долгосрочный прогноз научно-технологического развития следует разрабатывать как систематически проводимую процедуру, встроенную в систему государственного управления. Результаты прогноза должны быть сформулированы таким образом, чтобы обеспечить их адекватное позиционирование в ряду других стратегических документов федеральной исполнительной власти. Прогноз должен создавать информационную основу для корректировки научно-технической и инновационной политики, формирования соответствующих разделов других документов, определяющих цели долгосрочного развития.

Основными результатами проделанной работы можно считать следующие.

1. Впервые проведена комплексная оценка текущего состояния всех звеньев научно-технологического комплекса в контексте его влияния на экономическое развитие России, в частности выявлены основные сильные и слабые стороны НТК и его элементов, а именно:

- в России сохраняется довольно масштабный научно-технологический потенциал и пока еще проводятся исследования по относительно широкому спектру областей науки и техники;
- имеются существенные заделы по отдельным направлениям науки и технологическим разработкам.

2. Россия пока еще имеет значительный кадровый потенциал в сфере НТК (качество которого, правда, уменьшается — проблема старения):

- наличие по отдельным направлениям уникальной научной, экспериментальной и испытательной базы;
- российские научно-исследовательские организации и специалисты являются активными участниками международных научно-исследовательских сетей;
- по абсолютной величине (в расчете по паритету покупательной способности) внутренних затрат на исследования и разработки Россия хотя и существенно отстает от стран-лидеров, но находится примерно на уровне таких достаточно инновационно развитых стран, как Канада, Италия, и превосходит уровень Испании, Швеции, Нидерландов;
- государством созданы практически все используемые в мире организационные формы поддержки инноваций.

3. Однако для текущего состояния НТК России характерно:

- низкая эффективность использования имеющихся финансовых и кадровых ресурсов в сфере «Исследования и разработки»;
- тенденция к деградации кадровых и материально-технических ресурсов в той же сфере;
- цепочки создания инновационной продукции в России разомкнуты: фундаментальные исследования (в значительной степени

ориентированные на участие в международных научных проектах) не переходят в прикладные, прикладные — в опытно-конструкторские, а последние — в промышленную продукцию;

- в силу ряда причин — как содержательных, так и имеющих чисто организационный характер — пока результативность созданных институтов развития достаточно ограничена;
- институциональная среда инновационной деятельности в России на сегодняшний день не является стимулом к инновационной активности бизнеса;
- существенное отставание уровня технологического развития большинства секторов российской экономики от стран-лидеров, в первую очередь, обусловленное сложившейся системой воспроизводства технологической многоукладности российской экономики с ярко выраженным преобладанием производств, относящихся к отсталым технологическим укладам;
- отсутствие в большинстве производственных компаний (мелких, средних и даже крупных) знаний о долгосрочных технологических перспективах развития своего сектора и соответствующего глобального рынка;
- существуют политические и экономические барьеры со стороны западных стран для наиболее выгодных видов технологического заимствования со стороны российских компаний.

Проблемы приоритетов фундаментальной науки с философской точки зрения рассматриваются А.И. Субетто. Автор исходит, прежде всего, из металогики исторического процесса, определяемых философией истории. По его мнению, в настоящее время имеется много футурологических «металогик», в которых исходя из принятых оснований выстраиваются модели развития человечества в XXI в. В каждой из таких «металогик» имеются свои основания: у «формационной» — способ общественного производства, у «цивилизационной» — культурно-исторический архетип, у «индустриальной» — тип технологической базы (технологиче-

ский детерминизм), у «экономической» — тип хозяйства [6].

Как полагает Субетто, Большая Логика Социоприродной Эволюции (как правило, за небольшим исключением) находилась за пределами исследовательского интереса обществоведов и науковедов. Но именно она в нашей оценке вышла на передний план и будет определять облик XXI в., оказывая давление на динамику Внутренней Логике Социального Развития.

Согласно Субетто, рубеж XX и XXI в. предстал как смена парадигм истории человечества; управляемая социоприродная эволюция на базе общественного интеллекта и образовательного общества есть единственная модель устойчивого развития человечества в XXI в., которая может быть реализована, и одновременно она является экспликацией «ноосферы будущего», становление которой будет происходить в XXI в. (если воспользоваться учением о ноосфере В.И. Вернадского). Таким образом, человечество, мировая цивилизация, и, следовательно, Россия и Беларусь в данном глобальном контексте находятся в «точке перелома» Истории, смены ее оснований, главными ориентирами которой являются: смена доминирования конкуренции доминированием кооперации, «механизма отбора» — «механизмом общественного интеллекта»; смена парадигмы «стихийной Истории» — «парадигмой управляемой Истории, но в форме управляемой Социоприродной эволюции» или «парадигмой ноосферной эволюции или ноосферизма» [6].

Ноосферизм есть соединение учения о социализме и учения о ноосфере В.И. Вернадского, связанное с более глубоким исследованием оснований становления будущей ноосферы со стороны человека, т.е. антропогенных, социальных, экономических, политических оснований, дополняющих естествоведческую позицию В.И. Вернадского и его последователей. Ноосферизм есть новая теоретическая система философско-научных, социологических, научно-экономических взглядов, раскрывающая законы и закономерности, принципы и императивы становления социоприродной гармонии в форме управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образова-

тельного общества. Одновременно ноосферизм и есть новая парадигма кооперационной Истории, есть новый тип Бытия человечества, который мы называем ноосферным, экологическим, духовным социализмом, есть тип устойчивого развития в форме управляемой Социоприродной эволюции. С точки зрения развиваемой позиции, человечество находится в «точке» историко-цивилизационной бифуркации, которая символизирует собой для человечества два «пути в будущее, в XXI век»: или рыночно-капиталистическую гибель человечества в форме экологической гибели, или же дальнейший путь социальной эволюции, но уже в форме ноосферизма — Неклассической, Кооперационной Истории — управляемой Социоприродной или ноосферной эволюции на базе общественного интеллекта («революция Неклассичности») [6].

По данным В.П. Казначеева [3], в настоящее время 95 % знаний — знания естественно-технической предметности, 5 % знаний — знания о живом веществе и человеке, и ничтожная доля от одного процента — знания человека о собственном интеллекте. Технократическая асимметрия единого корпуса знаний — один из источников ИИЭАР (информационно-интеллектуально-энергетической асимметрии разума). Формируется ИЧД («интеллектуальная черная дыра» по В.П. Казначееву), которая представляет собой асимметрию между темпами критических изменений в живом веществе Биосферы под воздействием хозяйствования человека и темпами исследований этих изменений, когда скорость первых намного, на порядок и больше, превышает скорость вторых. ИЧД также лежит в основе ИИЭАР и разворачивающейся экологической катастрофы. Чтобы ее ликвидировать, необходимы опережающие темпы развития блока наук о живом веществе, биосфере, ноосфере, экологии, человеку, а также становления системы интегрального биосферного мониторинга.

Особое место в понимании «неклассичности» науки, управления, общественного интеллекта занимает принцип управляемости сложными системами. Н.Н. Моисеев уловил главный акцент в смене парадигмальных установок науки и философии — признание сложности

объекта познания и объекта управления. Свою монографию он так и назвал «Расставание с простотой» [5]. Категория сложности меняет само представление о рациональности.

Неклассический рационализм не редуцирует сложное до прошлого, а признает сложное как феномен, который познается более глубокими формами сочетания редукционизма, аналитического мышления и синтетизма, холистического мышления, включающего в себя интуицию, механизмы аналогий и ассоциаций, метафоры, механизмы рефлексии, и который опирается на принцип «эмпирического обобщения», впервые введенного в науковедение В.И. Вернадским. Новый, неклассический рационализм — рационализм, опирающийся на систему «принципов дополнения» и «антропных принципов», включающий в себя процесс антропизации познания и науки, процесс признания закона разнообразия как важнейшего закона прогрессивной эволюции [2]. Н.Н. Моисеев справедливо заметил: «Цивилизационное разнообразие столь же необходимо для обеспечения стабильности рода человеческого, как и разнообразие генетическое» [5, с. 470]. Образование — главный механизм воспроизводства общественного интеллекта. Поэтому Неклассический общественный интеллект требует Неклассического образования в том смысле, что его содержание должно опираться на Неклассическую науку, формировать человеческий разум, общественный интеллект, приобретающий способность управлять будущим в сложном мире, быть адекватным по интеллектуально-инструментальной вооруженности растущей сложности мира, в том числе техносферы, экносферы, социосферы, т.е. быть способным устранить асимметрии человеческого разума XX в.

Следующий важный момент — это определение принципов фундаментального знания в современной ситуации. С точки зрения Субетто, фундаментальная наука — базис системы научного знания и базис высшего образования, следовательно, она — базис качества общественного интеллекта. Университетское образование в первую очередь базируется на фундаментальной науке и ее в первую очередь и раз-

вивает. К принципам фундаментальности знаний относятся [7]:

- их обращенность к категории закона, категориальная форма представления знаний. Универсальность на основе обобщенного научного знания;
- наличие рефлексивного ядра — знания о знаниях или метазнания. Метазнаниевый блок наук — математика, кибернетика, системология, тектология (наука об организации), лингвистика, классиология или метаклассификация, циклология (наука о цикличности развития), квалитология и квалиметрия (наука о качестве антропогенных систем и наука об оценке и измерении этого качества), гомеостатика, синергетика, системогенетика и др. в той части, в какой они выполняют метазнаниевые, научнокоординирующие функции, относятся к фундаментальным наукам;
- наличие процессов фундаментализации знаний — системологизации, таксономизации, квалитативизации, методологизации, математизации, кибернетизации и проблематизации. По данному критерию в каждом из макроблоков наук — естествознании, человековедении, обществоведении, технознании — имеется свой слой фундаментального научного знания;
- их обращенность к «эмпирическим обобщениям» по В.И. Вернадскому. Для фундаментальных синтетических наук — биосфероведения, ноосферологии, экологии, геологии (геономии, в понятии И. В. Крутя), этнологии, социологии, культурологии и т.п. «эмпирические обобщения» становятся важным механизмом познания эволюции сложных объектов, с которым эти науки имеют дело;
- холистичность познания. Оперирование общими и частными научными картинками мира;
- космопланетарная направленность и интегративность;
- неклассичность: синтез Истины, Добра и Красоты, как условие продвижения к истине в новых условиях [7, с. 123, 124].
- проблемность;
- философизация научного знания.

Если естествознание и технознание обеспечивают эволюцию технологического базиса бытия человечества и в определенной степени (достаточно условно) нейтральны к проблеме управляемости социоприродной эволюцией, обеспечивая только технологические возможности такой управляемости, то обществоведение и человековедение оказываются наиболее чувствительны к этой проблеме. Именно через них, через их основания проходит мировоззренческий раскол, который затем переходит в различие оценок прогресса и «моделей будущего» в XXI в.

В традиционных методологиях слабым местом является экспертный и прикладной аспект, связь с прикладными и организационно-управленческими задачами. Например, в традиционных методах не рассматривается, что долгосрочный прогноз научно-технологического развития следует разрабатывать как систематически проводимую процедуру, встроенную в систему государственного управления. Недостаточно внимания уделяется тому, что результаты прогноза должны быть сформулированы таким образом, чтобы обеспечить их адекватное позиционирование в ряду других стратегических документов исполнительной власти. Надо учитывать, что прогноз должен создавать информационную основу для корректировки научно-технической и инновационной политики, формирования соответствующих разделов других документов, определяющих цели долгосрочного развития. Положительное значение КДП, что в нем сформулированы основные принципы проведения перспективной научно-технологической политики, обеспечивающие сочетание проектного и институционального подходов, рассмотрены основные направления модернизации НИС. Однако недостаток существующего прогноза фортсайта в его негуманитарности, неэкологичности, сциентизме и технократическом редуционизме. В этом проекте недостаточно учтены мировоззренческие и ценностные приоритеты социума, связанные с образом жизни как феноменом культуры, с приоритетными ценностями

экологического, этического и эстетического характера.

Предшествующие авторы, с нашей точки зрения, недостаточно учитывают, что в постиндустриальной цивилизации кардинальным образом изменяется роль культурной политики [1] и роль экономики и науки как факторов культурного развития. «Экономикоцентристская» ориентация все чаще подвергается критике, как эксплуатирующая ресурсы культуры, но не оценивающая ее вклад в общественное развитие, игнорирующая влияние культуры на макроэкономические показатели, связанные с творчеством, эффективностью и социальной справедливостью. Выстраивание ценностно-смыслового ряда в экономическом ракурсе не учитывает возможности культуры в повышении именно экономической составляющей производственной деятельности (принятие решений, гибкое поведение персонала), в развитии социальной ответственности, в закреплении нематериальных целей, связанных с качеством жизни [8].

В отличие от экономической в «культурной модели» развития центральной задачей выступает развитие личности, гуманистических целей образа жизни. При этом надо понимать, что инновационная стратегия может быть достигнута, если инновационность превратится в культурную традицию. Вот таков парадокс. Всегда следует учитывать, что развитие науки, в том числе и естествознания, технической науки есть результат определенной культурной политики, результат деятельности и технологий в области социализации, воспитания и образования.

Список литературы

1. *Астафьева О.* Культурная политика России: теория — реальность — перспектива // Государственная служба. 2010. №1. С. 68-73.
2. Вопросы системогенетики. Теоретико-методологический альманах/ гл. ред. А. И. Субетто. СПб.; В.-Новгород; Кострома: Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2003. 270 с.
3. *Казначеев В.П., Спиринов Е.А.* Космопланетарный феномен человека. Проблемы комплексного изучения. Новосибирск: Наука, СО, 1991. 304 с.
4. Концепция долгосрочного прогноза научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2025 года /Минобрнауки РФ. М., 2006.
5. *Моисеев Н.Н.* Расставание с простотой. М.: АГРАФ, 1998. 480 с.
6. *Субетто А.И.* Приоритеты и философия целеполагания фундаментальной науки в XXI веке. Трансформация парадигмы университетского образования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001b/00161250.htm> (дата обращения 20.04.2012).
7. *Субетто А.И.* Проблемы фундаментализации и источников содержания высшего образования. Кострома; М.: КГПУ им. Н. А. Некрасова, Исслед. центр, 1996. 336 с.
8. *Тросби Д.* Роль культуры в экономическом развитии // Государственная служба за рубежом: Управление культурой. Реферативный бюллетень. № 5(55). М.: Изд-во РАГС, 2004. С.40-41.
9. Фундаментальная наука России: состояние и перспективы развития. М.: РАН, 2009.
10. *Хлунов А.В.* Приоритеты государственной научно-технической политики [Электронный ресурс]. URL http://www.rusrand.ru/text/Jornal1_2_2009.pdf (дата обращения 20.04.2012).

ABOUT PHILOSOPHICAL BASIS OF SCIENTIFIC POLITICS

Dmitry S. Volkovectky

Krasnodar State University of Culture and Arts; 33, 40 let Pobedy str., Krasnodar, 350072, Russia

In clause philosophical problems of priorities of development of scientific knowledge in the modern scientific policy, both from the point of view of the science, and from the point of view of social, economic and cultural efficiency are considered.

Keywords: a science; the philosophical bases of a science; priority directions of a modern science; priorities of scientific and cultural policy.

УДК 123.1

АНАЛИЗ ФИЛОСОФСКИХ АСПЕКТОВ ОБЩЕЙ СВОБОДЫ*А.С. Комаров*

Статья посвящена рассмотрению основных философских аспектов понимания общей свободы и её проблем; раскрывается философская проблематика свободы, исследуется соотношение свободы и судьбы. В работе приводится краткое авторское изложение философской концепции свободы Н. А. Бердяева. На основании её и предшествующего исследования предлагается авторское обобщение, включающее два новых понятия — «классическое начало свободы» и «экзистенциальное начало свободы» для объяснения основных аспектов свободы в философии.

Ключевые слова: свобода; судьба; воля; выбор; Бердяев; действие; альтернатива; состояние; необходимость; фатализм.

Основным направлением философского исследования феномена свободы, на наш взгляд, является проблематика свободы воли, хотя известны и альтернативные подходы. Например, можно вспомнить подход Э. Фромма, который проводил иной «срез» — различал негативную «свободу от», столь характерную для современного общества отчуждения, и позитивную «свободу для» [9]. Один из философских подходов говорит о том, что свободы воли нет и человек лишь подчиняется необходимости, а его представления о свободе есть лишь плод воображения. К такой трактовке свободы воли более всего тяготели скептики механистического материализма, полагавшие, что все мировые процессы подчиняются механической необходимости, отрицающей какую-либо случайность или возможность, а соответственно, и свободу. Вера во всевластие механических законов мира дала основания этим философам полагать, что и онтологию человека можно подчинить механической необходимости. Близкими этой концепции были биологическое направление в психологии и социал-дарвинизм, наделявшие исключительной ролью не механические законы, а наследственность, которая тоже ограничивала возможность человека, а значит, и его свободу. Такой же биологический фатализм был присущ и Л. Н. Гумилёву, и его теории пассионарности. Пассионарность (по Л. Н. Гу-

милёву) — это наследуемая характеристика, определяющая способность индивида (и группы индивидов) к сверхусилиям, сверхнапряжению. Не только сами народы в ней являются винтиками пассионарности, но отдельные личности. Он подчеркивал, что «пассионарии обречены» [8, с. 293], а о самой пассионарности говорил как о важном наследственном признаке, вызывающем этнические явления, в том числе и определённое влияние на судьбы народов и отдельных людей [8, с. 292]. У данного подхода есть свои слабые места. Ни инстинктов, ни механики не достаточно для объяснения всех оттенков взаимоотношений людей. В результате подобных изысканий получается серая людская масса, однотипного поведения, одинаково говорящих и думающих, т. к. любая вариативность стала бы отступлением от законов природы или механики. Кроме того, отрицание свободы воли есть основание для оправдания антиобщественного поведения обречённостью человеческого бытия, влиянием высших принципов или сил. Оно является также отрицанием инициативности человека и необходимости ответственного отношения к своему поведению. Можно с уверенностью предположить, что отрицание свободы воли может стать основанием фатализма, который подавляет человеческую инициативность до степени полной покорности судьбе. Последнее положение, если оно приоб-

ретаает характер массовости, порождает апатичный дух, отрицание перспективности жизни, лишение её цели, а значит, осмысленности, что в свою очередь приводит к принятию бесцельности жизни, самоубийству. В такой жизни нет места самопожертвованию, любви, милосердию и другим добродетелям. Человек, подчинённый судьбе, не принимает этих благородных колыханий человеческой души перед всевластием судьбы; для него они бессмысленны. По мнению некоторых философов, судьбой человек склонен оправдывать свою бездеятельность. Например, древнекитайский философ Мо-Цзы писал, что несчастье неизбежно, если не прилагаешь усердный труд для того, чтобы достичь счастья. Власть судьбы он отрицал, полагая, что в ней нет ни смысла, ни сущности: «Почитать судьбу не имеет смысла. Если пренебрегать судьбой, то беды не будет...» [15, с. 197]. В этом случае, надо полагать, судьба обращена не в будущее, а в прошлое. Известная французская поговорка «c'est la vie», что в переводе означает «такова жизнь», подводит итог свершившегося, а не указывает на то, чему ещё предстоит свершиться. Наша вера во всеилие судьбы порождена астрологией и античным фатализмом. Античный человек ощущал себя беспомощным перед судьбой (лат. *Fatum*, отсюда фатализм — покорность судьбе), и потому стремился опередить её, полагая избежать свершения её власти над собой. Так, Сенека пишет: «Вот в чем безмятежность и свобода: ничего не домогаться, а миновать площадь, где фортуна ведет выборы» [16, с. 302]. Христианство же заменило власть судьбы Божественным провидением, а саму судьбу обратило в прошлое, как анализ прожитой жизни. Апостол Павел призывает обращать внимание на то, как скончался человек, чтобы постичь достижения его жизненного пути [6]. Это понимание также указывает на то, что судьба есть лишь для прошлого, а не для будущего. Библейское христианство определённо отрицает покорность человека судьбе и в самом главном акте жизни — совершении спасения. Оно предполагает наличие выбора на основании альтернативы, что подразумевает наличие свободы. Гуманистиче-

ское понимание роли судьбы в онтологии личности предполагает ещё большее принижение её значения в сравнении с потенциальными личностями. Основная формула в этом контексте звучит так: «Человек сам творец своей судьбы!». Н. Макиавелли полагает, что судьбу можно оседлать упорством [14, с. 118–119]. Из этого следует, что он верил в свободу воли и высокую роль личности в истории, которая как бы само собой разумеющееся для тех, кто признаёт свободу воли и отвергает непреклонность фатализма. Это было созвучно духу эпохи, в которой только упорство приносило какие-то плоды, и только деятельный человек преуспевал.

Противоположная точка зрения отождествляет свободу с волей, с возможностью человека поступать так, как хочется. Так, это отождествление нашло своё выражение в русском языке, где лексически связаны или тождественны свободе слова и выражения «воля», «вольница», «вольный» и т.д. Бытовое сознание, которое в данном случае стало основанием данного тождества, в языке никак не дифференцирует свободу, и поэтому слово «воля» тождественно любой форме свободы. Философия ищет основания теоретического описания свободы. Так, философская мысль издавна привязывает свободу воли к необходимости, что позволяет многим философам сделать вывод об ограниченности свободы человека как таковой. Т. Гоббс отмечает, что «свобода применения... есть свобода делать или не делать что-либо вообще, не может существовать без свободы спецификации, т. е. свободы делать или не делать то или иное в частности» [7, с. 600]. Схожую мысль предлагает и Шопенгауэр в своём трактате о свободе воли: «Ты можешь делать то, что ты хочешь; но в каждое данное мгновение твоей жизни ты можешь хотеть лишь чего-то определённого и, безусловно, ничего иного, кроме этого одного» [19, с. 62]. Здесь речь идет о внутренней необходимости человека, согласной с волей. Эту внутреннюю необходимость [Есть у Шеллинга, как «внутренняя необходимость свободной сущности»] [18, с. 130], которая согласна с хотением, можно назвать добро-

вольностью (Я могу взять рукой оголённый электропровод, находящийся под напряжением, но я не буду этого делать совершенно добровольно). Значит, свобода есть не только там, где есть место деланию, но и там, где воля воплощается в неделании. Главное — на что направлен акт воли. Это кажущееся противоречие возникает лишь в нашем восприятии, в зависимости от того, какую точку отсчёта в вопросе о свободе, воле и необходимости мы выбираем для их описания и какой смысл мы вкладываем в те понятия, которыми пользуемся при описании. Так, Шопенгауэр полностью отрицает подчинение свободы воли какой бы то ни было необходимости [20, с. 278–279]. При этом для определения воли он пользуется кантовским понятием «вещи в себе».

Есть и такая точка зрения, которая сводит свободу к сфере сенсуативного восприятия действительности. Это восприятие уравнивает и свободу, и несвободу в сфере морального, утверждая, что ни та, ни другая не могут быть достаточным основанием для нравственного поведения. Здесь сущность свободы сводится лишь к понятийному описанию некоторых свойств такого психологического качества, как, например, восприятие. И свобода, и несвобода — ноумены и лишены какой-либо онтологии. Психолог и философ И.М. Сеченов в своей работе «Учение о не-свободе воли с практической стороны» пытался преодолеть философское противоречие свободы воли и необходимости в трансцендентном и этическом смыслах, впоследствии заданных Камю, как главное противоречие бытия. Он критиковал представление о том, что отсутствие свободы воли (*не-свобода воли*) приводит к безнравственности. Сеченов пытался показать, что несвобода воли так же может быть нравственна онтологически, как и свобода воли, и что последняя есть чистое умозрение. Свободу воли он связывает со случайностью, которая в нравственном отношении не обязательно добра и потому не обязательно нравственна. Но, приложив социально-воспитательные основания к нравственному детерминизму человеческого развития, в смысле притяжения его социальной почвы, получаем век-

торно-направленную к добру нравственную волю, которая и есть его несвобода воли с практической стороны.

Несколько особняком от взглядов Сеченова, но всё же с определёнными параллелями, стоит точка зрения французских экзистенциалистов. Эти параллели связаны с общим пессимизмом и критицизмом философии Камю и Сартра. А. Камю к вопросу о свободе обращается, в частности, в своей книге «Миф о Сизифе», где говорит, что свобода возможна лишь в конкретном смысле, а «свобода вообще» — понятие из религиозного мира. Эту свободу он связывает с «парадоксом» отношения человеческой свободы и божественного всемогущества, но задаёт его лишь в материалистическом понимании через временную ограниченность бытия. Отказ от вечной свободы, дарованной свыше, по его мнению, производит в нём свободу действия и ума, которые он лишь и признаёт постигаемыми. Но, утверждая, что «лишение надежды и будущего означает рост готовности человека к действию» [11, с. 51], также необходимо признать бессмысленность и самой этой «готовности к действию», хотя Камю говорит лишь о бессмысленности свободы в её онтологическом смысле. По его мнению, будущего онтологически нет и надежда на него бессмысленна, что всё перечёркивается абсурдом смерти. Онтологически свобода порабощает нас, пока мы ставим перед собой цели на будущее, которого у нас нет. «К тому же я не волен продолжать жить, а являюсь рабом, рабом без надежды на вечную революцию, даже без возможности прибегнуть к презрению... В той мере, в какой он выдвигал перед своей жизнью цель, он сообразовывал свои поступки с требованиями преследуемой им цели и становился рабом своей свободы» [11 с. 51–52]. Общий пессимизм его попыток решить уравнение «человек — свобода — бытие» приводит к выводу о том, что, по Камю, всё, что мы можем в отношении свободы, — это размышлять о ней. Вечности нет, значит, нет и свободы, а всё, что рождает в нас представление о них, есть лишь иллюзии, порождаемые надеждой. Такое экзистенциальное отрицание свободы не отрицает

её нравственных качеств, особенно в социальном отношении. В своей диссертации Л.Е. Кандалинцева подчёркивает, что свобода связана с главным принципом бытия по Камю — бунтом, и здесь уже свобода не порождение иллюзии, а ценность и смысл бунта. Её значение из предмета рассуждений трансформируется в социальную цель и силу. Свобода, по Камю, побуждает людей доброй воли изменить мир к лучшему, уничтожив всеобщее зло и несправедливость [12, с. 15–16].

Очень оригинальное учение о свободе предложил Н. А. Бердяев. В его работах просматривается желание наделить свободу высоким нравственным содержанием. Сущность свободы, по его мнению, не привязана к миру природы, она духовная [4, с. 87]. В природе всегда имеется детерминизм, а он, по Бердяеву, противоположен свободе, ибо имеет причинно-принудительную природу. Бердяев не соглашается с новоевропейским (гегелевским) пониманием свободы, трактуя необходимость противоположностью свободы [3]. По его мнению, из гегелевской концепции вытекает несвобода человеческой индивидуальности. Но им не отрицается духовная, трансцендентная, универсальная природа свободы. Н. А. Бердяев считает, что свободу нельзя обусловить никаким внешним для неё основанием, имеющим материальную природу. Он утверждает, что «свобода есть самоопределение изнутри, из глубины, и противоположна она всякому определению извне, которое есть необходимость» [4, с. 90]. Таким её пониманием философ восстает против учения о свободе воли, полагая смысл свободы шире свободы выбора. Н. А. Бердяев пишет, что свобода коренится не в воле и воля не может быть источником человеческой свободы [4, с. 87]. Свобода не может быть заключена в причинные отношения. Детерминизм есть свойство объективного мира феноменов, которому свобода не принадлежит. В свободе выбора он видит лишь «один из моментов свободы» — это формальная свобода, а настоящая свобода проявляется тогда, когда выбор сделан [5, с. 325]. Он разводит понимание свободы как выбора и свободы как творчества (собственного

понимания). Бердяев пишет: «Свобода есть не только выбор пути, свобода есть также творческая сила» [3]. Фактически, свобода, по Бердяеву, есть прорыв в Царство Духа, осуществляемый через творчество. Этот творческий «прорыв» освобождает «от тяжести и рабства этого мира» [5, с. 248]. Он здесь близок Августину. Аврелий Августин увязывает социальную свободу со способностью человека к желаниям и восприятию прекрасного в предметах и отношениях. «В земных почестях, в праве распоряжаться и стоять во главе есть своя красота; она заставляет и раба жадно стремиться к свободе» [13, с. 38]. Следовательно, Августин свободу видел во власти над собой. Н.А. Бердяев также неоднократно подчёркивает, что свобода есть тяжкое бремя, которое человек обязан нести, а не лёгкость или вседозволенность. «Свободные берут на себя ответственность» [1], — пишет он. Здесь же им абсолютно отрицается произвол как вид свободы и говорится, что воля к власти, «господству» над людьми есть желание лишиться свободы.

Свобода как творчество выпадает за рамки собственно действия (деяния), ибо всякое деяние нашего мира причинно и, конечно, свобода же, по Бердяеву, не может иметь заключения. Это означало бы конечность духа и его движения. Таким образом, творчество есть перманентное предание материи идеальных образов. «Человеческая природа, сознающая свою самость, свое самостоятельное и свободное бытие, должна вечно существовать лишь как природа творческая, творящая» [2]. Как отмечает В. Зеньковский, Бердяев считал творчество «основной задачей (даже долгом) человека» [10, с. 739–740]. Это творчество-свобода проявляется в различных формах, но непременно направляет человека на соединение с Духом. Нравственное основание личности Бердяев также укореняет в свободе. Нравственное совершенствование есть творчество добра. Оно есть ничто, но это ничто есть основа творчества. Сам Бог творит мир из ничего и предстаёт как Освободитель. Духовное развитие человека подразумевает раскрытие свободы в нём, через раскрытие противоречий и противоположно-

стей. «За духовным развитием стоит свобода, и она бесконечно усложняет процесс» [4, с. 198]. Это усложнение обусловлено творческим преодолением противоречий, движением духа [4, с. 199]. Через это творчество происходит вхождение в иной порядок бытия, прорыв в духовный мир. Свобода есть вечная диалектика — постоянное развитие и движение. «Свобода постижима лишь во внутреннем движении, она неуловима в состоянии застывшем. Застывшая свобода перерождается в необходимость» [4, с. 92]. Свобода не коренится в покое и равнодушии, это не созерцание, а преобразование, жажда творчества. «Свобода духа предполагает горение духа» [4, с. 93]. Это горение и подразумевает жажду изменения, преобразования, движения. Только свободный человек может творить, раб исполняет, а не творит. Дух рабства есть пассивность. «Победа над рабством есть творческая активность» [1]. Такое возможно только как состояние, т. к. всё остальное, что не это, есть рабство. Следовательно, свобода есть не только акт выбора, за которым она прекращается, но и состояние.

Изучая взгляды философов прошлого времени на проблему свободы, можно прийти к выводу, что большинство из них стоит на одной из двух позиций в понимании её феномена. Назовём эти позиции началами свободы, т.к. они не противоречат друг другу, а, скорее, служат взаимному дополнению. Итак, первое начало (**классическое**) утверждает свободу как *акт выбора*. Через это начало можно представить акт свободы «механически», т.е. то, как осуществляется свобода, из чего она состоит и как происходит. Философы, принимающие этот подход как основной, пытались раскрыть онтологическое значение выбора, как основной категории этого начала через приложение её к различным аспектам свободы. Так, в эпоху античности основными приложениями были проблемы морали в этом контексте, в средние века чаще всего применяли к проблеме теодицеи, с наступлением Нового времени, наряду с моральными проблемами, появляется социально-политическая проблематика выбора. Современная трактовка этого начала определяется

лишь как первая ступень свободы, ограниченная определёнными условиями самого выбора, т.е. альтернативы. Сама альтернатива как условие возможна в двух вариантах: «узкая» (когда выбор происходит из двух возможностей) и «широкая» (из множества возможностей). Как правило, «узкая» альтернатива более соответствует необходимости, как противоположности свободы. Необходимость, а именно о ней говорит второй тип альтернативы, даже познанная, не может служить сущностным выражением свободы. Только одним выбором свободу описать нельзя, ибо выбор существует лишь в действии, но это начало ничего не говорит о том, существует ли свобода до выбора или после него. Таким образом, свобода привязывается к выбору как определяющему началу и сама становится лишь приложением к нему. Оно определяет лишь сам ход процесса. Для того чтобы свобода была в какой-либо деятельности человека, она должна иметь ряд атрибутов, носящих для свободы определяющий характер. Должен быть выбор — как процесс, определяющий ход совершения свободы; альтернатива — как условие этого процесса, указывающее на результат; осознанность — как условие, указывающее на характер выбора. Но сам выбор «без ничего» не есть свобода. Он становится свободой в сочетании с другими атрибутами, такими как: осознанность, альтернатива, инициатива, мотив и т. д. Эти атрибуты наполняют выбор целью и содержанием, дают ему смысл.

Это начало указывает лишь на свободу в действии, но ничего не говорит о том, свободен ли человек в неделании, когда не совершает свой выбор. Многие проявления человеческого духа часто обращены к вечному, а выбор возможен лишь во времени. Эти духовные состояния свободы возможны и при отсутствии альтернативы, по крайней мере, она не имеет такого значения, как в состоянии выбора. Привязанность к одному лишь действию не даёт возможности представить целостность человеческой личности, ограничивает её необходимостью всегда совершать действия и нести за них ответственность и в том проявлять свою свободу. Но когда совершается действие без дейст-

вия, например, созерцание, привычные атрибуты свободы, такие как выбор, альтернатива или даже осознанность, перестают быть таковыми и функционировать, однако его духовная свобода не должна при этом исчезнуть, ибо с ней исчезло бы и само сознание. Н.А. Бердяев утверждал, что источник свободы заложен в области духовного, а не деятельного, где господствует выбор, где внешнее задаёт альтернативу и, тем самым, создаёт правила игры, придавая свободе иллюзорный дух: «Свобода коренится не в воле, а в духе, и освобождается человек не усилием отвлеченной воли, а усилием целостного сознания» [4, с. 87]. Для описания свободы вне действия, вне внешних обстоятельств, которые часто делают её иллюзорной, необходимо ввести новое начало.

Назовём это начало *экзистенциальным*, и оно будет указывать на свободу как *состояние*. Это начало оперирует больше психическим, чем деятельным определяющим. Оно стремится определить свободу как внутреннюю сущность человека, как присутствующую в нём самом. Свобода, как состояние, не привязана к выбору и его атрибутам, главное — она не ограничивается во времени. Если ситуативная свобода есть только там и только тогда, когда есть выбор, то, например, немислимо, чтобы личная свобода в её гражданско-юридическом понимании была бы присуща человеку лишь время от времени, лишь там, где он осуществляет свой выбор. Противостоит состоянию человека, при котором он попеременно становился бы то рабом, то свободным. Свобода, как состояние, присуща человеку лишь потому, что он неизменно остаётся человеком. Если человек равно с другими обладает теми же признаками человеческого, то и свободой он обладает той же, что и другие. Если кому-то от природы дано было бы обладать свободой большей, чем ему подобным, то и от рождения он должен иметь человеческого больше, чем другие. Существует правило, которое уравнивает всех в отношении к свободе — это принцип паритета свободы, по которому мера свободы одного человека определяется такой же мерой свободы других в индивидуальном сравнении. Каждый человек,

осознавая собственную свободу, должен признавать её и за другим в не меньшей мере, чем за собой. По этому поводу не должно быть противоположной точки зрения хотя бы только потому, что сама объективная реальность не даёт нам такого основания. В этом непреходящее значение экзистенциального начала свободы: оно указывает на неё как на нравственную ценность.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека [Опыт персоналистической философии]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/rabstvo/012.html> (дата обращения 20.04.2012).
2. Бердяев Н.А. Смысл творчества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/tvorch/03.html> (дата обращения 2.04.2012).
3. Бердяев Н.А. Истина и Откровение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/istina/04.html>. (дата обращения 2.04.2012).
4. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 462 с.
5. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 383 с.
6. Библия. Синодальный перевод. Послание к Евреям святого апостола Павла [Электронный ресурс]. URL: <http://days.pravoslavie.ru/Bible/Index.htm> (дата обращения 11.04.2012).
7. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. I. 622 с.
8. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Рольф, 2002. 560 с.
9. Зарипов Д.А. Проблематика истинной и ложной свободы в политико-философской концепции Э. Фромма // Вестн. Перм. ун-та. Серия «Философия. Психология. Социология» 2010. № 3. С. 19 — 25.
10. Зеньковский В. В. История русской философии. Харьков: Фолио, 2001. 896 с.
11. Камю А. Сочинения: в 5 т. Харьков: Фолио, 1997. Т. II. 527 с.
12. Кандалинцева Л. Е. Проблема свободы в социальной философии Франции (А. Камю, Ж.-П. Сартр): автореф. дисс. М.: РГАЗУ, 2000. 24 с.
13. Лабиринты души. СПб. Симферополь: Реноме, 1998. 416 с.
14. Макиавелли Н. Государь: Соч. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. 656 с.
15. Мудрецы Поднебесной: СПб.; Симферополь:

- Реноме, 1998. 384 с.
16. *Сенека*. Нравственные письма Луцилию. М.: Наука, 1977. 383 с.
17. *Сеченов И. М.* Русская философия второй половины XIX в. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.
18. *Шеллинг Ф.В.Й.* Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. 636 с.
19. *Шопенгауэр А.* Свобода воли и нравственность. М.: Республика, 1992. Т. II. 448 с.
20. *Шопенгауэр А.* Соб. соч.: в 5 т. М.: Московский Клуб, 1992. Т. I. 395 с.
-

ASSAY OF PHILOSOPHICAL ASPECTS OF COMMON FREEDOM

Anton S. Komarov

10 Polevaya str., s. Novoklyaz`minskoe, Yuzhskij rajon, Ivanovskaya oblast`, 155635, Russia

The article considers basic philosophic aspects of general freedom and its problems, unfolds philosophical problematic of freedom, and investigates the correlation between freedom and destiny. The article contains a brief interpretation of N. Berdyaev's conception of freedom as understood by the author. On its basis and on the basis of an earlier research the author suggests a summary including two new concepts — “the classical origin of freedom” and “existential origin of freedom” in order to explain principal aspects of freedom in philosophy.

Key words: Freedom; destiny; will; choice; Berdyaev; action; alternative; condition; necessity; fatalism.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК: 159.9

**ПОЗИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОДИНОЧЕСТВА В ЮНОШЕСКОМ
ВОЗРАСТЕ*****Е.В. Неумоева-Колчеданцева***

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты одиночества. Раскрывается сущность одиночества как психического феномена. Предлагается типология одиночества, позволяющая квалифицировать его как проблему и ресурс личностного развития. Определяется стратегия психолого-педагогической помощи в развитии личности. Описывается практико-ориентированная модель работы с учащимися старших классов, позволяющая создать условия для актуализации позитивного потенциала одиночества.

Ключевые слова: одиночество; одиночество как ресурс развития личности; позитивный потенциал одиночества; типология одиночества; внутренние условия актуализации позитивного потенциала одиночества.

1. Феномен одиночества

Изменяющаяся социально-экономическая ситуация в нашей стране, изменения, происходящие в сфере образования, и связанная с этим сложность положения юношества актуализируют проблематику одиночества и вызывают необходимость поиска теоретического подхода к его пониманию. Между тем, одиночество — до сих пор один из наименее удовлетворительно дефинированных феноменов, что, вероятно, связано с богатством смысловых значений этого понятия, сложностью и многогранностью связей человека с разными аспектами действительности.

Анализ классических подходов к изучению одиночества в философии (К. Маркс, Ф. Ницше, Э. Фромм, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк и др.) и психологии (Ф. Фромм-Рейхман, Р. Вейс, К. Мустакас, В. Франкл, И. Ялом и др.), научных трудов и исследований современных авторов показывает, что до сих пор в науке нет единого понимания сущности одиночества, и позволяет очертить проблемное поле изучения феномена одиночества: изучение

одиночества как социально-психологического феномена (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Старовойтова, Г.М. Тихонов, А.С. Гагарин) [1; 17; 18; 19; 3]; изучение культурно-исторических форм одиночества (Н.Е. Покровский, С.А. Ветров, Ю.М. Швалб, О.В. Данчева) [13; 14; 2; 20]; психологические особенности одиночества в подростковом и юношеском возрасте (И.С. Кон, О.Б. Долгинова) [7; 8; 5]; описание явлений, близких одиночеству (отчуждение, изоляция, уединение) (А.У. Хараш, О.Н. Кузнецов, В.И. Лебедев, Л.П. Гримак) [15; 16; 21; 9; 10; 4; 6].

Исследование теоретических подходов и современных работ показало, что вопросы изучения позитивного потенциала одиночества, его связи с личностными факторами и оказания психолого-педагогической помощи в развитии личности через актуализацию позитивного потенциала одиночества не были предметом специального исследования.

Решение указанной проблемы предполагало теоретическое и экспериментальное изучение характеристик феномена одиночества, позво-

ляющих рассматривать его как ресурс развития личности в юношеском возрасте, и последующую оценку влияния одиночества на процесс развития личности в юношеском возрасте.

Опираясь на фундаментальные положения об единстве личности и деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), принципы и идеи отечественной психологии об опосредствовании внутренних условий внешними условиями развития личности (А.Н. Леонтьев), об опосредствовании внешних воздействий на личность внутренними условиями (С.Л. Рубинштейн), о личности как субъекте жизнедеятельности (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская), представления о личности как системе жизненных дилемм (Э.Фромм, А.Г. Асмолов, Ф.Е. Василюк, О.В. Немиринский), мы выбрали в качестве базовой субъект-объектную логику исследования. Это позволило нам дефинировать одиночество в его основных аспектах (объективный и субъективный, негативный и позитивный).

Объективный аспект одиночества — это условия, которые «располагают» к одиночеству (аномия, отчуждение, изоляция) и связаны с деформированным характером общественных отношений. Другими словами, объективно одиночество — деформация отношений человека с различными аспектами действительности. *Субъективный аспект одиночества* (в нашей терминологии — *собственно одиночество*) — это переживание личности по поводу деформации связей личности с различными аспектами действительности, но относительно независимое от внешних условий.

2. Позитивный смысл одиночества в юношеском возрасте

Проблема одиночества затрагивает разные возрастные периоды и имеет свои особенности на разных этапах жизненного пути личности. Важность рассмотрения одиночества в юношеском возрасте обусловлена тем, что именно в этом возрасте одиночество впервые серьезно осознается и переживается человеком. Это связано, прежде всего, с интенсивным развитием рефлексии и переходом на новый уровень са-

мосознания, с потребностью определить свои роли и позиции относительно собственного развития и в основных сферах межличностных отношений, т.е. с задачами личностного и социального самоопределения.

Результаты проведенного диагностического обследования (общая численность выборки 100 чел., учащиеся старших классов г. Тюмени и Заводоуковска) подтвердили наши предположения относительно того, что одиночество характерно для представителей раннего юношеского возраста.

С целью адекватной оценки влияния одиночества на личность, выявления позитивного потенциала одиночества был осуществлен однофакторный дисперсионный анализ (результаты исследования, в том числе результаты математической обработки диагностических данных, подробно изложены в диссертации «Одиночество как психический феномен и ресурс развития личности в юношеском возрасте» на соискание ученой степени кандидата психологических наук, защищенной 29 июня 2005 г. на заседании диссертационного совета при Самарском государственном педагогическом университете) [11, 12].

Результаты анализа позволяют констатировать, что *негативное влияние одиночества* на личность заключается в следующем:

1. Одиночество вносит дисбаланс в отношения с группой сверстников и определенные сложности в отношении к себе. В меньшей степени, но все-таки затрудняет отношения с родителями и с другими значимыми людьми.

2. Одиночество оказывает обесценивающее влияние на самоотношение и отношение к своей жизни: жизнь оценивается как эмоционально пустая и бессмысленная. Общее субъективное ощущение одиночества лишает жизнь человека направленности и временной перспективы, обесмысливает постановку жизненных целей. Вызывает сомнения в ценности собственной личности. Ведет к выраженному самообвинению. В меньшей степени — затрудняет самопринятие и снижает самоуверенность.

3. Одиночество негативно влияет на самовосприятие личности: снижает оценку способ-

ности контролировать события своей жизни, обуславливает восприятие себя как человека, неспособного вызвать положительные чувства у других людей, актуализирует внутренние конфликты личности.

4. Одиночество негативно сказывается на характерологических особенностях личности и проявляется в поведении. Особенно существенное влияние одиночество оказывает на формирование таких поведенческих особенностей, как оппозиционное поведение и уступчивость личности. Оно является фактором склонности к подчинению, неуверенности, консерватизму и эгоцентризму.

Таким образом, негативное влияние одиночества заключается в том, что оно является детерминантой деформированного развития, затрудняя вхождение личности в широкий контекст социальных отношений.

Позитивный потенциал одиночества (одиночество как ресурс развития личности). Как сложный психический феномен, одиночество обладает и негативным, и позитивным потенциалом. Позитивный потенциал одиночества заключается в том, что одиночество является фактором низкой самопривязанности, т.е. — своего рода индикатором неудовлетворенности человека своим положением, побуждает к желанию соответствовать идеальным представлениям о себе, к развитию своей личности. Таким образом, данные дисперсионного анализа подтверждают теоретическое положение о том, что одиночество содержит в себе возможность развития и поэтому может квалифицироваться как ресурс развития личности.

Как любые стороны сложного явления, негативный и позитивный аспекты одиночества связаны между собой диалектически. Так, одиночество оказывает обесценивающее влияние на самоотношение старшеклассника и его отношение к своей жизни (негативный аспект одиночества). С другой стороны, одиночество является показателем желательности изменений в собственной личности, т.е. побуждает человека к самопознанию, творчеству, самосовершенствованию, побуждает к развитию своей личности (позитивный аспект одиночества).

Как уже было отмечено, одиночество негативно влияет на самовосприятие личности: снижается оценка способности контролировать события своей жизни, человек воспринимает себя неспособным вызвать положительные чувства других людей, возникают внутренние конфликты личности (негативный аспект одиночества). С другой стороны, ощущение и восприятие себя одиноким, осознание и квалификация своего переживания как одиночества являются индикаторами неудовлетворенности человека сложившимся положением и побуждают к личностному развитию (позитивный аспект одиночества).

Переживание одиночества негативно проявляется в поведении старшеклассника и затрудняет отношения с группой сверстников и со значимыми другими, вносит дисбаланс в систему межличностных связей, нарушает взаимопонимание (негативный аспект одиночества). Предполагается, что именно одиночество побуждает молодых людей к саморазрушающему поведению (злоупотреблению алкоголем и наркотиками), к приобщению к неформальным группам вследствие боязни получить отказ в обычных межличностных отношениях (негативный аспект одиночества), т.е. является механизмом психологической защиты. С другой стороны, такое поведение может быть способом сохранения своей индивидуальности, минимизации внешних воздействий (для становления механизма саморегуляции поведения), стабилизации психофизического состояния (позитивный аспект одиночества).

Таким образом, одиночество является амбивалентным психическим феноменом, обладающим как негативным, так и позитивным потенциалом для личностного развития. Основными характеристиками одиночества являются комплексность, амбивалентность и неоднозначность влияния на личность.

3. Типология одиночества и стратегия психолого-педагогической помощи в развитии личности

Понимание одиночества как сложного, многопланового, амбивалентного психического фе-

номена, являющегося детерминантой деформированного развития и ресурсом развития личности в юношеском возрасте, позволило нам разработать типологию одиночества. Главными основаниями для типологизации одиночества стали: 1) особенности восприятия одиночества и отношение к нему (отрицательное и положительное); 2) причины одиночества (внешние факторы и обстоятельства, личностный выбор) (табл. 1, рис. 1).

Дополнительными основаниями для квалификации одиночества как проблемы или как ресурса развития личности являются: осознаваемость — неосознаваемость принимаемого

личностного решения или сложившейся ситуации; мера и характер личностной пассивности — активности человека в сложившихся обстоятельствах и характер активности (деструктивный, конструктивный); наличие — отсутствие положительного опыта совладания с трудностями (другими словами, наличие — отсутствие внутренних ресурсов); мотивированность одиночества (сформированность — несформированность мотивов выбора одиночества). Соотношения данных оснований дает нам возможность выделить четыре основных типа одиночества и дать их содержательную характеристику (табл. 1, рис 1).

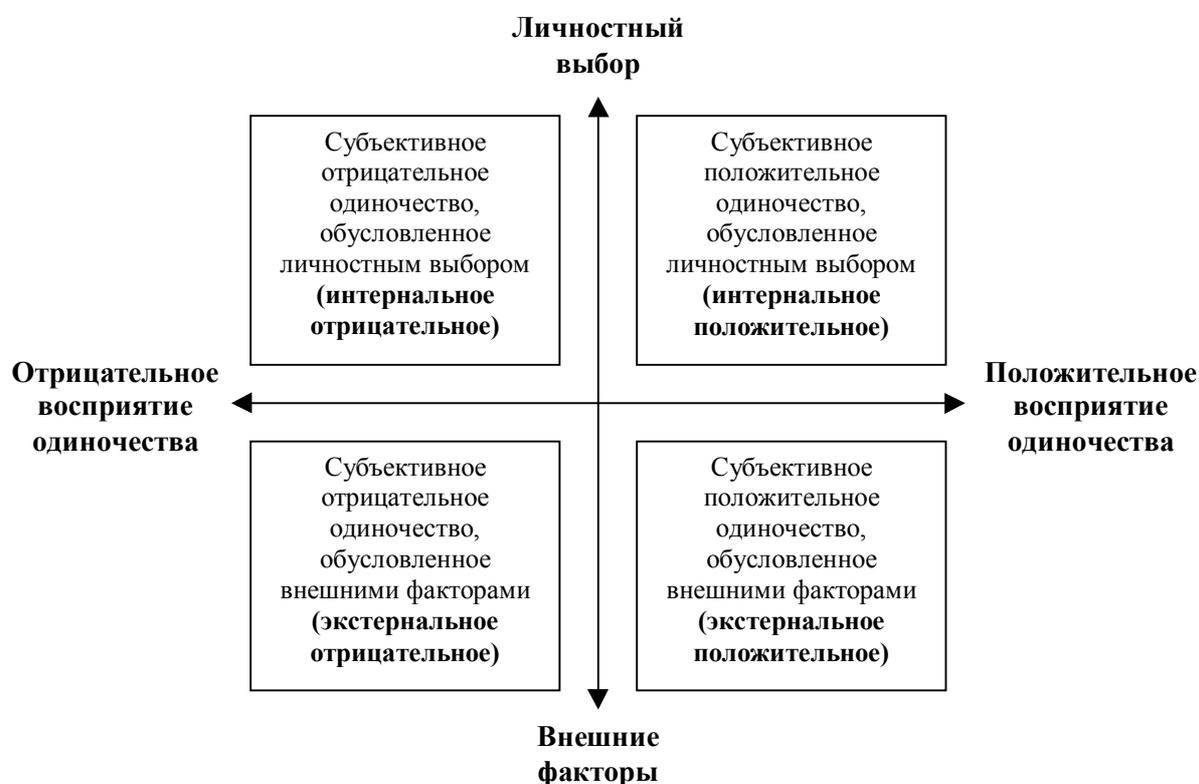

Рис. 1. Типология одиночества

Рассмотрим подробнее обозначенные на рис. 1 типы одиночества.

1. Интернальное отрицательное (субъективное отрицательное одиночество, являющееся результатом личностного выбора). Осознанно или неосознанно человек выбирает одиночество, препятствующее его личностному развитию. Например, человек, отягощенный психологическими комплексами, может ограничивать круг общения, выбирать профессию, сво-

дящую к минимуму межличностные контакты и замыкаться в своем внутреннем мире. В данном случае выбор одиночества является способом психологической защиты и проблемой личностного развития. *Адекватной тактикой* психологической помощи личности в данном случае является помощь в изменении отношения человека к себе, формировании положительного восприятия себя.

2. Экстернальное отрицательное (субъективное отрицательное одиночество, обусловленное внешними факторами). В силу неблагоприятных жизненных обстоятельств (например, смерть близкого человека, увольнение с работы, развод) человек осознанно или неосознанно замыкается в собственных переживаниях, ограничивает круг общения, утрачивает смысл жизни. Сложившиеся обстоятельства он воспринимает отрицательно, реагирует на них пассивно либо реализует активную стратегию поведения деструктивного, защитного характера (употребление алкоголя, злоупотребление фармакологическими средствами). Одиночество является проблемой личностного развития. *Адекватной тактикой* психологической помощи личности в данном случае будет изменение отношения человека к ситуации и поиск положительных аспектов в сложившихся обстоятельствах.

3. Экстернальное положительное (субъективное положительное одиночество, обусловленное внешними факторами). В силу неблагоприятных жизненных обстоятельств (например, исключение из группы, профессиональная деятельность в условиях физической и социальной изоляции, тюремное заключение и пр.) человек оказывается ограниченным в своих возможностях, но умеет находить положительные стороны в сложившихся обстоятельствах. Человек осознанно и активно реагирует на ситуацию, стараясь извлечь из нее пользу для своего личностного развития. Одиночество в данном случае является ресурсом личностного развития. Несмотря на то что человек видит положительные моменты в сложившихся обстоятельствах, ему может не доставать мужества, воли, способностей, умений, навыков для использования положительных сторон ситуации в целях своего развития. В связи с этим актуальной задачей психологической помощи является наращивание внутренних ресурсов личности (через обращение к положительному опыту преодоления трудностей и актуализацию умений и способностей). Поскольку одиночество в данном случае обусловлено внешними обстоятельствами, необходим поиск внутренних мотивов оди-

ночества. В противном случае вряд ли удастся реализовать положительный потенциал одиночества. Таким образом, *адекватная тактика* психологической помощи личности в данном случае предполагает помощь в «наращивании» внутренних ресурсов личности, поиске мотивов выбора одиночества.

4. Интернальное положительное (субъективное положительное одиночество, обусловленное личностным выбором). В данном случае внешние обстоятельства не имеют принципиального значения. Одиночество является следствием осознанного, глубоко мотивированного личностного решения. Одиночество является ресурсом личностного развития. Иначе говоря, человек отдает себе отчет в том, ради чего, во имя каких целей он выбирает одиночество. Но эти мотивы могут быть ошибочными или подавлять другие мотивы, не менее важные в контексте всей жизни личности. *Адекватной тактикой* психологической помощи личности в данном случае будет помощь в выстраивании внутриличностной иерархии мотивов, соотнесении мотивов выбора одиночества с мотивами установления межличностных отношений и реализации мотивов в деятельности, соответствующей установкам, идеалам человека.

Общая стратегия психолого-педагогической помощи старшекласснику в актуализации позитивного потенциала одиночества заключается в организации движения личности от интернального отрицательного к интернальному положительному одиночеству.

В терминах описанных выше типов одиночества в юношеском возрасте можно определить как *потенциально интернальное положительное*. Молодой человек начинает понимать или интуитивно угадывает значимую положительную роль одиночества в становлении своей личности и может сознательно выбирать одиночество. Уединение является для него условием самопознания, творческого самовыражения, самосовершенствования. Активность юноши по отношению к одиночеству носит конструктивный, глубоко мотивированный характер. К такому выбору располагают интересы, предпочтения и потребности, свойственные юношеско-

му возрасту: в самопознании, самоисследовании, самоопределении и др. Таким образом, в юношеском одиночестве заложен значительный позитивный потенциал развития личности. Однако молодому человеку может не доставать

внутренних ресурсов для максимального использования положительного потенциала одиночества, а мотивы его выбора могут быть ошибочными.

Таблица 1. Содержательное описание типов одиночества

Субъективное одиночество	Обусловленное внешними факторами (экстернальное)	Обусловленное личностным выбором (интернальное)
<i>Отрицательное (одиночество как проблема личностного развития)</i>	Осознанное или неосознаваемое одиночество, препятствующее личностному развитию. Пассивное отношение к создавшейся ситуации или деструктивная активность защитного характера. Отсутствие осознанных позитивных мотивов выбора одиночества	Осознанное или неосознаваемое одиночество, препятствующее личностному развитию, в основе которого отрицательные мотивы (не мотивы решения, совладания, а мотивы ухода, защиты). Пассивность или деструктивная активность
<i>Положительное (одиночество как ресурс личностного развития)</i>	Осознанное одиночество. Активное отношение к создавшейся ситуации. Дефицит опыта совладания с трудностями и внутренних ресурсов. Отсутствие осознаваемых мотивов выбора одиночества	Осознанное одиночество. Активное отношение к создавшейся ситуации. Наличие опыта совладания с трудностями и внутренних ресурсов. В основе одиночества — положительные мотивы и цели

4. Психолого-педагогическая помощь в развитии личности путем создания условий для актуализации позитивного потенциала одиночества

Реализация общей стратегии психологической помощи личности в актуализации позитивного потенциала одиночества и, тем самым, в развитии личности предполагает создание ряда *внешних условий*. К ним относятся:

- создание благоприятного фона для позитивных эмоционально-ценностных переживаний;
- моделирование в работе со старшеклассниками основных жизненных событий и создание условий для экстернализации внутренних противоречий, совершения личностного выбора;
- нахождение адекватных форм и методов практической работы с учащимися (табл. 2).

По данным однофакторного дисперсионного анализа, на переживание одиночества оказывают влияние:

- проблемы в отношениях с группой сверстников и в отношении к себе (непонимание себя, дефицит симпатии к себе, неверие в

свои способности, негативная оценка своих качеств и образа жизни и др.);

- особенности самоотношения личности (неуверенность в себе, отсутствие жизненной перспективы и низкая целеустремленность, неудовлетворенность собой, стремление к личностному развитию, а также склонность к самообвинению);
- особенности самовосприятия личности: восприятие себя как неспособного управлять событиями своей жизни, сомнения в своей ценности для других, внутренняя честность (критичность восприятия себя и глубина самоосознания);
- характерологические особенности личности: склонность к оппозиционному поведению и подчинению, уступчивость.

На основе приведенных данных, а также на основе понимания диалектического характера связи негативного и позитивного аспектов одиночества мы выделили *внутренние условия актуализации позитивного потенциала одиночества* и соответствующие им направления психолого-педагогической помощи личности:

- осознание одиночества и его положительное восприятие;

- положительное самоотношение и самовосприятие личности;
- сформированность коммуникативных качеств, обеспечивающих успешное совладание с трудностями и негативными переживаниями;
- понимание позитивной роли одиночества в развитии личности, являющееся залогом внутренних мотивов выбора одиночества (табл. 2).

Таблица 2. Условия актуализации позитивного потенциала одиночества

Внешние условия актуализации позитивного потенциала одиночества		Внутренние условия актуализации позитивного потенциала одиночества
Формы практической работы с учащимися	Методы практической работы с учащимися	Динамика личностных факторов
1. Ознакомление учащихся с результатами психодиагностического обследования	1. Беседа и интерпретация результатов диагностического обследования, анализ положительных и отрицательных аспектов одиночества	1. Осознание учащимися одиночества и необходимости развития собственной личности
2. Групповая дискуссия с учащимися на тему «Я в мире людей»	2. Процедуры самооценивания с использованием опросника «Я в мире людей» и проектирования образа идеального «Я»	2. Повышение ценности собственной личности и формирование положительного самоотношения
3. Психолого-педагогическое консультирование по результатам дискуссии: индивидуальное консультирование; групповое консультирование	3. Составление условно-вариантного прогноза развития учащихся, процедура целеполагания. Обсуждение неосознаваемой информации о себе, дополнительная диагностика одиночества через использование проективного рисунка «Я в мире людей»	3. Формирование положительного самовосприятия, принятие личной ответственности за свою жизнь и формирование активной позиции по отношению к одиночеству
4. Психологический тренинг возрастнo-специфического характера на тему «Я в мире людей»	4. Моделирование основных жизненных событий учащихся, экстернализация внутренних противоречий, совершение выбора	4. Формирование положительного самоотношения и самовосприятия; формирование активной позиции по отношению к одиночеству; повышение коммуникативной компетентности и получение (или актуализация) положительного опыта совладания с объективными трудностями и негативными переживаниями
5. Психолого-педагогическое консультирование по результатам опытно-экспериментальной работы	5. Формулировка личных результатов учащихся, построение перспектив своего развития, разработка психолого-педагогических рекомендаций	5. Нахождение мотивационной основы выбора одиночества и баланса между одиночеством и поддержанием межличностных отношений через соотнесение мотивов одиночества с другими жизненными мотивами

Примечание: Групповая дискуссия, опросник, проективный рисунок, схема возрастнo-психологического консультирования на тему «Я в мире людей» являются авторскими разработками.

Предлагаемая модель апробирована в практической работе со старшеклассниками гимназии российской культуры (ГРК) при Тюменском государственном институте экономики, управления и права (ТГИЭУиП) в 2004 г. и оценена как результативная. Основаниями для подобной оценки послужили: данные сравни-

тельного анализа значимости переживания одиночества до и после завершения опытно-экспериментальной работы, данные математической обработки результатов, полученных по завершении опытно-экспериментальной работы, и сравнение их с результатами первичной диагностики (оценка сдвигов показателей оди-

ночества и личностных факторов на основе метода Уилкоксона для связанных выборок и на основе метода Манна-Уитни для несвязанных выборок), результаты вторичной диагностики личностных особенностей испытуемых, результаты наблюдений за учащимися и описание индивидуальных случаев.

Мы полагаем, что верифицированную модель психолого-педагогической помощи старшекласснику в развитии его личности можно считать успешной, так как она способствовала актуализации позитивного потенциала одиночества, т.е. привела к следующим изменениям:

- снижение значимости переживания одиночества и формирование более взвешенного и осознанного отношения к нему;
- положительная динамика факторов: *самотношения* (повышение ценности своей личности, формирование позитивного фона отношения к себе, повышение уверенности в себе, удовлетворенности своими возможностями, целеустремленности, интереса к своему внутреннему миру), *самовосприятия* (формирование более критичного и глубокого восприятия себя, принятие ответственности за свою жизнь, формирование активной позиции по отношению к одиночеству, формированию представления о себе как о человеке, способном вызывать положительные чувства других людей),
- *положительная динамика факторов поведения и повышение коммуникативной компетентности* (развитие коммуникативных качеств, формирование коммуникативных умений и навыков), стабилизация отношений с группой сверстников и получение опыта совладания с трудностями и негативными переживаниями;
- понимание позитивной роли одиночества в развитии личности и нахождение внутренних оснований (мотивов) выбора одиночества, нахождение баланса между одиночеством и поддержанием межличностных отношений.

Выявление внутренних условий актуализации позитивного потенциала одиночества, оп-

ределение основных направлений, нахождение и создание форм и методов оказания психолого-педагогической помощи в развитии личности, адекватных внутренним условиям актуализации позитивного потенциала одиночества, могут составить основу для дальнейших теоретико-эмпирических исследований и способствовать разработке вопроса о психологическом сопровождении личностного развития учащихся старших классов. Вместе с тем исследование не претендует на исчерпывающий анализ проблемы одиночества в юношеском возрасте. Дальнейшая разработка данной темы может идти в направлении конструирования психолого-педагогических условий и средств, способствующих усилению позитивного аспекта одиночества.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К.А. Человек в меняющемся мире // Психология личности в условиях социальных изменений. М.: Ин-т психологии РАН, 1993. С. 4–20.
2. Ветров С.А. Отчуждение в трансформируемом обществе: дис... канд. филос. наук. Омск, 1996. 135 с.
3. Гагарин А.С. Одиночество как феномен человеческого бытия // Рациональность иррационального / под ред. В.И. Колосницына. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 77–109. (Серия «Философия религии»; Вып. 2).
4. Гримак Л.П. Одиночество // Психические состояния / Сост. и общ. ред. Л.В. Куликова. СПб.: Питер, 2000. С. 401–407.
5. Долгинова О.Б. Одиночество и отчужденность в подростковом и юношеском возрасте: дис... канд. псих. наук. СПб., 1996. 156 с.
6. Журавлев И.В., Тхостов А.Ш. Феномен отчуждения: стратегии концептуализации и исследования // Психологический журнал. 2002. Том 23, № 5. С. 42–48.
7. Кон И.С. Психология ранней юности: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1989. 255 с. (Психологическая наука — школе).
8. Кон И.С. Многоликое одиночество // Знание — сила. 1986. № 12. С. 40 — 42.
9. Лебедев В.И., Кузнецов О.Н. Личность в одиночестве // Вопросы философии. 1971. № 7. С. 114–125.
10. Лебедев В.И. Одиночество // Психические состояния / сост. и общ. ред. Л.В. Куликова. СПб.: Питер, 2000. С. 399–401.

11. *Неумоева Е.В.* Одиночество как психический феномен и ресурс развития личности в юношеском возрасте: автореф. дис... канд. психол. наук. Тюмень: Вектор Бук, 2005. 24 с.
12. *Неумоева-Колчеданцева Е.В.* Одиночество как психический феномен и ресурс развития личности в юношеском возрасте: монография. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. 184 с.
13. *Покровский Н.Е.* Одиночество и аномия: философ. и теорет.-социол. аспекты: дис... д-ра социол. наук. М., 1996. 296 с.
14. *Покровский Н.Е.* Одиночество в зеркале философской культуры // Перепутья и тупики буржуазной культуры / сост. Н.Н. Сибиряков и Н.Е. Покровский. М.: Искусство, 1986. С. 136–173.
15. *Селиванов Ю.* Феноменология отчужденного духа: учеб. пособие. М.: ЭКОН, 1999. 284 с.
16. *Слободчиков В.И.* Реальность субъективного духа // Психология личности в трудах отечественных психологов: хрестоматия. СПб.: Питер, 2000. 480 с. С. 381–395.
17. *Старовойтова Л.И.* Одиночество: (соц.-филос. анализ): дис...канд. филос. наук. М., 1995. 126 с.
18. *Тихонов Г.М.* Феномен одиночества: опыт философско-социологического анализа: автореф. дис... канд. филос. наук / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург, 1992. 19 с.
19. *Тихонов Г.М.* Антология одиночества: философский аспект // Простор. 1996. № 1. С. 89–92.
20. *Швалб Ю.М., Данчева О.В.* Одиночество: Соц.-психол. пробл. Киев: Украина, 1991. 270 с.
21. *Хараи А.У.* Психология одиночества // Педология. 2000. № 4 (ноябрь). С. 7–16.

POSITIVE POTENTIAL OF THE LONELINESS OF YOUTH PERSONALITY GROWTH

Elena V. Neumoeva-Kolchedantseva

Tyumen State University, Institute of psychology and pedagogics; 10 Semakova str., Tyumen, Russia, 625003

The author of the paper regards theoretical and practical aspects of loneliness. Opens up loneliness nature as a psychic phenomenon. Offers typology of loneliness, which makes it possible to work it out as a problem and at the same time as a source of personality growth. Defines the strategy of psychological and pedagogical help for personality growth. Describes practically — oriented model of work with high-school students, which helps to create best conditions for realization of positive potential of loneliness.

Key words: loneliness, loneliness as source of personality growth, positive potential of the loneliness, typology of loneliness, internal conditions of positive loneliness potential realization.

УДК 159.615.851

ФРУСТРАЦИЯ ИГРОВОГО ЖЕЛАНИЯ И МОТИВАЦИЯ УЧАСТНИКОВ МНОГОПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИХ КОМПЬЮТЕРНЫХ РОЛЕВЫХ ИГР: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ СТРАТЕГИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

С.В. Вайнштейн, А.С. Смирнова

Массовые многопользовательские ролевые игры рассмотрены как феномен рекреационной культуры XXI в. Предложен концепт фрустрации игрового желания, понимаемый как функция от игровой мотивации при невозможности удовлетворить потребность в игре. На выборке русскоязычных игроков Line Age II (N=120) изучены взаимосвязи между мотивационными и самоотчетными поведенческими переменными (стаж и периодичность игры, частота возникновения фрустрации игрового желания). Представлены корреляционные и множественные регрессионные модели изучаемых показателей. Результаты интерпретируются в направлении практики психологического консультирования. Приведены примеры экспертных суждений в доступной для клиентов форме.

Ключевые слова: многопользовательская ролевая игра; мотивация; интернет-поведение; интернет-аддикция; психологическое консультирование

С развитием компьютерных развлечений и повсеместной доступностью Интернета в практике психологического консультирования и психотерапии появляются новые клиентские запросы. Например, «Мой муж только пришел с работы и тут же садится за компьютер играть... мне хочется его внимания... а у него “рейд”... мне нужен мужчина рядом... мужчина в семье... а не “Рыцарь ада” 25-го уровня, захватывающий замки со своим кланом...». Если, в этом случае, требовать и добиваться от игрока прекращения игры, то вероятно возникновение неудовлетворенности, проявляющейся в поведении: «Он становится недовольным... раздражительным...». Иными словами, игрок фрустрирован в своем желании играть. Компетентное обращение с подобной тематикой требует изучения причин, побуждающих людей играть в многопользовательские компьютерные ролевые игры.

По приблизительным подсчетам на начало 2012 г. количество вовлеченных в данный вид

отдыха людей в мире составляет порядка 22 млн. человек [29]. Согласно современным исследованиям, 50% участников многопользовательских компьютерных ролевых игр полный рабочий день занимаются трудовой деятельностью, 22% являются студентами дневных отделений, 36% состоят в браке, 22% имеют детей (N=2834) [36]. Таким образом, разработка проблемы мотивации рассматриваемого поведения в связи с фрустрацией желания играть является актуальной в контексте психологического благополучия трудоспособного и социально зрелого населения.

Культурный, исторический и потребительский контексты

Массовая многопользовательская он-лайн ролевая игра (MMORPG) — это развлекательный программный продукт, дающий возможность большому количеству игроков взаимодействовать друг с другом и элементами виртуального мира игры. Каждый игрок может управлять од-

Вайнштейн Сергей Викторович — старший преподаватель кафедры общей и клинической психологии; Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; psytab@psu.ru

Смирнова Анастасия Сергеевна — студентка философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; 2410142@rambler.ru

ним или несколькими персонажами. Персонажей можно описывать набором численных характеристик (способности, умения, навыки, улучшения — «perks» и т.п.). Игровой процесс состоит в исследовании игрового мира (городов, подземелий и иных территорий — «локаций»), сражениях (в т.ч. с другими игроками — «PvP»), мирном взаимодействии с другими персонажами (торговля, общение, совместное прохождение) и выполнении заданий («квестов»), за которые вручаются разнообразные награды. В течение игры персонаж развивается — становится сильнее и обретает новые возможности («повышает уровень»). Подавляющее число таких игр сюжетно и стилистически представляют собой фантастические и мифологические рыцарские эпосы (фэнтези).

Первая настольная ролевая игра в жанре фэнтези «Dungeons & Dragons» была издана в 1974 г. [33]. В это же время начались разработки компьютерных вариантов ролевых игр (напр. Dungeon), хотя широкая известность к таким способам развлечения пришла только в 1980 г. с выходом игры «Rogue» [13]. Возникновение MMORPG тесно связано и переплетается с историей возникновения «многопользовательских миров» (MUD — Multi-User Domain) — развлекательных приложений, создающих виртуальную социально-психологическую реальность и функционирующих на основе компьютерной сети [10]. Эти приложения были и остаются текстовыми — игрок взаимодействует с игровой вселенной, в т.ч. с другими игроками, посредством чтения сообщений игры и ввода своих реакций в командой строке. «Ultima Online» (1997) стала первой многопользовательской *графической* компьютерной ролевой игрой [15], т.е. первым рекреационным программным продуктом, аналогичным популярным сегодня MMORPG. Визуализация игрового мира снизила требования к воображению игроков, что способствовало популяризации этого досуга. Развитие как коммерческого, так и некоммерческого сегментов рынка таких игр за последние 15 лет привело к появлению сотен интернет-приложений, в которых «используются самые передовые графиче-

ческие 3D эффекты», а игроку предлагаются «жестокие сражения, беспощадные турниры, войны гильдий, свадьбы, создание семей и многое другое». Финансовые аналитики прогнозируют, что к 2013 г. кумулятивные потребительские затраты участников он-лайн игр в Европе и Северной Америке составят порядка \$2 млрд. [19]. Многопользовательским играм посвящены как обобщающие маркетинговые обзоры [26], так и частная культурологическая кампаративистика [22].

Социологические и маркетинговые исследования популярности MMORPG на российских выборках отсутствуют. Современные машины интернет-поиска (www.google.ru) выдают примерно 381 тыс. результатов на запрос «многопользовательская ролевая игра» и более 20 млн. результатов на аналогичный англоязычный запрос. Точная количественная оценка популярности того или иного игрового продукта на основании данных Интернета является затруднительной в силу коммерческих, социально-психологических и технических факторов. Так, разработчики игр редко публикуют статистику использования своих продуктов; статистики могут быть фальсифицированы в рекламных целях; количество игровых серверов постоянно меняется; один и тот же человек может играть на разных серверах, используя разные учетные записи и т.п. Тем не менее просмотр сайтов игровых сообществ позволяет выделить наиболее популярные MMORPG. Ресурс Game-Rate.com, специализирующийся на каталогизации и рейтинге он-лайн игр (1320 игр, 11 922 игроков-подписчиков), на данный момент является наиболее приемлемым источником информации, несмотря на неясность процедуры подсчета рейтинга популярности той или иной игры и отсутствие контроля переменных, характеризующих оценщиков. Наиболее популярной из 128 оцененных многопользовательских компьютерных ролевых игр у русскоязычных пользователей сегодня является «World of Warcraft» (2004) с рейтингом 5.5 (8583 случаев оценивания). Далее следует «Line Age II» (2003) — 5.4 (8356). Третья по популярности (5.3) —, вышедшая в 2008 игра «Aion», хотя свое отноше-

ние к этому продукту выразило в два раза меньше респондентов (4049), вероятно в связи с тем, что ее срок присутствия на рынке в два раза короче [17].

Формализация и формулировка проблемы

Фрустрация игрового желания — рабочий термин для обозначения частоты возникновения желания играть в неадекватной игровому поведению ситуации. Этот концепт можно определить с опорой на теорию психологического поля [2] как рефлекслируемые в данный момент времени желания (w), мечтания (f), эмоции (e) или мысли (c) относительно игрового поведения (B) при недоступности ($/0$) игровой среды (E). Формально это функция рефлексии (R) относительно невозможности для личности (P) осуществить игровое поведение: $R(w, f, e, c) = F(P, B, E/0)$. Игровое желание связано с характеристиками личности игроков (P), которую экологически валидно представить в виде функции от конкретных игровых мотивов ($m_1, m_2, \dots, m_i$). Данная личностная переменная является более конкретной и относящейся непосредственно к игровой ситуации, в отличие от общих характеристик личности, относящихся к широкому спектру ситуаций (напр., характеристики личностных особенностей и особенностей образа Я участников ролевых игр [1], черты Большой Пятерки и показатели игрового поведения [34]). Таким образом, описание личности через ее мотивы является частным случаем личностной характеристики игрока. Понимая мотивацию как «взаимоотношения, связывающие действующего индивида с миром» [4, с. 98], корректно рассматривать наличие игровой мотивации как специфицирующую игроков личностную характеристику. Формально это выражается так: игровые мотивы есть характеристики личности игрока — $(m_1, m_2, \dots, m_i) \subset P$.

Таким образом, фрустрация игрового желания операционализируется как функция игровой мотивации и игрового поведения. Возникает задача разработки эмпирической модели, описывающей приведенные формальные определения.

С другой стороны, фрустрация игрового желания может быть понята как неудовлетворенность потребности в ролевой игре. Мы исходим из существования потребности в игре, удовлетворяемой в конкретных формах (собственно, играх), различных по видам и сложности. У людей, как и у других млекопитающих (напр., хищников [11], приматов [24]), игра выполняет развивающую функцию в процессе онтогенеза. При этом ролевая игра является наиболее поздней формой подобной активности в развитии ребенка, позволяющей интериоризировать социальные роли и схемы взаимодействия, поддерживающей воображение и понятийное мышление, интегрирующей детский коллектив и т.д. [8]. Позитивная интерпретация значения многопользовательских ролевых игр для взрослых находит свои подтверждения в современных исследованиях гражданской вовлеченности [38], развития навыков интернет-коммуникации [16], изучения иностранных языков [23]. В педагогических диссертациях получены экспертные оценки образовательных возможностей MMORPG [30], которые позволяют говорить о пользе рассматриваемых программных продуктов для развития критического мышления, креативности, навыков использования компьютера и свободного обращения с мультимедиа-информацией, экономической грамотности и общей осведомленности, а также межкультурной толерантности. В качестве потенциальных проблем были выделены: формирование нереалистичных взглядов на риски, ошибки и ответственность в реальной жизни; опасность возникновения антисоциального поведения и «нездоровых отношений с игрой» [Там же, с. 108], т.е. MMORPG-зависимости.

Третьей теоретической рамкой рассмотрения концепта фрустрации игрового желания являются разработки таких взаимосвязанных и взаимно определяемых по отношению к онлайн играм понятий, как чрезмерное игровое поведение, психологическая и поведенческая зависимость, аддикция [9; 18; 20; 21; 31]. Разные авторы, используя различные способы диагностики, приводят следующие данные: MMORPG-аддикты составляют от 3.6% (одно

значный набор критериев) до 44.5% (многозначный набор критериев) изученной выборки (N=1420) [21]; MMORPG-аддикты — 28%, при 39% интернет-зависимых в выборке (N=448) [9]. В североамериканской традиции, начиная с DSM-III (1980), различаются монотетический и политетический подходы к диагностике психических расстройств. В монотетической классификации таксоны отличаются как минимум одним свойством, которое одинаково представлено у всех элементов класса. Политетическая классификация объединяет в таксоны элементы, разделяющие большую часть своих свойств, но не обязательно совпадающие по какому-либо одному свойству [27, с. 65]. В связи с таким разбросом оценок, связанных с неоднозначностью критериев диагностики нового типа зависимого поведения, критикуется правомерность использования понятия клинической зависимости применительно к MMORPG. Так, реферативный анализ 16 эмпирических исследований на выборках участников он-лайн игр показывает, что для большинства игроков последствиями участия являются: удовольствие от игры, радость достижения, дружба и чувство общности [28]. Тем не менее практическому психологу необходимо учитывать потенциальные риски и принимать во внимание описываемый феномен. Зависимость от MMORPG, как и интернет-зависимость, диагностируется по комплексу критериев: изменение цикла сна-бодрствования, изменение настроения, изменение психологического и физического здоровья, спутанность реальной и виртуальной жизни [9]. Частое возникновение желания играть в неадекватной ситуации может быть рассмотрено как один из показателей, необходимых, но не достаточных для выявления болезненного пристрастия к игровому поведению, т.к. этот концепт ничего не сообщает о последствиях переживания фрустрации. Наиболее близким по содержанию диагностическим критерием МКБ-10 можно считать мысленную озабоченность актом игры и обстоятельствами, с ней связанными, дифференцирующим патологическую склонность к азартным играм (F63.0). Тем не менее, азартные он-лайн игры (internet gambling) в

gambling) в силу своей специфики представляют самостоятельный предмет исследований (напр., [25]), результаты которых не следует отождествлять ни с особенностями личности, ни с игровым поведением участников MMORPG.

Стремление к участию в ролевых играх не тождественно стремлению к азартным играм. Первое стремление является выражением филогенетически укорененной и онтогенетически естественной потребности, второе — выражает потребности, связанные с обращением с капиталом, т.е. более сложные потребности, обусловленные материальными выгодами и рисками и характерные для социально-экономического способа бытия человека. В этом смысле потребность в ролевой игре более примитивная и простая, чем потребность в азартных играх. Таким образом, фрустрация игрового желания — частное понятие, которое необходимо отличать как от более общего понятия MMORPG-аддикции, так и от клинического понятия игромании (gambling). Использование термина «фрустрация игрового желания» в сеттинге психологического консультирования, на наш взгляд, позволяет избежать стигматизации клиентов и значимых для них людей как патологически зависимых и снизить риск ятрогении.

В фокусе данного исследования — взаимосвязь мотивов участников MMORPG с фрустрацией желания играть, стажем игровой деятельности и её периодичностью. Последние три переменные не требуют специальных инструментов измерения, их значения могут быть получены в результате ответа клиента на прямые вопросы. Это делает их использование удобным в рамках процесса психологического консультирования.

Методика и процедуры

Участниками исследования выступили 120 игроков «Line Age II» в возрасте от 15 до 29 лет (Mn = 19.95; SD = 2.53; Md = 18), проводящих в игре от 2 до 80 часов в неделю (Mn = 26.57; SD = 18.12; Md = 30), имеющих опыт игры от 1 до 8 лет (Mn = 3.85; SD = 1.85; Md = 4), из них 108

мужчин и 12 женщин. Деньги на игру тратят 28 (23%) игроков в исследуемой выборке. Индивидуальные затраты составляют от 150 руб. (\$5) до 1200 руб. (\$40) в месяц. Из них 20 человек тратят на игру от 300 до 500 руб. (\$10-17) в месяц, трое респондентов — не более 270 руб. (\$9), и 5 игроков вкладывают в данное развлечение в течение месяца от 550 руб. (\$18), т.е. эти игроки потратили к моменту участия в исследовании от 5.4 тыс. (\$180) — до 42 тыс. руб. (\$1400) (рассчитано как произведение стажа игры в годах и количества затрат в месяц). Участие в игре является бесплатным: *реальные деньги* используются, в основном, для приобретения *виртуальных предметов* (недоступной в соответствии с игровым уровнем персонажа амуниции и т.п.). Самоотчетный стаж игры в часах (произведение количества часов игры в неделю, среднего количества недель в году (57.18) и количества лет игры) варьируется от 171 до 24 015 ч. Последняя переменная является исключительно психологической — она не тождественна реальному количеству проведенных в игре часов, т.к. основывается на актуальном представлении респондентов о психологическом прошлом и настоящем.

Каждый участник индивидуально заполнял Опросник мотивации многопользовательских компьютерных ролевых игр [37], адаптированный нами для русскоязычной выборки. Психометрические показатели свидетельствуют о надежности данной методики. Факторизация субшкал опросника показывает высокую конструктивную валидность методики (табл. 1). Несмотря на низкое значение факторной нагрузки одной из десяти субшкал, полученная факторная структура соответствует лежащей в основании методики теоретической модели. Дивергентная валидность установлена относительно мотивации одобрения, измеренной по шкале Марлоу-Кроуна [6]: корреляции основных шкал опросника мотивации MMORPG низкие ($N = 60$, все Пирсона $r < .079$, все $p > .547$). В пользу конвергентной валидности свидетельствуют результаты сегментарной контент-аналитической экспертизы рассказов на тему «Один день из жизни Вашего персонажа», написанных участ-

никами исследования в рамках процедуры сбора данных. Ранговая корреляция Ч. Спирмена ($N = 120$) выявляет сильные взаимосвязи между значениями трех шкал опросника и количеством соответствующих категорий в рассказах: Достижение ($r_S = .401$, при $p < .001$); Социализация ($r_S = .251$, при $p = .006$); Погружение ($r_S = .360$, при $p < .001$). Критериальную валидность методики аргументирует сильная взаимосвязь общей игровой мотивации и самоотчетной частоты желания играть при отсутствии возможности ($r = .315$, при $p < .001$). В связи с малым количеством случаев и спецификой выборки (только игроки «Line Age II») мы не рекомендуем использовать данную методику в целях практической психодиагностики. По этим причинам мы пока не публикуем русскоязычный вариант опросника. Если читатель намерен внести вклад в психометрическое тестирование этого инструмента или иным способом использовать методику в научных целях, следует связаться с авторами статьи.

Эту методику необходимо отличать от более компактной и менее дифференцированной «Шкалы мотивации он-лайн игр (Online Gaming Motivations Scale)», недавно представленной тем же автором [35].

Опросник состоит из 39 пунктов, входящих в 10 субшкал; значения по трем основным шкалам являются результатом суммирования соответствующих субшкал (табл. 2).

Шкалы опросника являются униполярными, что позволяет ввести дополнительную переменную «Общая игровая мотивация», являющуюся результатом сложения значений всех шкал опросника и понимаемую как количественное выражение психического процесса побуждающего, контролирующего и поддерживающего MMORPG-поведение.

Фрустрация игрового желания замерялась одним пунктом: «Как часто у вас возникает желание играть, когда вы не можете себе этого позволить (во время работы, учебы, при отсутствии доступа и т.д.)?» Для ответа предлагалась типовая шкала Р. Лайкерта (от 1 — «никогда» до 5 — «очень часто»). Большинство участников исследования переживают игровую фруст-

рацию «редко» ($n = 45, 38\%$) и «иногда» ($n = 38, 32\%$). Часто фрустрацию игрового желания отмечают 38 (32%) респондентов. Никогда не испытывали желания играть при отсутствии возможности 14 респондентов (12%), и 7 человек (6%) отмечают у себя игровую фрустрацию очень часто (рис. 1). Эта статистика указывает, что приведенные ниже данные в большей мере характеризуют «статистически нормальных, обычных игроков», время от времени чувствующих желание поиграть, хотя ситуация не позволяет осуществить это.

Полученное эмпирическое распределение фрустрации игрового желания характеризуется положительной асимметрией ($A = .45$) и незначительным отрицательным эксцессом ($E = -.24$). Согласно [32] многомерное нормальное распределение предполагается, если эмпирическое распределение абсолютного большинства обобщенных переменных имеет асимметрию меньше 2 и эксцесс меньше 7. Сложно усомниться в том, что самооценка частоты игровой фрустрации подвержена влиянию значительного числа независимых факторов, способных вносить с равной погрешностью положительные и отрицательные отклонения, вне зависимости от природы этих случайных факторов. Таким образом, корректно использовать параметрические статистические критерии в качестве инструмента исследовательского поиска по интересующей нас проблеме.

Результаты и обсуждение

Фрустрация игрового желания не связана ни со стажем игры ($r = -.069$, при $p = .448$), ни с количеством игровых часов в неделю ($r = .115$ при $p = .211$). Среди игроков, тратящих на игру деньги ($n = 28$), не обнаружено значимых корреляций между мотивами и размером затрачиваемой суммы (все $rS < .25$, все $p > .19$). Респонденты, которые не тратят деньги на игру, демонстрируют более низкую игровую мотивацию (Стьюдента $t = 4.4$ при $p < .001$). Наиболее высоки различия в мотивах «Эскапизм» ($t = 5$, $p < .001$) и «Механика игры» ($t = 3.4$ $p < .001$), а также по показателю игровой фрустрации ($t = 3.95$, $p < .001$). Кроме этого различия касаются

мотивов «Отношения», «Игра в команде» и «Настройка персонажа» (все $t > 2$, все $p < .05$).

Наблюдается сильная положительная связь между желанием играть при отсутствии возможности и общей игровой мотивацией (см. табл. 3). Совпадение игровой мотивации и желания играть корректно назвать потребностью в игре. Стаж игровой деятельности связан с мотивом соревнования с другими игроками. При учете только игроков, проводящих не менее 30% игрового времени в PvP сражениях ($n = 37$), связь с соревнованием продолжает оставаться самой высокой и увеличивается отрицательная корреляция стажа игры с механикой игры. Другими словами, по мере того как игрок становится все более опытным, на первый план выходит стремление к виртуальным сражениям с другими игроками и снижается интерес к игровой механике. Для опытных игроков игра становится местом удовлетворения потребности во власти (ср. с [2]) путем соперничества с другими игроками.

Количество проводимых в игре часов положительно связано с мотивом исследования игрового мира, что позволяет трактовать эту связь как выражение потребности в познании игрового мира (ср. с [14]), понимаемой как увлеченность изучением виртуального пространства (игровых территорий) и наполняющих его смыслов (истории игрового мира — «lore»).

Как мы видим (табл. 3), фрустрация игрового желания не связана с мотивацией социализации, т.е. мотивами общения, установления отношений и совместного решения игровых задач с другими игроками. При этом мотивация социализации имеет более высокие значения, чем другие виды игровой мотивации (табл. 2): игровое общение с другими участниками MMORPG важно, но оно не связано с длительностью, частотой и фрустрацией игрового поведения. Это позволяет сделать вывод, что фрустрация аффилятивной потребности не является основанием для неуместного желания играть. Иными словами, суждение «люди хотят играть в многопользовательские компьютерные ролевые игры в связи с тем, что у них пробле-

мы в отношениях с другими людьми» не находит своего эмпирического подтверждения.

Наиболее значимы связи фрустрации игрового желания с мотивацией погружения в игровой мир. Мотивы настройки персонажа (внешний вид, одежда, оружие и пр.) и эскапизма (ухода от реальности) высоко коррелируют с желанием играть при отсутствии возможности. Несколько менее значимы корреляции желания играть с мотивами исследования игрового мира и ролевой игры. Эти результаты дают основание предполагать, что фрустрация потребности в самореализации связана с переживанием неуместного желания играть. Игровое поведение здесь является вариантом компенсации невозможности быть такой личностью, какой индивид хочет быть в реальном мире. Можно сказать, что люди хотят играть в связи с потребностью в виртуальной персонализации, т.е. воплощением себя как личности в игровом мире (ср. с [5]). Соответственно, уместно следующее суждение: люди играют роли в виртуальном мире в связи с тем, что у них возникают трудности в реализации себя в действительности.

Корреляционная зависимость фрустрации игрового желания и мотивации достижения позволяет заключить, что чем больше игрок стремится к высокому статусу в виртуальном мире, тем больше он испытывает желание играть в отсутствие возможности осуществить игровое поведение. При этом единственным из сферы игровых достижений статистически значимо связанным мотивом является интерес к развитию силы и возможностей персонажа, обладанию символами богатства и власти. Данный факт можно интерпретировать как стремление к удовлетворению потребности во власти [3], в данном случае — обретению влияния в игровом мире. Мы видим, что, чем больше игрок думает о развитии своего персонажа, тем чаще он хочет играть, когда это невозможно. И наоборот, чем чаще игрок испытывает игровую фрустрацию, тем больше он озабочен улучшением персонажа. Таким образом, правомерно заключить, что *люди желают участвовать в многопользовательских ролевых играх в связи*

со стремлением удовлетворить потребность во власти.

В целом, корреляционная модель игровых мотивов и самоотчетных поведенческих показателей игрового поведения (рис. 2) показывает, что фрустрация желания играть в большей мере связана с мотивацией погружения в игру, чем с мотивацией игровых достижений. Общая длительность игрового поведения (стаж) и его частота (час/неделя) значимо связаны только с переменными, выражающими две указанные мотивационные сферы. Позволим себе следующее обобщающее суждение: *Люди больше, чаще и дольше играют в ролевые игры в связи с тем, что игра дает возможность альтернативной жизни, в которой возможно быть тем, кем хочешь; свободно выбирать направления развития; совершать открытия; конкурировать без угрозы для себя.*

Регрессионный анализ показывает, что чаще всего желание играть при отсутствии возможности испытывают игроки, для которых важна настройка внешнего вида персонажа и игровая механика. Мотивы эскапизма, соревнования и общения имеют значение, но вносят несущественный вклад в частоту переживания фрустрации желания играть (табл. 4). Исходя из полученных значений, фрустрацию игрового желания можно предсказать у игроков с высоким интересом к стилистическим проявлениям своего виртуального воплощения в игровом мире и стремлением к оптимизации персонажа относительно правил игровой вселенной, на фоне желания уйти от повседневных проблем и тенденции к соперничеству при низком интересе к сотрудничеству с другими игроками.

Следует ожидать большего количества часов игры в неделю у игроков, стремящихся к исследованию игрового мира на фоне мотивов избегания повседневных проблем и поиска общения, при низком интересе к ролевому компоненту. Давно играющего игрока можно определить по высокому стремлению к соревнованию, на фоне важности общения, при низких мотивах ролевой игры, участия в игровых командах и низкого интереса к внешнему виду персонажа.

На наш взгляд, внимание к внутренней логике развития и внешним проявлениям персонажа выступает способом контроля над виртуальной личностью. Глубокое знание правил развития персонажа позволяет игроку эффективно управлять повышением уровня (силы и возможностей) своего аватара. Это предполагает доступность игровых предметов (оружия, брони, одежды и т.д.), транслирующих самим своим внешним видом статус игрока (уровень персонажа). Согласно теории процесса идентичности (Identity Process Theory), личностные особенности (здесь — игровая конституция персонажа) предполагают соответствующие проявления, обусловленные и направленные социальными представлениями (здесь — выражение статуса в символическом владении игровыми предметами) [12].

Отношения между реальной личностью игрока и ее виртуальной репрезентацией (игровым персонажем, аватаром) возможно понять по аналогии с отношениями между Я (реальной личностью) и Другим Я, выступающим в данном контексте как вымышленный, в некотором смысле сказочный, персонаж. Эти отношения могут быть описаны в терминах обособления — слияния (ср. с [7]). Игрок может идентифицироваться со своим воплощением в игровом мире (процесс слияния личности и воображенного ей персонажа), но также игрок контролирует поведение своего персонажа и, как правило, отличает свое повседневное поведение от поведения в игре (процесс обособления личности от своего игрового персонажа). Иные варианты (например: «Я — святой паладин... враждебный клан наслал порчу на мою клавиатуру... Из-за этого я не могу созвать соратников для войны с врагом... Вы — психолог... помогите создать заклинание для снятия порчи...») мы считаем проявлениями бреда. Если подобные высказывания и запросы клиента не являются метафорой, или манипулятивным приемом, или выражением характерологической демонстративности (театральности, истериоморфности), или компенсацией деперсонализации-дереализации (F48.1), психологу следует направить клиента к психиатру. Таким образом,

синонимичные полярности *слияние* — *обособление*, *приближение* — *отдаление*, *идентификация* — *сепарация* правомерно рассматривать в качестве основных личностных процессов, регулирующих игровое поведение. Причину фрустрации игрового желания при этом можно определить как преобладание процессов идентификации (игрока со своим персонажем) над процессами сепарации (игрока от своего персонажа).

В этом контексте результаты регрессионного анализа следует интерпретировать следующим образом: идентификация с виртуальной личностью, единой во внешних и внутренних проявлениях, позволяет уйти от повседневных забот и обычного социально-желательного общения (болтать, помогать другим, заводить друзей) и заняться конкуренцией с другими игроками (бросать вызов, провоцировать, доминировать). Такая идентификация предполагает частое переживание игровой фрустрации. Иными словами, чем больше человека интересуют внутренние и внешние характеристики игрового персонажа, и чем больше сама игра позволяет уйти от реальности и проявить агрессивность, тем чаще человек испытывает неадекватное ситуации желание играть.

Выводы в направлении психологического консультирования

Основные результаты исследования обобщены в следующих тезисах:

1. Исторический, культурный и потребительский контексты использования MMORPG в развлекательных целях, равно как и онтогенетический смысл ролевых игр, предполагают, что подобное поведение является здоровой, общественно приемлемой формой досуга.
2. Существуют положительные социально-психологические последствия участия в MMORPG; существует риск психологического неблагополучия, связанный с чрезмерным использованием MMORPG.
3. Желание участвовать в MMORPG связано с потребностями во власти и персонализации; при этом, частота ситуаций, при которых возникает желание играть, не связана с потребностью в общении.

4. Частоту возникновения желания играть предсказывает глубина идентификации с аватаром (совпадение интереса к внутренней логике и внешним проявлениям развития персонажа), при стремлении к уходу от реальности и конкуренции с другими игроками.

Опираясь на эти положения, сформулируем рекомендации для психологов-консультантов и психотерапевтов, встречающихся в практике с темой MMORPG:

а) важно избегать стигматизации клиентов и их близких как интернет-зависимых или игроков; для этого мы предлагаем понятия «потребность в игре» и «фрустрация игрового желания»;

б) необходимо обсуждать как отрицательные, так и положительные последствия игрового поведения клиента или его близких;

в) перспективным видится исследование в диалоге с клиентом его индивидуальных способов удовлетворения потребностей во власти и самореализации;

г) восстановление и поиск социально приемлемых форм воплощения реальной идентичности клиента может способствовать снижению фрустрации игрового желания.

Приведенные рекомендации являются спекулятивными выводами из проведенного обзора литературы и осмысления полученных эмпирических данных. Они не являются экспериментально подтвержденными положениями. Специалисту в сфере психологического здоровья и благополучия, желающему интегрировать данные рекомендации в собственную практику, следует ориентироваться, прежде всего, на свою критичность, «профессиональную интуицию» и «здоровый смысл» в использовании результатов нашего исследования.

Благодарности

Авторы благодарят С.А. Щебетенко, доцента кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ, за рекомендации, высказанные на этапе статистической обработки данных.

Список литературы

1. Демильханова А.М. Влияние виртуальной реальности на образ Я (на примере ролевых компьютерных игр): автореф. дис. ... канд. психол.

- наук. Ярославль, 2009. 24 с.
2. Левин К. Теория поля в социальных науках. — СПб.: Речь, 2000, 368 с.
  3. Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007, 672 с.
  4. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А.Леонтьева. М.: Смысл, 2004, 608 с.
  5. Петровский А.В., Петровский В.А. Индивид и его потребность быть личностью // Вопросы философии. 1982. № 3. С. 44 — 53.
  6. Ханин Ю.Л. Шкала Марлоу-Кроуна для исследования мотивации одобрения. Л.: НИИ Физической культуры, 1976. 10 с.
  7. Щебетенко С.А. Психометрика русской версии Шкалы потребности в познании // Вестн. Перм. ун-та «Философия. Психология. Социология» 2011. № 6. С. 88 — 100.
  8. Щебетенко С.А. Читательницы и сказочные персонажи: эмпатия и близость // Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность / под ред. Л. Я. Дорфмана. М.: Смысл, 2004. С. 234 — 260.
  9. Эльконин Д. Б. Психология игры. М.: Педагогика, 1978. 304 с.
  10. Achab S., Nicolier M., Mauny F., Monnin J., Trojak B., Vandel P., Sechter D., Gorwood P., Haffen E. Massively multiplayer online role-playing games: comparing characteristics of addict vs non-addict online recruited gamers in a French adult population // BMC Psychiatry 2011, 11:144 [электронный ресурс]. 2011. URL:<http://www.biomedcentral.com/1471-244X/11/144> (Доступ 6.04.12)
  11. Bartle R. A. Designing Virtual Worlds. Indianapolis: New Riders, 2003. 740 p.
  12. Bekoff M. The Development of Social Interaction, Play, and Metacommunication in Mammals: An Ethological Perspective // The Quarterly Review of Biology. 1972. Vol. 47. № 4. P. 412 — 434/
  13. Breakwell G. Resisting Representations and Identity Processes // Papers on Social Representations. 2010. Vol. 19. P. 6.1-6.11
  14. Burton M. The History of Computer Role-Playing Games Part 1: The Early Years (1980-1983) // Gamasutra [электронный ресурс]. 2007. URL: http://www.gamasutra.com/view/feature/132024/the_history_of_computer_.php?page=2 (Доступ 6.04.2012).
  15. Edwards B. 10 Years of Ultima Online: Ultima Online Through the Ages // 1up.com [электронный ресурс]. 2007. URL: <http://www.1up.com/features/ultima-online-turns-10?pager.offset=0> (Доступ 6.04.2012).
  16. Frank I., Sanbou N., Terashima K. Some positive effects of online gaming // Proceedings of the 2006

- ACM SIGCHI international conference on Advances in computer entertainment technology (ACE '06). NY: ACM, Article 73 [электронный ресурс]. 2006.
URL:<http://doi.acm.org/10.1145/1178823.1178909> (Доступ 12.02.12)
17. *Game-Rate.com* [электронный ресурс]. 2012.
URL: <http://www.game-rate.com/ru/index.html> (Доступ 5.04.2012)
  18. *Grüsser S.M., Thalemann R., Griffiths M.D.* Excessive Computer Game Playing: Evidence for Addiction and Aggression? // *CyberPsychology & Behavior*. 2007. Vol. 10. №2. P. 290 — 292.
  19. *Harding-Rolls P.* Subscription MMOGs: Life beyond World of Warcraft // *Screen Digest* [электронный ресурс]. 2009.
URL:<http://www.screendigest.com/reports/09subscriptionmmogs/SD-09-03-SubscriptionMMOGs/view.html> (Доступ 5.04.2012).
  20. *Hussain Z., Griffiths M. D.* Excessive use of Massively Multi-Player Online Role-Playing Games: A Pilot Study // *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2009. Vol. 7. № 4. P. 563 — 571.
  21. *Hussain Z.* Online gaming addiction: Classification, prediction and associated risk factors // *Addiction Research & Theory*: 1-13, Posted online on 21 Dec 2011. [электронный ресурс].
2011URL:<http://informahealthcare.com/doi/full/10.3109/16066359.2011.640442>. (Доступ 12.02.12).
  22. *Karlsen F.* Emergent Perspectives on Multiplayer Online Games: A Study of Discworld and World of Warcraft: Doctoral thesis submitted for the degree of Ph.D. Oslo. 2009, 225 p.
  23. *Kongmee I., Strachan B., Pickard A., Montgomery C.* Moving between virtual and real worlds: second language learning through massively multiplayer online role playing games (MMORPGs) // 3rd Computer Science and Electronic Engineering Conference (CEEC), 13-14 July 2011, Colchester, UK. [электронный ресурс]. 2011.
URL:<http://nrl.northumbria.ac.uk/3130/1/kongmee%20ceec.pdf> (Доступ 12.02.12)
  24. *Lewis K.P., Barton R.A.* Playing for keeps: Evolutionary relationships between social play and the cerebellum in nonhuman primates // *Human Nature*. 2004. Vol. 15. №. 1. P 5 — 21.
  25. *Matthews N., Farnsworth B., Griffiths M.D.* A Pilot Study of Problem Gambling among Student Online Gamblers: Mood States as Predictors of Problematic Behavior // *CyberPsychology & Behavior*. 2009. Vol. 12. №6. P. 741 — 745.
  26. *Meredith A., Hussain Z., Griffiths M.D.* Online gaming: a scoping study of massively multi-player online role playing games // *Electronic Commerce Research*. 2009. Vol. 9. № 1-2. P. 3 — 26.
  27. *Sadler J. Z.* Values and Psychiatric Diagnosis. — NY: Oxford University Press, 2005. 540 p.
  28. *Sublette V. A., Mullan B.* Consequences of Play: A Systematic Review of the Effects of Online Gaming // *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2012. Vol. 10. № 1. P. 3 — 23.
  29. *Total Active Subscriptions* // MMO Data Charts v3.8 [электронный ресурс]. 2012. URL: <http://www.mmodata.net/> (Доступ 5.04.2012).
  30. *Wagner M.D.* Massively Multiplayer Online Role-Playing Games As Constructivist Learning Environments in K-12 Education: A Delphi Study: Diss. ... for the Degree of PhD in Educational Technology. Minneapolis: Walden University, 2008. 317 p.
  31. *Wan C.-S. Chiou W.-B.* Why Are Adolescents Addicted to Online Gaming? An Interview Study in Taiwan // *CyberPsychology & Behavior*. 2006. Vol. 9. № 6. P. 762 — 766.
  32. *West S. G., Finch J. F. & Curran P. J.* Structural equation models with nonnormal variables: Problems and remedies // *Structural equation modeling: Concepts, issues, and applications* / ed. by R. H. Hoyle Newbury Park, CA: Sage. 1995. P. 56 — 75.
  33. *Wizards of the Coast, Inc.* The History of TSR [электронный ресурс]. 2003. URL: http://www.wizards.com/dnd/DnDArchives_History.asp (Доступ 5.04.2012).
  34. *Yee N., Ducheneaut N., Nelson L., Likarish P.* Introverted Elves & Conscientious Gnomes: The Expression of Personality in World of Warcraft // *Proceedings of CHI*. 2011. P. 753 — 762.
  35. *Yee N., Ducheneaut N., Nelson L.* Online Gaming Motivations Scale: Development and Validation // *Proceedings of CHI*, 2012, (in press) [электронный ресурс]. 2012.
URL:<http://www.nickyee.com/pubs/2012%20CHI%20-%20Motivations%20Scale.pdf> (Доступ 15.04.2012).
  36. *Yee N.* Player demographics // The Daedalus gateway: the psychology of MMORPGs [электронный ресурс]. 2006. URL: <http://www.nickyee.com/daedalus/archives/000550.php> (Доступ 6.04.2012).
  37. *Yee N.* Motivations for Play in Online Games // *CyberPsychology & Behavior*. 2006. Vol. 9. № 6. P. 772 — 775.
  38. *Zhong Z.-J.* The effects of collective MMORPG play on gamers online and offline social capital // *Computers in Human Behavior*. 2011. Vol. 27. № 6. P. 2352 — 2363.

Приложения

Таблица 1. Надежность и конструктивная валидность русскоязычной версии опросника мотивации многопользовательских ролевых игр

Шкалы/Субшкалы (количество пунктов)	Коэффициент альфа (Кронбах)	Коэффициент расщепления (Гуттман)	Факторный вес (объясненная дисперсия)
Достижение (16п)	.79	.83	(18%)
Улучшение персонажа (6п)	.74	.79	.86
Механика игры (4п)	.51	.55	.34
Соревнование (4п)	.71	.75	.87
Социализация (11п)	.81	.84	(20%)
Общение (4п)	.74	.82	.84
Отношения (3п)	.78	<i>нет</i>	.76
Работа в команде (4п)	.70	.61	.76
Погружение (14п)	.78	.82	(21%)
Исследование мира (4п)	.63	.69	.72
Ролевая игра (4п)	.59	.57	.68
Настройка персонажа (3п)	.78	<i>нет</i>	.71
Эскапизм (3п)	.58	<i>нет</i>	.66
Общая игровая мотивация	.79	.87	(45%)

Примечание. Значение *нет* соответствует нечетным субшкалам, по которым невозможно использование коэффициента Гуттмана. Значения в % означают долю объясненной дисперсии основными шкалами. Для переменной «Общая игровая мотивация» указан процент объясненной дисперсии, полученный в результате факторизации трех основных шкал (Достижение, Социализация, Погружение).

Таблица 2. Содержание и описательная статистика русскоязычной версии опросника мотивации многопользовательских ролевых игр

Субшкалы	Субкомпоненты	min	max	M	SD
Шкала Достижение		21	64	43.69	9.30
Улучшение персонажа	прогресс, сила, накопление, статус	8	29	19.53	5.08
Механика игры	цифры, оптимизация, шаблон, анализ	4	19	12.50	2.99
Соревнование	бросать вызов, провоцировать, доминировать	4	20	11.66	4.04
Шкала Социализация		55	79	66.24	5.26
Общение	болтать, помогать другим, заводить друзей	6	20	13.41	3.30
Отношения	личное, самораскрытие, поиск и оказание поддержки	3	15	7.83	2.77
Работа в команде	взаимодействие, группы, групповые достижения	8	19	13.00	2.45
Шкала Погружение		20	66	37.38	8.81
Исследование мира	исследование, история игрового мира («lore»), поиск секретов	4	20	11.82	3.52
Ролевая игра	сюжет, история персонажа, роли, воображение	4	20	9.58	3.23
Настройка персонажа	внешний вид, аксессуары, стиль, цветовые схемы	3	15	8.04	3.11
Эскапизм	расслабление, уход от реальной жизни, избегание реальных проблем	3	15	7.93	2.67
Общая игровая мотивация		106	205	147.31	15.98

Примечание. M — среднее значение; SD — стандартное отклонение; субкомпоненты описаны по [Yee, 2006b].

Таблица 3. Корреляции желания играть при отсутствии возможности, стаж игры и количества часов игры в неделю с игровыми мотивами

	<i>Стаж игры</i>	<i>Час / неделя</i>	<i>Желание играть</i>
Достижение	.122	.005	.224**
Улучшение персонажа	.071	.025	.184*
Механика игры	-.040	.059	.166
Соревнование	.222*	-.063	.161
Социализация	.081	.139	-.006
Общение	.095	.136	-.062
Отношения	.040	.102	.064
Игра в команде	-.023	.040	-.039
Погружение	-.061	.171	.337***
Исследование мира	-.025	.245**	.176
Ролевая игра	-.084	.021	.194*
Настройка персонажа	-.063	.056	.315***
Эскапизм	.006	.149	.277**
Общая игровая мотивация	.064	.143	.315***

Примечание. Жирным шрифтом выделены суммарные шкалы. Уровни значимости: * $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$

Таблица 4. Игровые мотивы, предсказывающие желание играть при отсутствии возможности; количество игровых часов в неделю; стаж игры

Предикторы	Желание играть при отсутствии возможности			
	$R^2 = .19, F(5, 114) = 5.25, p < .001$			
	в	SE	t	p
<i>Свободный член</i>			.18	.242
Настройка персонажа	.29	.09	3.16	.002
Механика игры	.19	.09	2.15	.033
Эскапизм	.16	.09	1.80	.074
Общение	-.10	.09	-1.20	.234
Соревнование	.09	.09	1.06	.290
Предикторы	Количество игровых часов в неделю			
	$R^2 = .09, F(4, 115) = 2.71, p < .05$			
<i>Свободный член</i>			2.65	.009
Исследование мира	.23	.10	2.33	.021
Эскапизм	.13	.10	1.32	.189
Общение	.10	.09	1.10	.274
Ролевая игра	-.10	.10	-1.03	.305
Предикторы	Стаж игры			
	$R^2 = .12, F(5, 114) = 3.11, p < .01$			
<i>Свободный член</i>			6.22	.000
Соревнование	.41	.12	3.33	.001
Общение	.20	.10	1.93	.056
Ролевая игра	-.19	.09	-2.02	.046
Игра в команде	-.18	.10	-1.73	.087
Улучшение персонажа	-.14	.12	-1.19	.236

Примечание. в — стандартный коэффициент регрессии; SE — стандартная ошибка; R^2 — коэффициент множественной детерминации; F — критерий Фишера; t — распределение Стьюдента; p — уровень значимости.

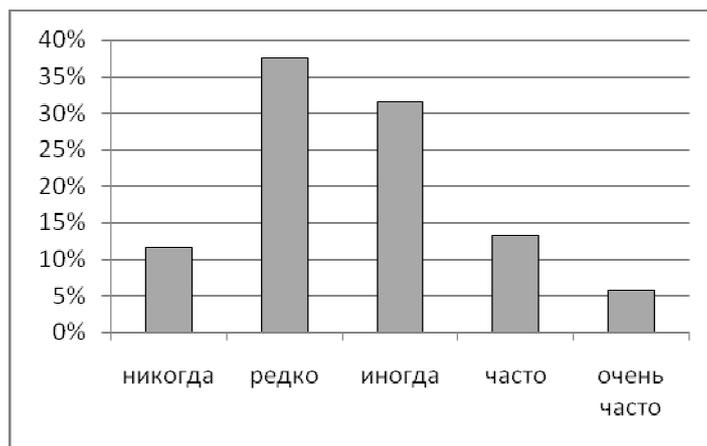

Рис. 1. Распределение самооценки частоты возникновения желания играть при отсутствии возможности (N=120)

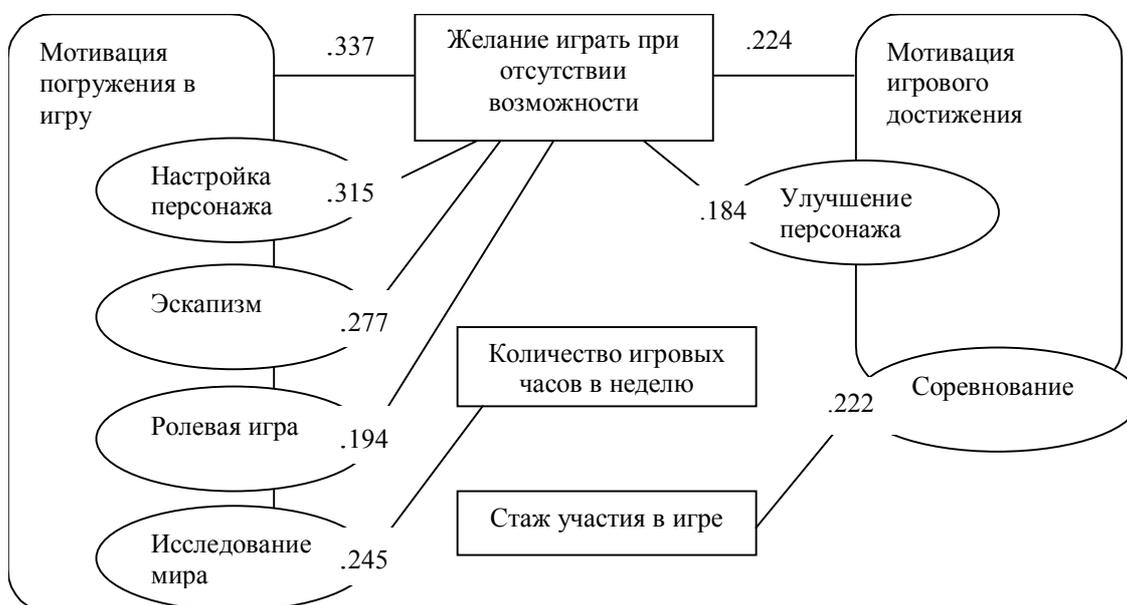

Рис. 2. Значимые корреляции игровых мотивов с желанием играть при отсутствии возможности, частотой игры и стажем игрового поведения

GAME WILLS FRUSTRATION AND MOTIVATION FOR MMORPG: EMPIRICAL BASIS FOR DEVELOPMENT OF COUNSELLING STRATEGIES

Sergey V. Weinstein, Anastasiya S. Smirnova

Perm State National Research University, 15, Bukirev str., Perm, Russia, 614990

Massively multiplayer online role-playing games examined due to recreational culture in XXI century. Concept of game wills frustration is introduced. It is grounded as function of game playing motivation while satisfaction of need for playing is impossible. Interrelations of motivational and self-reported behavioral variables (game experience, frequency of gaming, rate of game wills frustration) are investigated on the sample (N=120) of Russian-Language Line Age II players. Correlations and multiply regressive models for studied indices are presented. Interpretation of results dedicated to psychological counseling.

Key words: multiplayer online role-playing game; motivation; internet-behavior; internet-addiction; psychological counseling

УДК 159.955.4

АРТТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ С СУПРУЖЕСКИМИ ПАРАМИ, ОЖИДАЮЩИМИ РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА

Д.Г. Трунов

В статье рассматриваются арттерапевтические занятия в комплексной программе информационной и психологической подготовки супружеских пар к рождению ребенка. Описываются особенности арттерапевтического метода, его механизмы, а также цели, задачи, принципы, структура и содержание арттерапевтических занятий, примеры упражнений и их результаты.

Ключевые слова: арттерапия; супружество; материнство; экспрессия; рефлексия; саморегуляция; идентификация.

Арттерапевтические занятия, о которых пойдет речь ниже, являются частью комплексного курса, предназначенного для подготовки супружеских пар к рождению ребенка. Занятия проводятся с 2001 г. в школе «Радуйся жизни», организованной при содействии Союза женщин г. Перми. Вместе с другими занятиями школы (которые ведут акушер-гинеколог, педиатр, психолог и другие специалисты) арттерапевтические занятия предназначены для информационной и психологической подготовки беременных женщин и их супругов к процессу родов и встрече с новыми для них ролями матери и отца (о важности этого см.: [3; 10]).

Метод арттерапии

Арттерапия — это *метод психотерапевтического воздействия, использующий средства искусства* [1]. В более узком смысле под арттерапией чаще всего понимают использование *визуальных* изобразительных средств и соответствующих материалов [4, с. 6].

Можно выделить следующие **факторы** арттерапевтического воздействия.

1. *Фактор экспрессии:* выражение эмоционального опыта в различных художественных материалах, средствах искусства; сам по себе может приводить к эффекту катарсиса («очищения»).

2. *Фактор объективации:* воплощение переживаний, потребностей и мыслей клиента в художественном образе; существующее лишь идеально «фиксируется» в материальной форме.
3. *Фактор вербализации:* перевод материала (процесса и результата творческой деятельности) с невербального уровня — эмоционального, телесного, образного — на словесный.
4. *Фактор рефлексии:* обращение внимания на свой личностный опыт и самоосознание.
5. *Фактор интерпретации:* достижение уровня самопонимания и формирование смыслов.
6. *Эстетический фактор:* создание художественного объекта, созерцание которого приносит эстетическое удовлетворение.
7. *Фактор терапевтических отношений:* отношения терапевта и клиента, основывающиеся на принципе безусловного принятия, способствуют созданию атмосферы психологической безопасности и доверия, что приводит к облегчению самовыражения клиента.
8. *Факторы групповой динамики:* групповое взаимодействие (терапевт — клиент — группа) катализирует творческий процесс, а

также создает условия для обмена творческими идеями и поведенческими моделями.

9. *Фактор обратной связи*: возможность получить оценку своей работы от окружающих, так называемое «позитивное подкрепление».

Благодаря наличию упомянутых факторов арттерапия имеет следующие *преимущества* перед другими направлениями психотерапии.

- Первичная эмоциональная экспрессия в арттерапии основана на физической активности (рисование, лепка, танец, пение и пр.), а выразительное действие — это уже психотерапевтический акт.
- Моменты экспрессии (творческого самовыражения) и самоанализа (интерпретации) в арттерапии разнесены во времени. В результате происходит своеобразная смена ролей, возникают новые состояния личности: (1) автор — (2) зритель — (3) интерпретатор. Особенно это характерно для «объективирующих» направлений арттерапии, таких как изотерапия: рисунок и автор самостоятельны по отношению друг к другу, в то время как, например, в драматерапии, музыкотерапии, танцевальной терапии автор одновременно является и творцом художественного продукта, и самим художественным продуктом.
- Между переживанием клиента и вербализацией этого переживания в арттерапии существует «посредник» — творческий продукт. Это, с одной стороны, создает больше возможностей для *полноценной* вербализации (рефлексии), а с другой — вовсе не требует *обязательной* вербализации, так как акт эмоциональной экспрессии в арттерапии уже воплотился в процессе создания творческого продукта. Благодаря этому клиент находится в более комфортных, безопасных и способствующих самопониманию условиях. И психотерапевт уже не зависит от максимальной вербализации клиентом своих переживаний.
- Невербальные средства эмоциональной экспрессии, используемые в арттерапии,

расширяют возможности для более глубокого *сопереживания* и *взаимопонимания*, что особенно актуально для групповой психотерапии.

- Групповая арттерапия создает благоприятные условия для творческого взаимодействия — *со-творчества*.
- Арттерапевтический процесс чаще всего заканчивается созданием *творческого продукта*, своеобразного символического подтверждения проделанной работы, чего мы не имеем в разговорных психотерапевтических жанрах.

Цели и задачи занятий

Арттерапевтические занятия преследуют три главные *цели*:

1. *Экспрессивная цель* — обучение участников группы навыкам выражения своего внутреннего опыта (чувств, ощущений, желаний, мыслей и т.д.) с помощью изобразительных средств. Такая экспрессия способствует (а) снятию психического напряжения и (б) самопониманию.
2. *Психокоррекционная цель* — аутогенное психотерапевтическое воздействие участников на свое психическое состояние. Главные особенности такого воздействия: опосредованность (использование изобразительных средств), недирективность (добровольность), экологичность (соответствие индивидуальным психическим особенностям участников).
3. *Идентификационная цель* — помощь участникам группы в принятии ролей матери и отца, в прояснении своих супружеских задач, в том числе в период беременности и послеродовой период [10]. Безусловно, достижение последней цели может осуществляться лишь в комплексе с другими занятиями школы [5; 10].

Основные *задачи* арттерапевтических занятий сводятся к обретению участниками группы следующих навыков: (1) обучение простейшим изобразительным техниками; (2) умение адекватно выражать свой внутренний опыт через внешние средства (аутентичная изобразитель-

ная экспрессия); (3) развитие способности самопонимания (рефлексии); (4) обретение опыта психологической саморегуляции.

Арттерапевтические занятия проводятся в группе, состоящей из супружеских пар. Оптимальное количество участников — 10 человек (5 пар). Для проведения занятий необходимы соответствующие расходные материалы (акварельные краски, бумага, кисти) и подходящее помещение. В начале курса участники знакомятся с целями, задачами и принципами арттерапии. Каждая встреча (1-1,5 часа) включает в себя разминочные и тематические упражнения, а также обсуждение.

А. *Разминочные упражнения* весьма многочисленны; чаще всего они направлены на развитие изобразительных навыков, на знакомство с разнообразными арттерапевтическими средствами и техниками, на вхождение в творческое состояние.

Б. *Тематические упражнения* представляют собой задания, которые содержательно связаны с основной тематикой школы и направлены на арттерапевтическую экспрессию и самоисследование.

В. *Обсуждение* участниками своих впечатлений происходит после упражнений. Каждый участник комментирует свой рисунок и таким образом делится с другими эмоционально значимой информацией. Так создается единое терапевтическое пространство, в котором участники обмениваются своим психологическим опытом, учатся друг у друга или, напротив, еще больше убеждаются в своих собственных представлениях.

Принципы арттерапевтической группы

Ниже описаны принципы, на которых базируется *феноменологический подход* к арттерапии [9]. Эти принципы сформулированы так, как они могут быть высказаны ведущим при первом знакомстве с участниками группы.

1. Во-первых, для того чтобы заниматься арттерапией, не надо иметь какие-то специальные таланты и способности, можно вообще не уметь рисовать. Потому что мы не будем «рисовать» в привычном для нас смысле слова.

Обычно, когда человек рисует, он старается, чтобы у него получилось что-то красивое и правильное с точки зрения каких-то общепризнанных эстетических стандартов. Если это не получается и человек не вписывается в привычные стандарты, то считается, что этот человек «не умеет рисовать». В арттерапии вовсе не обязательно «уметь рисовать», поскольку здесь нет никаких специальных стандартов. Главное — это выразить в красках свое внутреннее состояние, мысли, чувства, идеи и т.д. А как это будет выглядеть — не так важно, важна сама попытка обозначить их. *У нас нет правильных и неправильных рисунков. Все рисунки правильные, потому что вы захотели их такими сделать.*

2. Во-вторых, мы не будем заниматься диагностикой, как это иногда делают психологи, пытающиеся по рисунку сделать заключение о личности или проблеме клиента и даже поставить ему какой-нибудь диагноз. Каждый рисунок — это только небольшая частичка вашей души, которая проявилась в данный момент, подчас под влиянием совсем случайных обстоятельств. Поэтому я считаю некорректным и непрофессиональным делать какие-то обобщающие выводы по нашим рисункам. *У нас нет нормальных и ненормальных рисунков. Любой рисунок нормальный, поскольку он является естественным выражением какой-то части вашего внутреннего мира.*

Таким образом, арттерапия — это не занятие изобразительным искусством и не психодиагностика, это спонтанное выражение своего внутреннего мира в пространстве рисунка. Поэтому вы имеете полное право класть краски на бумагу, так, как вам хочется и куда вам хочется. Вы можете использовать любое место на бумаге, любой цвет, любые средства. Это могут быть пятна, линии, фигуры, образы или что-то еще.

3. Первый принцип не означает, что мы совсем не будем обращать внимание на результаты нашей работы. Рисунок не может не вызывать впечатлений как у самого автора, так и у других участников. И здесь *самый главный критерий, по которому мы будем оценивать*

наши рисунки, — это удовлетворенность самого автора, которая связана с тем, насколько он смог выразить то, что ему хотелось, насколько то, что он нарисовал, согласуется с его внутренним состоянием, мыслями, идеями и т.д. В конце концов, насколько ему самому это просто нравится.

4. Второй принцип не означает, что мы не будем обсуждать смысл наших рисунков. Безусловно, рисунок есть выражение каких-то мыслей и переживаний автора, в том числе тех, которые сам автор сознает весьма смутно. И тем не менее, *главным экспертом в рисунке может быть только сам автор, только он может адекватно интерпретировать смысл своего рисунка*. Поэтому после рисования темы мы будем слушать комментарии наших авторов, в которых они смогут выразить свои впечатления от рисования и раскрыть содержание некоторых образов, которые они запечатлели на своем рисунке. При этом объем комментария будет определять сам автор.

5. Кроме этого, зрители тоже могут участвовать в обсуждении, то есть высказывать свои впечатления о рисунке другого участника группы. Но делать это мы будем по определенным правилам:

- Мы не будем ставить «диагнозы» и делать категоричные выводы. Однако мы можем высказать свои предположения, ощущения, мысли, ассоциации, связанные с рисунком.
- Если кто-либо из участников захочет что-то уточнить, он имеет право спросить об этом у автора. При этом автор, конечно, имеет право не отвечать на этот вопрос, сказав, например: *Мне бы не хотелось говорить об этом*.
- Участнику, задающему автору вопрос, лучше воздерживаться от слова *почему*. Во-первых, чаще всего бывает очень трудно ответить на такой вопрос. Во-вторых, обычное *описание* рисунка иногда бывает намного важнее попыток его *объяснения*.
- Если же мы хотим узнать о значении, которое придает автор тому или иному элементу (цвету, фигуре, образу и т.д.), мы можем

прямо спросить его об этом: *Что для тебя значит этот цвет? Что ты хотел выразить этим цветом? Какой смысл ты вкладываешь в этот цвет?*

- Если же автор не может ответить на эти вопросы, что вполне естественно в ситуации арттерапии, поскольку человек часто ненамеренно использует какие-либо цвета, формы, образы и т.д., то можно задать ему такие вопросы: *С чем у тебя ассоциируется этот цвет? С какими чувствами у тебя связан этот цвет? О чем ты думаешь, глядя на этот цвет?*

Содержание занятий

Ниже представлены инструкции для упражнений, включенных в программу арттерапевтических занятий, рассчитанную на пять встреч.

Первое занятие

1. *Знакомство с красками (цвета)*. Цель нашего первого занятия — почувствовать связь между своим внутренним миром и внешним материалом: листом бумаги и красками. Итак, хорошо намочите водой лист бумаги. Наберите на кисть краску, которая вам больше всего нравится в данный момент, и приложите к листу бумаги. Посмотрите, что получилось. Затем просто поведите кистью по бумаге. Можете сменить краску. Попробуйте разные краски: приятные и те, которые вам кажутся неприятными. Понаблюдайте, как это отражается на вашем состоянии. Расскажите о своих впечатлениях.

2. *Приятные и неприятные цвета*. Выберите четыре цвета, два из них — наиболее приятные вам и два других — менее всего приятные. Возьмите лист бумаги и положите на него выбранные вами цвета так, как вам захочется и в любом порядке. Теперь предлагаю назвать выбранные вами цвета словами, которыми мы обычно обозначаем чувства, эмоции, состояния...

Второе занятие

1. *Знакомство с красками (линии)*. На предыдущем занятии мы познакомились с пятнами и цветами. Теперь предлагаю познакомиться с линиями. Возьмите краску, которая вам нра-

вится в данный момент, и нарисуйте любую линию в любом месте вашего листа. Остановитесь на некоторое время и ощутите характер этой линии (впечатление, которое производит на вас эта линия). Теперь проведите еще одну линию. Пусть она будет уже другого характера. Теперь попробуйте нарисовать разные линии с разными характерами. Если хотите, можете поменять цвет. А теперь выберите из нарисованных вами линий те, которые вам нравятся больше всего, и те, которые вам нравятся меньше всего.

2. *Беременность.* Для следующего рисунка лист можно расположить вертикально или горизонтально. Представьте, что центральную часть пространства листа занимает область, которая будет символизировать мир, в котором сейчас живет ваш малыш, а снаружи — мир, который его окружает. Возьмите любые краски, которые вам кажутся наиболее подходящими, и попробуйте заполнить ими эти области. Можно рисовать все, что угодно. Это могут быть любые чувства, ощущения, образы. Теперь расскажите о том, что вы нарисовали.

Третье занятие

1. *Состояние (полосы).* Вспомните свое состояние, в котором вы проснулись сегодня, и выберите краску, которая, на ваш взгляд, более всего соответствует этому состоянию. Нарисуйте этой краской полосу вдоль края листа (сверху, снизу или сбоку). Затем выберите краску, которая соответствует тому состоянию, которое пришло на смену первому, и нарисуйте рядом с предыдущей полосой еще одну. Вспомните, как менялось ваше состояние дальше, и найдите соответствующие краски. Пусть ширина полос соответствует тому времени, в течение которого длилось это состояние.

2. *Будущее моего ребенка.* Нарисуйте в центре своего ребенка в любом возрасте. А вокруг нарисуйте предметы, занятия, людей и пр. — все то, что вы связываете с будущим вашего ребенка в этом возрасте. Вы можете выбрать любую манеру для рисования: более или менее реалистическую, «детскую», символическую или абстрактную. Отнеситесь к этому заданию с юмором и, одновременно, серьезно.

Четвертое занятие

1. *Состояние (пятна).* Это упражнение предназначено для анализа и понимания своего текущего эмоционального состояния. Его можно использовать, когда вы находитесь в беспокойстве, переживаете какие-то смешанные или противоречивые чувства. Итак, выберите краску, которая, на ваш взгляд, более всего соответствует вашему текущему эмоциональному состоянию, и положите ее в центре листа. Посмотрите на этот цвет и сравните с ним свое состояние. Если вы чувствуете, что этот цвет соответствует вашему настроению, увеличьте это пятно той же самой краской. Возможно, вы почувствуете, что в вашем состоянии есть еще что-то, что можно было бы выразить краской другого цвета. Тогда возьмите эту краску и положите ее рядом с предыдущей. Так, добавляя новые или уже используемые цвета, исследуйте свое состояние.

2. *Рождение.* Сегодня мы нарисует роды. Представьте те чувства и ощущения, которые наполняют процесс рождения ребенка: до, во время и после родов. Попробуйте найти краски, образы или символы, которые выразят их, которые ассоциируются у вас с этим процессом.

Пятое занятие

1. *Спонтанный рисунок.* Возьмите любые понравившиеся вам краски и заполните пространство листа пятнами и линиями любой формы и размера. Ничего специально не рисуйте — просто заполните красками пустое пространство листа.

2. *Наша семья.* Это задание можно выполнять в паре. Ваша задача — нарисовать свою семью. Вы можете выбрать любую манеру для рисования: более или менее реалистическую, «детскую» или абстрактную. Это может быть некий символический образ вашей семьи.

Результаты

В целом оценка результатов программы школы «Радуйся жизни» проводится на основании наблюдения за успешностью прохождения родов и послеродового периода, за тем, насколько родители справляются со своими функциями, и за тем, насколько ребенок соответствует нормативам развития. В рамках настоящей работы нас

интересует *избирательная оценка* результатов арттерапевтических занятий. Основная информация об эффективности этих занятий, т.е. о том, насколько достигнуты поставленные арттерапевтом цели, может быть получена главным образом на основании опроса участников [2]. Анализ высказанных супругами впечатлений позволил выявить следующие группы эффектов арттерапии:

1. *Снижение психического напряжения* (об этом свидетельствуют такие высказывания участников: «Хорошо отдохнули», «Отвлеклась от забот», «Можно расслабиться», «Никогда не думал, что можно получать удовольствие от рисования», «Была возможность просто поговорить о том, что думаешь»).
2. *Рефлексия и самопонимание* (примеры высказываний: «Лучше стала понимать себя», «Когда рисуешь, есть возможность подумать и разобраться», «Хорошо, что можно не просто порисовать, но и поговорить об этом», «Как будто смотришь на свою жизнь со стороны»).
3. *Обогащение новым опытом и новыми моделями поведения* (примеры высказываний: «Узнала, как об этом думают другие», «Интересно было послушать других», «Не знала, что об этом можно так думать», «Не думал, что можно рисовать на такие темы»).
4. *Улучшение взаимодействия и взаимопонимания в супружеской паре* (примеры высказываний: «Обнаружила новые грани своего мужа», «Мне было любопытно, что нарисует по этому поводу муж», «Никогда не думала, что мой муж будет говорить на такие темы», «Было очень интересно рисовать вместе с женой свою семью»).

5. *Утверждение позитивного отношения к родам, материнству и отцовству*. Последний эффект, безусловно, является результатом комплексного воздействия всех занятий школы «Радуйся жизни».

Список литературы

1. Арттерапия / сост. и общ. ред. А.И.Копытина. СПб.: Питер, 2001. 320 с.
2. Брутман В.И., Филиппова Г.Г., Хамитова И.Ю. Методики изучения психологического состояния женщин во времени беременности и родов // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 110-118.
3. Васильева О.С., Могилевская Е.В. Групповая работа с беременными женщинами: социально-психологический аспект // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 1. С. 82-89.
4. Копытин А.И. Основы арттерапии. СПб.: Лань, 1999.
5. Мещерякова С.Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 18-27.
6. Практикум по арттерапии / под ред. А.И.Копытина. СПб.: Питер, 2000. 448 с.
7. Трунов Д.Г. Феноменологическая арттерапия в психологической подготовке супружеских пар к рождению ребенка // Пермский медицинский журнал. 2007. Том XXIV, № 1-2. С. 155-161.
8. Филиппова Г.Г. Материнство и основные аспекты его исследования в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 22-36.
9. Хоган С. Самоидентичность, сексуальность и материнство // Исцеляющее искусство. Международный журнал арттерапии. 2001. Т. 4, № 2. С. 16-38.
10. Хозиева М.В., Черняйкина О.А. Психологические проблемы подготовки к материнству // Журнал практического психолога. 2000. № 8-9. С. 88-104.

ARTTHERAPY SESSIONS FOR SPOUSE PAIRS EXPECTING THE CHILD BIRTH

Dmitry G. Trunov

Perm State National Research University, 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

In article there are considered arttherapy sessions from program of information and psychological preparation for spouse pairs expecting the child birth. There are described the features of art-therapeutic method, its mechanisms, and also the purposes, tasks, principles, structure and the content of art-therapeutic occupations, examples of exercises and their results.

Key words: arttherapy, matrimony, parenthood, expression, reflection, selfcontrol, identification.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.454.2

**GLOBALIZATION: THE RELEVANCE OF IDENTITY AND
UNCERTAINTY*****Rudolf Rizman***

Conceptions of identity in the age of globalization are discussing in the article. Author suggests that even if the nation-states would really be declining, the revival of ethnic and other identities is likely expected.

Key words: globalization; uncertainty; regionalization; identity; nation-state; ethnicity.

Discussing identity in the age of globalization requires departure from conventional analyses in this area. Such a distancing involves several constituents implying both the novel methodological and sociologically substantive approaches. While the first methodological alternation refers to the urgency of applying innovative sociological paradigm to adequately understand the added and changed complexity of identity, the other, substantive notion, implies the recognition of multiple social factors, which frame and determine, respectively, contemporary phenomenon of identity.

In part, this contribution conceptually attempts to relate to the assumptions that Umut Özkirimly introduced in his study on the theories of nationalism. The assumptions were as follows: (1) there is no commonly accepted theory of identity; (2) there is no just one identity; (3) common discourse can unite diverse forms of identity; (4) identity can only be effective if it is reproduced on daily basis; and (5) difference of identity should inform and lay grounds for a necessary redefinition of identity. Another and more convincing and substantial conceptual contribution was suggested by Delanty and Rumford [5]. The authors assume a realistic view that identity represents group conscience — emotion that expresses collective “we”. Four salient aspects of identity need to be seriously taken into consideration. First, identity as unfolded in its relation to social action can reveal itself as proces-

sual or constructed. Secondly, identities embody narrative dimension, they are narratives with the aim to establish themselves as continuous processes. Thirdly, identity uses symbolical repertoire by which it emphasizes differences, that is their persistence in a relational context. Fourthly, any deliberation on identities should include the answer to the question about overlapping identities, which do not eliminate themselves; they do in most cases co-habitate. When it comes to personal identities, it should be mentioned that they are rarely limited to just one identity — they are obviously more and at different stages of expressing their mutual tensions.

Social sciences in the last ten years or so to some extent enabled themselves in coping with such an ambitious task. Quite a number of scholars from different disciplines (sociology, political sciences and others) developed and offered in this regard promising contributions, which can be and should be applied in order to unbind and rethink the present unfolding and eventual structuring of identity. One of the most plausible propositions is the call for “a new paradigm” as imperative requirement to fully understand today’s world [19]. It was argued that during last two hundred years and until recently social world was studied exclusively by an economic and social paradigm while in the post-industrial age there unfolded the obvious need for a new paradigm, which would be able

to identify the new actors and processes in this domain.

Post-industrial societies arguably left behind them technological determinism and instead replaced it with information society. The last mentioned dramatic social transformation is in the main responsible for the withering away of social language about society in favour of cultural language. Thus one could speak about the paradigmatic shift from society (collective) to culture, which, for good and bad, contributed toward social de-composition, de-socialization and eventually to the triumph of individualism. The establishment of completely new differences between less than solidly imagined actors, individuals in the first instance, took prevalent mode of communication in today's advanced societies. It is thus quite obvious that previous political paradigm was or should be, respectively, replaced by cultural paradigm.

But this is not the whole truth about the historical trajectory that we are talking about. According to Zygmunt Bauman [2, p. 1-4], globalization gives birth to historically new uncertainties, which change the frames of references for both the concerned social phenomena and the contents of human actions. To identify relevant shifts it is in particular necessary to note the following trajectories: (1) transition from 'solid' to 'liquid' phase of modernity; (2) the separation and eventually divorce of power and politics; (3) withdrawal of communal, state-endorsed protection of individuals against failure and ill fortune; (4) weakening or even elimination of long-term thinking and moreover disappearance of social structures, based on responsible and sustainable human reflection; and, last but not least, (5) individual agency and acting do not rely anymore on externally imposed recipes — individuals are taking the flexible stand, which means that they are prone to change their behavioural patterns and styles at short notice, without a regret.

How are these incarnations in particular affecting either in whole or partly complex and multifaceted identities? The related question can be also posed like this: does globalization make people more similar or more different; does it encourage homogenization or heterogenization of identi-

ties? Jan Aart Scholte [15, p. 25-27] does not offer any definitive answer in this regard. Much is depending on one's perspective. Both, homogenization and cultural diversity had its day. Neither can be treated in either affirmative or negative sense; both can entail progressive universalism or oppressive imperialism. The so-called "glocalization" thesis has stressed that large-scale globalization empowered many national or ethnic groups strong impulses to further promote their national or ethnic differences. However, there is more of what the defenders of globalization are boasting of: namely, that globalization was instrumental of intercultural constructions of being and belonging; that is of producing new cultural combinations, which occurred thanks to the increased blurring of distinctions between nations and between civilizations. More optimistic scholars in this area suggested that globalization can be easily associated with 'creolization' and 'hybridization', while some even hinted that such developments gave birth to alternative forms and founded the basis for ethics of identity politics. The latter clearly distanced itself from parochially (in)formed dualistic 'us-them' opposition, where it is routinely clearly defined who belongs to whom and to what.

Studying the fate of identities in the age of globalization presents an opportunity to deepen our awareness of its complexity on the one hand and on the other to identify the new challenges and opportunities with regard to identities. Fruitful theoretical proposition can be arguably found in the thesis that "the global is in good part constituted inside the national" [14, p. viii, 3-23]. This authoress further argues that globalization should not be reduced to the simple fact of ever growing interdependence and the emergence of global institutions. Although many core social processes transcend the extant nation(al) states, they do still play the role of the key container of social processes. Since it is also obvious that national territory implies its correspondence with nation, national institutions can not be other than national. Nonetheless, the transnational processes — economic, political, and cultural — as such transcend the confines of national states, which confront social sciences with many new theoretical and methodologi-

cal tasks. In this sense Sassen broadens the extant understandings of globalization, which should not be reduced to the notions of interdependence and global institutions, but needs to address its much more sociologically complex content of national.

The main scholarly effort in this regard should be thus focused on those crucial processes that can be branded as “localization of the global”. Such a framing of this issue points, according to Sassen, to “detecting the presence of globalizing dynamics in thick social environments that mix national and non-national elements”. The analytic agenda is thus vastly expanded and offers many and completely new opportunities for a scrutinized research of particular either nationally or subnationally embedded formations and processes and in particular their “recoding as instantiations of the global”. Exploring this diversity involves meeting differences rather than only hinting to parallels, what seems to be much richer and more elaborate research challenge. At this stage, national and national states, respectively, are still greatly participating in the making of global systems. However, national in the wider sense is not the only social force, which is challenging globalization (and vice versa), one should as well take note of the agency of subnational levels, which enter the processes of more definite constituting of global social outcomes.

Considering strictly sociological concern, global and national are part of a variety of negotiations between the global and the national. Even globalizing and denationalizing dynamics are clothed or represented in most cases as local and national. As a result, we witness multiple and specific structurations of the global within what was until recently conceived as merely national. In order to reveal the deeper insight into these structurations, Sassen proposed that scholars in this area should study the following three instances bearing on their concerned conceptual, methodological, and empirical interests. First studied instance should be related to the role of determinants (circles, circuits, ranges, etc.) that constitute economic, political, and cultural globalization. Not least important is the second instance, which stresses the role of the new interactive technologies in redefining and repositioning the local constitu-

ent within the wider globalization context. Third instance refers to a specific set of interactions — also linkages — between global dynamics and particular constituents of national states. Altogether they convincingly demonstrate the limits and suggest the ways to move beyond what was before the advent of globalization the mainstream usage of methodological nationalism. This aim — to conceptualize the national interactions within the global dynamics — is one of the most demanding and critical requirements before a researcher targets (national) identity as a valid topic of scholarly analysis.

The above depicted assumptions reject oversimplistic notion about the fatal crisis of nation for which is responsible globalization. The reality around us rejects itself such claims: as can be easily noticed, quite a number of new nations (states) emerged and are still emerging under present unfolding of globalization. If one speaks about the passing of territorialism, this does not merely imply the passing of territoriality in the domains of geography; the same applies to the end of nationalism, which according to Scholte [19, p. 226] does not entail the end of nationality in the sphere of identity. It is no doubt, too irresponsible for scholars to speak about the rise of ‘postnational’ era as it happens rather often. No more nations would as well imply the withering away of those identities that are grounded on historically moulded ethnic material. If we consider globalization as a very novel, recent historical phenomenon, then teleology, in the sense of predicting the ending of this or that social phenomenon, is far from assuring a valid cognitive result. It is nevertheless true that developments of information technology, in particular in communications, are responsible for the emergence of complex cultures and multiple identities, where it is difficult to recognize at first sight the traces or contributions of individual collectives. But such a difficulty is arguably the consequence of assuming that identities and collective groups behind them are immutable and without a potential to undergo transformations.

Moreover, John Hutchinson [10, p. 89] rightly argued that while in Europe nations and nation-states vary considerably in the social niches they

wish to mould; this is not necessarily and automatically determining the potency of national identities *per se*. Here the author refers to those scholars who claim that a switch from avowedly national to transnational (international) loyalties may not result in changes attributed to national affiliations. In this case we are deliberating about two issues that must not be confused: on the one hand strategic decisions of concerned national groups over the range of roles that need to be regulated, and on the other hand on why there emerge certain fluctuations in the salience and instrumentalization of particular national identities. Globalization seems to encourage changes in the manifold manifestations of national identity. Moreover, much softer grip of nation-states on identities enabled them to enlarge their repertoire of potential forms: substate, transstate and supra-state ones. Supraterritorial identities now touch more people in the world than in any other period of human history. The pluralization of national and other types of identities under contemporary globalization thus added to the already extant diversification in this area.

More intellectually productive way to discuss (national) identities in the global context is one offered by Montserrat Guibernau [7, p. 257-263]: it basically analyses the strategies employed by the classical nation-state in order to generate a homogeneous national identity among its citizens, which has been in recent time substantially transformed under the impact of globalization. Why is national identity one of the most powerful expressions of collective identity? Guibernau offers convincing answer by deconstructing its essential building material. It is based upon the sentiment of belonging to particular nation, endowed with its own symbols, traditions, sacred places, ceremonies, heroes, history, culture and territory.

Besides common identity and emotional charge that bond solidarity among members of a given community, Guibernau raised the issue of a political dimension embedded to national identity. This dimension is fundamental condition for the establishment of right and power to decide more or less on daily bases about crucial political decisions of the nation they belong to. Globalization inter-

vened in the conventional ways how nation-states promoted cultural (and other forms of) homogenization of their populations. In the past it was through forced assimilation and other case through even more extreme ways (from crude repression to genocide) that nation-states suppressed internal cultural differences in favour of a core, state promoted national identity. The officially sanctioned identity was, of course, that of a dominant nation or ethnic group.

The intensification of globalization processes pushed nation-states to modify, if not transform, their strategy of both conceiving and framing what is usually understood under national identity. To put it differently, national minorities and various ethnic groups used and are using globalization to promote their distinctive identities. More pronounced international visibility limits the repertoire of available repressive measures by which nation-states have been treating less privileged group identities to express and promote themselves both internally and in the international arena. Despite their attempts in the past to homogenize their cultural spaces, most of the present nation-states stay multinational and multi-ethnic. Thus it could be said that nation-states are after a long, too long, historical process becoming real states by abolishing prefix nation, which was nothing less than an Orwellian attempt to hide the ethnically plural constitution of more than 90 percent of present states in the world.

Contrary to some claims that globalization threatens the identities as we know them, Tomlinson [9, p. 160] argues that it presents a strong force in creating and proliferating them. Globalization produces identities, where before none existed. This 'production' pertinent to modern society is not, however, anarchic, but is characterized by forming institutions as frames within which identities live their more or less autonomous life. Institutionalization and regulation do not necessarily directly affect identities, since this can be achieved often indirectly, that is, through the agency of regulating the cultural practices. Those who regard globalization as a threat to cultural identity ignore its institutional frame and consider it as a merely existential possession, a kind of a collective treas-

ure of this or that ethnic community, which needs privileged (political) protection in order to survive in culturally hostile environment.

Identities in modern societies are not as vulnerable and fragile as some authors are arguing. They are instead, as Castells was arguing in his work titled *The Power of Identity* [4], more robust, which permits one to draw inner logic between the globalization process and the institutionalized construction of identities. Behind particular identities there lies powerful existential complexity behind them, which can mobilize more manifest, if not latent collective demands. Moreover, globalization unfolds the relative independence of culture from place against various threats to establishing the dominance — as was the case so often in the past — of some particular geographically defined culture. This fact confirms the view that identity does not merely expresses this or that modality of subjectivity, but another sociologically much more relevant phenomenon of institutional embedment of identity in the present establishment of global modernity. According to Tomlinson [9, p.163-164], globalization by proliferating localisms and sharpening the identity discrimination all over the world, at the same time pluralizes universality. This very well justifies highly plausible expectation among various scholars that cosmopolitanism may yet again, this time with more convincing sociological grounds, develop into a viable political project.

Cosmopolitanism enters many and multiple manifestations of everyday individual and social life: economic sphere, media and communications technology are on daily basis entering our homes, intensified mobility and foreign travels, last but not least, our “food culture” is to greater extent informed by external sources. John Urry [20, p. 137] thus rightly observes that the most powerful sets of dispositions in the contemporary world are therefore neither localist nor global. They do unfold according to Derrida’s idea of “think travel”, which Zygmunt Bauman in *Liquid Modernity* [2, p. 207] sketched with the following words: “the trick is to be at home in many homes, but to be in each inside and outside at the same time, to combine intimacy with the critical look of an outsider, involvement

with detachment”. This condensed statement implies that ‘local’ and ‘cosmopolitan’ are far from being necessarily counterposed. Cosmopolitan identity mix, as Urry further argues, enables people to live simultaneously in both the global and the local, in the distant and proximate, in the universal and the particular. We can never detect pure and simple ‘cosmopolitanism’; it would be much more properly to use instead the notion of ‘glocalized cosmopolitanism’. This represents indeed a very vast and rich ground for the emergence of ‘glocalized cosmopolitan’ identities, practices and cognitive patterns which somehow order the otherwise much chaotic cultural life under the dominion of globalization as such.

Identity is these days no more fixed, almost “eternal”, as it used to be before the advent of globalization. The idea of fluidity takes a prominent role in explaining the vicissitudes and the contingency nature of this often elusive phenomenon. The fluid nature of identity was for this very reason deconstructed into the following distinguishing parameters: in term of its rate of flow, its viscosity, its depth, its consistency and its confinement to some pertinent channels of its unfolding [20, p. 42,109-110]. These are obviously not some wild or spontaneously triggered processes, which could be considered as free from any outside regulation or moulding. This world is still to a greater extent ‘state centric’, namely in the sense that the turbulent nature of the global complexity, paradoxically, increases the role of the state(s) as provider or enabler, respectively, of cultural powers of given territory and promoter of new spatial configurations. The point is, however, that states lost their previous capacity to ‘engineer’ identity in the sense of a property of unchanging community of fate (nation). States still, and will do so for a long time, set legal, economic and social rules. The other consequence of their acting since World War II and in particular under transformed global circumstances is their enormous expansion with a view to nation-state structures, bureaucracies, agenda, revenues, military power and regulatory empowerments.

Relationship between globalization and localization is not only synergetic. As any other con-

trasting social process, it obviously involves conflictual and antagonistic relations. This can on the one hand eventually bring new and added identity material that leads to its enrichment, but on the other we should not ignore the fact that such processes include as well the notion of imposition or domination, respectively, which can be destructive of some identities due to their underprivileged or powerless position. There is indeed a cluster that could be termed “resistance identities” [4, p. 356], which opposes the extant and imposed social ordering and which, if successful, can broaden the social space that facilitates freer development for “weak” and therefore vulnerable identities.

Reflecting upon identity issues, one needs to raise scholarly valid question, how to avoid in this endeavour the pitfalls of ‘essentialism’? Rigid ‘identity politics’ is certainly destined to end in such a flawed direction, burdened by methodological individualism. Arif Dirlik and Roxann Prazniak [13, p. 3-12] therefore suggested to distinguish between the claims to identity of the powerful and the powerless — the last being systematically threatened by their extinction. More proper methodological path toward encapsulating the real nature of identity is by recognizing their concrete structural locations. This path is much more promising than the mere recapitulation of already tired debates between primordialist and constructionist grasping of identity. Although identity enjoys quite transparent and unavoidable autonomy, two sociological anchors ultimately provide the needed social material for its formation: on the one hand cultural nationalism per se and on the other ‘placed-based consciousness’. The latter is, according to above mentioned authors, vitally important for a number of reasons. Placed-based determination of identities can in a number of different circumstances help to provide more or less lasting solutions to conflicts in this domain, which came about in a much wider social context: what above mentioned authors have in mind here, is the mediating role of the extant nation-states between economic forces and affected places as containers of this or that particular identity.

Several scholars, among them Arjun Appadurai [1, p.15-16] introduced into the debates re-

garding identity the notion of culturalism, which both in epistemological and broader practical sense denotes identity politics at the level of nation-state. Besides the nation state, culturalism encapsulates as well a number of social groups, which are consciously mobilising themselves according to identitarian criteria. There are several uses of culturalism — most of them with the added prefix multi or inter, thus multiculturalism and interculturalism. The repertoire of this kind of identity spans over many and multiple distributive notions implying various entitlements, these are sometime involving the considerations of life and death, but in general in accordance with classification and policies regarding this or that dimension of group identity. Culturalism performs itself both within the framework of a larger national as well as transnational politics. Its ultimate end is obviously clothed into struggles for stronger recognition from existing nation-states or, when this becomes urgent, from various transnational authorities. In the broader sense, as Appadurai suggests, culturalism employs in particular those cultural differences, which are carrying more salient social weight, as for example, in the areas of mass mediation, migration, and ultimately globalization. In order to justify culturalist or identity claims, respectively, their protagonists rely on deliberate vocabulary in their struggle with states and other competing culturally focused groups. The available “material”, which culturalism vastly exploits is mainly centred on the issues associated with this or that particular issue of identity, culture and heritage.

Although in different contexts concerned actors expose some particular or sensitive content cluster of identity, one of them nevertheless enjoys privileged treatment, namely national identity. National identity is, historically speaking, of a more recent origin that replaced earlier notions of national character and national consciousness. Anthony Smith [16, p.17-20] explains wider use of national identity with the broader trend of contemporary individualism and to some extent as a consequence of anxiety and alienation of many people in an increasingly fragmented world. This concept has a heavy ambivalent load: it can be equally viewed as a core ideal of nationalism (nationalist

movement) and as an analytical concept. In order to streamline the scholarly understanding of national identity, Smith proposed the following plausible definition: “the continuous reproduction and reinterpretation of the pattern of values, symbols, memories, myths and traditions that compose the distinctive heritage of nations, and the identification of individuals with that pattern and heritage and with its cultural elements.”

To follow the same author’s lead, it is of utmost relevance to distinguish two relationships in the proposed definition. The first is between collective and individual levels of analysis, and the second, between continuity and change of identity. It is equally important to pay further attention to the situational character of ethnic and national identities in the sense of a variety of as well other collective affiliations, which in today’s modern world (re)introduce themselves under the label of “multiple identities. This later involves range of identities starting with the family circle and up to the circle of humanity. Here one should add that from the individual standpoint, collective identities offer a number of opportunities for choosing identities according to contingency situation and individuals’ cultural affinities. Here we need to note that some types of collective identities like classes, regions, and interest groups in most cases dissolve after they reach their aims, while cultural collectivities are much more stable due to their longitudinal attachments on memories, values, symbols, myths and traditions. The identity should be viewed both as stable and dynamic social phenomenon. One could not speak about identity, if it would not persist (sameness over time) at least for a certain historic period — and change can only operate within the culturally transparent boundaries.

Identities take quite some historic time to be eventually able to reproduce themselves and preserve their cultural core for the future and its challenges. Some larger political units and cultural spaces strive hard presently to develop it. The most obvious case is that of the European Union, which promotes the slogan of “unity in diversity” with an aim to arrive at its own, thus invented, identity. Up to now it was not yet convincingly proved how to

establish European identity and the same time to leave national identities untouched. One side — Europhiles — in this deliberations argues that it is worth to pay the price in order to establish European identity for a number of reasons (from prevention of war to reduce xenophobias), while the other side — Eurosceptics — fear that the loss of national identity can only serve the aims of greater nations and powers in the European Union and can ultimately break the social and cultural cohesion of smaller and middle size European nations. As it is now, European policies (directives) obligatorily proceed through the national states and their institutions and it is therefore hard to believe that European Union has the means and necessary will to implement the idea of European identity at the cost of extant national identities.

Global cultural convergence towards common identity seems to be even more distant phenomenon than European culture or identity, respectively. On the impact of globalization as far as culture and identity is concerned there are contradicting contentions. According to John Tomlinson, some claim that it is destructive in particular of national identity against those who recognize globalization as “the most significant force in creating and proliferating cultural identity” [17, p. 236-237]. Intensified globalization processes were largely responsible for a dramatic rise of social movements based and organized around identity related to gender, ethnicity, gender, nationality, religion and others. Globalization namely problematized identity in many parts of the world, where previously it did not enjoy any privileged or focused concern. Although central, identity was only one among many other expressions of attachments and belongings in contemporary world. Besides producing and inventing new identities, globalization was equally instrumental in transforming national and other salient identities. How to negotiate this new challenging cultural and political complexity become one of the most pressing issues both in social sciences and political praxis.

Anthony Smith [17, p. 278-286] does not invest much in the emergence of global culture, which is still too vague and imprecise to deserve serious attention. It could make sense, if national

identity would show convincing signs of its waning, but this is still far from being the case. According to Smith “(N)ational sentiments and values in respect of continuity, shared memories and a common destiny still pervade many given collectivities, which have had a common experience and distinctive history”. A global change in the technical and linguistic infrastructure of communication does not by itself support expectations that global culture and identity, respectively, will supersede the world of nations. Instead of increased global affective ties, one can nevertheless witness the rise of cosmopolitan awareness. Does national identity always trump globally (in)formed forms of commonality? New networks of international elite (international bureaucrats and multinational business executives, for example) are no doubt more internationally minded and open to global influences. However, according to Pipa Norris, this class represents a very small minority, which is far from performing a major impact on their background societies [17, p. 237]. What is significant, however, is generational divide. Generations born after the Second World War, influenced and brought up with MTV, CNN and the Internet, are more inclined toward interpreting their politics as internationalist, that is, supportive of the United Nations system and international legal values as such. This, however, still leaves open the question, whether such a significant generational change is or will open the way toward qualitative evolution of present frames of identity in the direction of globally determined consciousness.

Cosmopolitan perspective should not be viewed through the lenses of either-or, but complementary to national identity in the sense of softening, if not reducing, its exclusiveness. According to Ulrich Beck [3, p. 36], cosmopolitanism does not necessarily exclude national or local identity. To live cosmopolitan life means exercising dual loyalties: to be both a citizen of the cosmos and at the same time keeping its loyalty to its (nation-) state. Using the language of metaphors, each citizen possesses both roots and wings. Old distinctions between “us” and “them” lost in the global era their sharpness; they do not in any deterministic way neither prescribe nor establish any

absolute exclusion. Hopefully, the antagonistic “either-or” principle promises to be eventually replaced by the “both-and” principle. In sociological terms this invites a solid construction of a ‘dual locatedness’ for all. Although quite a fresh inside into the global repositioning of collective and individual identity shift, Beck’s pro-cosmopolitan stand does not elaborate further, what remains with the uneven distribution of power between various (national) identities, which either provide economic or cultural support or lack of it?

Most national identities can count on self-determination, while in cosmopolitan perspective somehow eliminates the question — against whom? How can winners and losers co-habituate when it comes to consummation of the principle of self-determination? [3, p. 93, 259] here avoids the ultimate answer by suggesting that in an era of cultural globalization and ethnic-national plurality, this possibility is dependent on the existence of post-national and plural-national state, which is neutral towards and tolerant of nationality. This is highly normative proposition and one can only wonder to what really existing fragment in the world of nations can it relate? This perspective is obviously dependent on Beck’s further presupposition that reality reaches the ideal of world-wide acknowledging both the equality and difference at the same time. Ethnically based states hardly recognize any minority within their midst and no validity of universalistic values in this regard. The solution that Beck devises lies in a paradoxical alliance evolving between ethnicists and globalizers, which creates less exclusive and more favourable conditions for its re-ethnicization.

In the context of available plural identities, national identity arguably often plays a functional role with a regard to solidarity. Solidarity is particularly important when the cultural group has been victimized and struggles to overcome such an unfortunate fate. The case for national identity is under such circumstances often made by nationalism, which is modern way of responding to the threat usually represented by the advances of modernization (globalization). To the members of threatened cultural community, defending identity carries with itself a duty to preserve their collective

dignity. The core constituents of identity in the (post)modern world are to gain both the internal and external recognition. In this sense, contemporary politics is nothing less or more than a species of identity politics par excellence. Having said this, we should be at the same time aware of the fact that any identity is vulnerable to non-recognition from the side of dominant groups, but equally so from influential international actors. Nations lack something of a crucial and cohesive importance, if they fail to provide their members certain sense of meaning or identity. Also the very governing of nations reflects their characteristic manner of expressing their collective and cultural, respectively, identity. This is why no progressive stand, in particular liberalism, can be indifferent to concerns about national identity [18, p. 9, 235-236, 305-310].

Another relevant question concerns depicting dividing lines between various social spheres. There is no doubt that the dividing line between ethnic and class identity is much sharper than that between religious and ethnic identity. While class collectives rarely overlap with ethnic identity, this is often the case between ethnic and religious identities. For lower classes to possess some exclusive identity they would need to rely on elite with appropriate skills and communication competences in order to be able to sustain and reproduce some particular identity within the larger society [16, p. 182-185]. Sociological (re)construction of any identity is existentially conditioned upon the boundary between “us” and “them”. The great religions provided in this sense vital material and sources for the myth-symbol content of ethnic identities, which is most clearly visible in Islam and Christendom. Religion is, of course, not the only and exclusive contributor toward the whole making of national identity as it presents as well a complex matrix of other contributing social factors.

Recent advent of secular societies has significantly diminished if not eliminated the role of religious factors and increased instead the salience of those factors which are shaped by globalization. This, we could termed it transformative, shift imposes on researchers in this area rethinking of the

broader social context in which identity and identities, respectively are imbedded. Due to the fact that national identity is in many ways dependent and framed by nation-state(s), one of the crucial issues concern their fate in the age of globalization. Mainstream social scientists are not of the same mind in this regard. [16, p. 213-218], for example, does not share those influential views which anticipate that nation-state, ethnic nationalism, national identities and nationalism-in-general had run their course. A number of scholars of postmodernist brand namely claim that the nation-state is becoming increasingly irrelevant as an ultimate consequence of global economic interdependence and cultural globalization. More radical voices in this vein even consign nationalism to the ‘great museum’ of tourist history.

It should be noted, however, that nations have much greater durability than other kinds of groups [8, p. 94-101]. On the other hand, not all culturally distinct collectivities necessarily become political nations (nation-states). National or better to put ethnic identities can accordingly rely on two vital social anchors: on the one hand on nation-state and on the other on autonomous power drawing from cultural world. In both cases identity as such derives from historically generated division of labour which is pertinent to any human society. Cultural division of labour can be considered as the most important and valued sources of this kind of identity. Identities in addition fulfil individual and collective choices which are linked with their specifically and culturally embedded perceptions of what is required for society which pretends to fulfil the idea of imagined or good society. The core aim of cultural nationalism was to invent national identity and to suborn it to other identities, which were previously centred on family, class and religion.

Identities in general assume some of the markers of individuals [6, p. 25-28] and national identity is not an exception in this regard. Much of the content of national identity, however, is determined by the specific nature of this or that nationalism. Aggressive nationalisms leave their marks in appertaining national identities: such a type of national identity is hostile towards any sign of their openness and more or less pluralistic composition.

Liberal nationalisms, on the other hand, deliberately invite “foreign” influences and introduce their national identities as multiple identities. While in the first case national identities are characterized by upholding a strong notion of “We” and aprioristic exclusiveness, the later leave much more space inclusive and continuously transforming nature of identity. Much, of course, depends on contextual factor: if some identity is in fact threatened, their aggressive mood will only accelerate, while in the case of liberal positioning of identity, the emphasis might turn away from its pluralisation toward homogenization. European Union has been, historically speaking, quite successful in stifling to the point aggressive expressions of national identity, which could lead to the pre-war mentality. It was, however, less successful in introducing alternative to national identity in the form of European identity. Most probably, having in mind how long it took national identity to at its historical station, where it is now, we should be more patience — historical time-wise in this regard.

National identities are all too often not taken enough seriously as they should. National identity is in condensed definition individual and group sense of belonging to larger, national community [12, p. 27-33]. Any identity — and national identity in particular — embodies historical (trans-generational) continuity, in this sense it is no more or less sociologically recognizable as an active identity. Another relevant aspect lies in the fact that it connects a distinct group of people to a particular geographical place. This link is considered by the members of ethnic group as “objective” fact, which pre-empts any considerations that they merely happen to be thrown together in one, usually “sacred”, place by mere chance or contingency. National identities arguably embody elements of myth and this fact alone needs further elaboration of its not merely symbolical weight. Much more attention deserves on the other fact such symbols perform real and not only imagined power which fulfils manifold valuable social functions. Much attention has been in this regard focused on the ethnic and civic constituents of national identity. All too often one witnesses in these

area openly biased assumptions subscribing to the notion that “Western” national identities represent civic alternative to exclusively ethnically constructed national identities in the “Eastern” case. It is, however, quite clear, as Kaufmann [11, p. 468] has argued, that already at first sight the history of France, Ireland or the United States prove that these countries equally so experienced with both organic and voluntarist choices.

Far from such views Smith points to those new and powerful social innovation which offer different perspectives on ethnicity and identities. The effects of information technology are much more variable in comparison to what the advocates of rigid cultural globalization are arguing. Information technology, in particular electronic media, introduces old ethnic identities and facilitates the re-imagining of the new ones. Even if the nation-states would really be declining, the revival of ethnic and other identities is likely expected. Ethnic and individual, respectively, identification in essence responds to certain collective needs which start to play even more important role in complex societies. Politically revived ethno-national movements respond to deep seated identity needs pertinent to today’s complex societies. What we are witnessing already is thus not the transcendence of ethnicity but the revitalisation of ethnic ties and their accompanying identities. This is quite logical process, if we rightly assume that, as Anthony Giddens has argued long time ago that global and local feed each other.

Literature

1. *Appadurai A.* Modernity at Large. Minneapolis and London: University of Minnesota Press, 1996.
2. *Bauman Z.* Liquid Times — Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2007
3. *Beck U.* Power in the Global Age. Cambridge: Polity, 2005
4. *Castells M.* The Power of Identity. Oxford: Blackwell Publishers, 1997.
5. *Delanty G., Rumford C.* Rethinking Europe: Social Theory and the Implications of Europeanization. Oxon: Routledge, 2005.
6. *Gilbert P.* The Philosophy of Nationalism, Boulder, Colorado: Westview Press, 1998.
7. *Guibernau M., Hutchinson J.* Understanding Nationalism. Cambridge: Polity, 2001.

8. *Hechter M.* Containing Nationalism. Oxford: Oxford University Press, 2000.
9. *Held D., McGrew A.* Globalization Theory — Approaches and Controversies. Cambridge: Polity, 2007.
10. *Hutchinson J.* Nations as Zones of Conflict. L. Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 2005.
11. *Kaufmann E.* The lenses of nationhood: an optical model of identity// Nations and Nationalism. 2008. 14 (3). P. 449-477.
12. *Miller D.* Citizenship and National Identity. Cambridge: Polity Press, 2000.
13. *Prazniak R., Dirlik A.* Places and Politics in an Age of Globalization. Lanham, Boulder, N. Y. and Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 2001.
14. *Sassen S.* A Sociology of Globalization. N. Y. and L.: W. W. Norton & Company, 2007.
15. *Scholte, J. A.* Globalization — An Introduction. N. Y.: Palgrave, 2005.
16. *Smith A. D.* Nationalism — Theory, Ideology, History. Cambridge: Polity, 2001.
17. The Global Transformations Reader — An introduction to the Globalization Debate/ eds. by D.Held, A.McGrew. Cambridge: Polity, 2003.
18. Theorizing Nationalism/ ed. by R.Beiner. Albany: State University of New York Press, 1999.
19. *Touraine A.* A New Paradigm for Understanding Today's World, Cambridge: Polity, 2007.
20. *Urry J.* Global Complexity. Cambridge: Polity, 2003.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: РЕЛЕВАНТНОСТЬ ИДЕНТИЧНОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Рудольф Ризман

Философский факультет Университета в Любляне; Словения

В статье обсуждаются концепции идентичности в эпоху глобализации. Автор предполагает, что даже если национальные государства действительно клонятся к упадку, возрождение этнических и других идентичностей является весьма вероятным.

Ключевые слова: глобализация; неопределенность; регионализация; идентичность; национальное государство; этническая принадлежность.

УДК 316.4

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ПАРТИКУЛЯРНЫХ СТРУКТУР И МЕТОДОЛОГИЯ КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА

А.И. Лойко

В статье рассматриваются особенности социальной динамики на уровне партикулярных структур. Показаны особенности эволюции локальных социальных образований в условиях глобализации. На данном этапе модернизации общества доминируют акценты самостоятельной инновационной политики. В этом направлении решения задачи активно используется методология кластерного подхода. Она имеет институциональное выражение и формулируется на уровне конкретных программ деятельности. Для Беларуси и России принципиально важно внедрить эффективный механизм реализации инновационной стратегии деятельности в свете растущего значения евразийского региона.

Ключевые слова: социальная динамика; партикулярность; кластер; инновационная деятельность.

Введение

В поисках эффективных решений использования ресурсов, науки, человеческого капитала находится большинство государств мира, региональных экономик, поскольку долговая стратегия развития подошла к таким объемам задолженностей, которые превышают допустимые пределы от ВВП. Вследствие этого долговой фактор превратился в проблему, затрагивающую фундаментальные принципы экономической безопасности. Снижение долгового бремени многим странам видится в мерах жесткой экономии. Однако такой путь чреват социальными протестами, ростом радикальных настроений в обществе, примером чего могут служить арабская североафриканская дуга, слабая периферия Евросоюза. Но есть государства, которые придерживаются инновационного пути развития, в рамках которого они решают задачи замещения импорта, диверсификации, наращивания экспортного потенциала, институциональных реформ.

Очевидные успехи этих стран не остались без внимания белорусской политической элиты, увидевшей эффективность подобного пути на примере китайской экономики, с которой активно развиваются кооперационные связи. В итоге долговая стратегия развития Беларуси

стала трансформироваться в инновационную стратегию. В рамках ее реализации была создана инфраструктура, в которой важную роль играют научно-практические и научно-технические центры, фонды поддержки предпринимателей, центры трансферта технологий, технопарки, консультационные и информационные центры, венчурные структуры, инновационные сети [6]. Инновационные ресурсы позволили государству реализовать модернизацию промышленного сектора до уровня глубокой переработки местного сырья. Созданы высокопроизводительные сырьевые зоны, и, как результат, экспортный потенциал экономики вырос до объемов, сопоставимых с размерами импорта. Вместе с тем достигнутый уровень положительного сальдо в торговле с мировой экономикой не является оптимальным для обеспечения устойчивого развития белорусского общества, экономической безопасности. Для его наращивания существуют внутренние ресурсы. Они связаны с эффективным использованием потенциала модернизации [5]. Один из способов — институциональный. К нему обратились многие высокоразвитые экономики, поскольку вопросы экономической национальной безопасности становятся ключевыми на фоне интеграционных процессов. Это связано с тем,

что наибольшими выгодами от кооперации пользуются государства, имеющие эффективную организационную структуру на уровне образования, научных исследований, разработок, внедрений, массового производства. Фактически речь идет о полном инновационном цикле, в рамках которого контролируются основные этапы деятельности, обеспечивается устойчивость экономических показателей, работают коммерческие принципы интеллектуальной деятельности, когда научная мысль должна быть спроецирована на коммерческий результат.

Интегрально подобные структуры обозначаются как кластерные структуры. Они локализованы отраслевым, межотраслевым, региональным признаками [8]. У них нет четких юридических границ типа холдинга, концерна, компании. Их объединяет сопряженная институциональная база в виде определенных стыковочных сегментов деятельности. Такими полномочиями наделяются учебные заведения как центры наибольшего благоприятствования инновационной деятельности, промышленные структуры в модификации холдингов, научно-производственных объединений, маркетинговые, консалтинговые, инжиниринговые компании.

В статье формулируется задача разработки методологии кластерных структур, с тем чтобы придать этому новому направлению деятельности теоретическое обоснование. Риски, конечно же, неизбежны, но они могут быть минимизированы с учетом опыта первопроходцев данной методологии. Национальные экономики кластерного типа в лице североамериканских и европейских структур свидетельствуют об оправданности этих рисков, поскольку указанные экономики оказались наиболее устойчивыми в условиях глубокого структурного кризиса мировой экономики. На примере Евросоюза конструктивную роль демонстрирует экономика ФРГ, которая является крупнейшим кластером технологической деятельности. В евразийском региональном экономическом пространстве кластерными признаками обладает российская экономика, которая смогла сохранить научный

ресурс, высокотехнологичный сектор, обеспечивающий геополитическую безопасность региона. В России интерес к методологии кластерного подхода сформулирован на уровне решения стратегических задач модернизации экономики [4]. В рамках концептуального подхода разработчиками проекта определены ключевые понятия инновационного кластера, сетевых связей, институциональной реформы, инструментов государственного регулирования, инновационной активности, инновационной программы, кластерной сети. Для Беларуси, как и для России, кластерная методология имеет принципиальное значение как основной механизм эффективного использования потенциала модернизации с учетом ограниченных природных ресурсов. В рамках регионального объединения все национальные экономики должны демонстрировать устойчивость, способность управлять, на равных участвовать в региональной кооперации.

1. Эволюция социальных субъектов модернизации в условиях глобализации

В XX столетии в отечественной философии была разработана концепция деятельности, которая отражала ее основные сферы, связанные с производством и технологиями, наукой и образованием, политикой, общественной психологией [3]. Системный метод позволил структурировать активность человечества в рамках культуры и связать ее с функционированием категориальных структур, выполняющих функции программ деятельности. Эти программы деятельности формируют содержание технологической цивилизации.

Территориальная дифференциация человечества, обусловленная международным разделением труда, географическим фактором, способствовала возникновению национальных систем деятельности, ориентированных на динамическое равновесие в условиях становления коммерческих структур, связанных с рисками и стратегией получения максимальной прибыли. Возникшие в национальных границах и окрепшие до уровня международной деятельности коммерческие структуры, представленные ком-

паниями, создали механизм национальных интересов, далеко выходящих за границы собственных государств. При этом национальные государства стали основными гарантами геополитических интересов окрепших транснациональных структур. Вследствие этого в политической сфере глобализация сопровождалась процессами колониализма и неоколониализма. Метрополиям приходилось дотировать огромные территории ради сохранения у власти лояльных политических режимов.

После Второй мировой войны стратегия глобализации изменилась. Компании стали искать способы снижения издержек производства, увеличения прибыли за счет рабочей силы. Приоритет отдавался оффшорингу и аутсорсингу. Эти методологии позволили найти рынки дешевой и одновременно квалифицированной рабочей силы. Значительные по объемам производственные мощности были созданы в Индии, КНР, Юго-Восточной Азии, на Дальнем Востоке, юге Африки. Производимые артефакты потребительского назначения направлялись в виде товарных потоков в США, Канаду, страны Евросоюза. Высокотехнологичные метрополии практически полностью сосредоточились на инновационной деятельности и за короткое время индустриальный сектор деятельности дополнился постиндустриальным, а затем и информационным. К высокотехнологичной группе стран — организаторов глобализации в новой ее модификации стали приближаться Бразилия, Россия, Индия, КНР, в национальных границах которых сформировались компании, холдинги, осуществляющие региональную деятельность. Однако эти компании пока не располагают ресурсом полного инновационного цикла. Поэтому они поставляют высокотехнологичным экономикам Запаदा сырье, полуфабрикаты, которые в последующем становятся товарами с высокой добавленной стоимостью.

Вне взаимоотношений старых и новых коммерческих структур остались регионы, которые не располагают человеческим капиталом в виде квалифицированной рабочей силы. Компании, осуществляющие деятельность на территории этих регионов, занимаются разработ-

кой месторождений полезных ископаемых, вывозом сырья для переработки в индустриальных регионах. Существующие правила деятельности в глобализирующейся экономике делают аграрный и промышленный комплексы Беларуси крайне привлекательными для высокотехнологичных регионов, в первую очередь вследствие наличия высококвалифицированной рабочей силы, инженерных кадров. Проблема для Запада состоит в том, что национальная экономика не настроена на функции оффшоринга и аутсорсинга, индустриальной периферии. Беларусь стремится стать участником высокотехнологичного клуба государств. Это стремление не абсурдно, поскольку есть примеры, связанные с Японией, Южной Кореей, Финляндией. Тонкость современной экономики заключается в сопряженности методологий глобализации и локализации.

2. Локализация социальной динамики на уровне инновационных центров деятельности

Политику высокотехнологичных государств формируют коммерческие интересы компаний и банковских структур. Этот потенциал локализован в виде национальных кластерных структур, располагающих насыщенной инфраструктурой и коммуникациями, человеческим капиталом, требующим соответствующего образа жизни. Фактор локализации в данном случае играет ключевую роль, поскольку от него зависит глобализация как определенная технология получения максимальной прибыли на стадии массового производства, где доля инновационных функций сводится к минимуму. Задача сводится к уровню конкретных операций и действий в пределах технологического процесса. Отмеченные особенности глобализации свидетельствуют о том, что она была подготовлена исторически в определенных центрах инновационной деятельности.

Один из первых инновационных центров деятельности возник в Англии в XVIII столетии. Он создал основу для глобализации интересов британских производителей. Они нуждались в новых рынках сбыта промышленной

продукции. Аналогичную стратегию освоили Нидерланды, Франция, Бельгия. Однако их возможности были ограничены более слабым технологическим ресурсом. Поэтому Франция не смогла сохранить политическое влияние в Северной Америке и буры в Южной Африке. В Северной Америке возникла уникальная ситуация трансформации англоязычных колонистов в американскую идентичность. В результате в США, Канаде стали формироваться инновационные структуры, которые достигли значительной капитализации за счет военных поставок в Европу. Их потенциал открыл им путь к активной международной деятельности. Региональная стратегия США трансформировалась в транснациональную и геополитическую.

Россия и Япония приложили немало усилий в XX столетии для формирования национальных инновационных структур. Геополитические амбиции США и России в рамках региональных программ индустриальной, военной помощи союзникам по военным блокам способствовали, на основе плана Маршалла, быстрому восстановлению регионального потенциала Западной Европы. На основе программ Совета экономической взаимопомощи был сформирован инновационный потенциал стран Восточной Европы, КНР. Индия традиционно входила в число стратегических союзников России и получала технологическую и военную помощь в целях создания индустриальной инфраструктуры. Не остались без внимания США послевоенные экономики Японии, Южной Кореи, Тайваня, Юго-Восточной Азии. Высокотехнологичные британские колонии трансформировались в государства, лояльные британской короне. Особые отношения стратегического партнерства сохраняются между США и Соединенным Королевством. Несмотря на то что в европейском регионе произошли территориальные государственные изменения, инновационные национальные ресурсы сохранились. Часть из них вошла в Европейский союз, другая интегрируется в евразийское сообщество наций. Украина пока остается на распутье.

3. Синтез локальных и глобальных интересов общества на уровне регионализма

Кооперация национальных инновационных инфраструктур на основе региональных программ является важной, поскольку создает условия для научных контактов, формирует интеллектуальные ресурсы, обеспечивает координацию. Именно на границе локального и глобального возник эпицентр интереса к комплексу проблем, что и обусловило необходимость разработки соответствующей методологии. Конструктивную роль сыграли подходы, предложенные в рамках эволюции теории модернизации.

Понятие глокальности стало одним из ключевых и методологически важных. «По глокальному критерию разнятся страны, города, регионы, организации и отдельные индивиды. Анализируя их, конечно же, можно говорить о неравномерности их развития по отношению друг к другу и неравномерности их статусов, но такое сравнение сегодня уже не образует символического капитала и вряд ли может использоваться солидаристически — в политическом ли смысле, или при формировании новых идеологий развития.

Идентичность места сегодня, скорее, детерминирована глокально, то есть структурирована пространственно, нежели предопределена логикой символического времени» [7, с. 67].

В качестве нового «мотора» современности специалисты выделяют глокальную (глобально-локальную) бинарность, в рамках которой любое глобальное ускорение, основанное на открытости локальных мест информационным и финансовым потокам, «провоцирует на местах обратный процесс искусственного социального «конструирования» локально-культурной самобытности, порождающей новое, для конца столетия, явление — «коммунитарный фундаментализм» [7, с. 70].

Р.Робертсон в связи с этим говорит о завершении эпохи простой модернизации, под которой понималась ситуация вестернизации мира, основанная на универсалистских законах символического времени. Лидер задавал обра-

зец, а остальные участники процесса его копировали. Более сложная дивергентная модернизация трактуется им как глобальное пространство непрерывно растущих партикулярностей [1, с. 28-29].

Поскольку сохранение глобализационной и модернизационной динамики зависит от формирующейся территориальной партикулярности, то весь интерес социологии сконцентрирован на гетерогенных концепциях модернизации. В них фиксируется тенденция ускорения социального времени, его сжатия, фрагментации социального пространства. Внутри бинарного глобального мира формируются принципиально новые жизненные стратегии и культурные практики. Они реальны постольку, «поскольку общецивилизационный порядок и легитимность мировых потоков поддерживаются глобально. Если что-то нарушается на локальном уровне, то это, как правило, неизбежно приводит к последствиям глобального масштаба, не говоря уже об обратной зависимости локальных сообществ от любых глобальных изменений» [7, с. 69].

Глобализационные вызовы интегрируют национальные экономики в пространство региональной кооперации. По такому пути идет Евросоюз, государства СНГ, латиноамериканские государства, страны тихоокеанского региона. Это не просто сложение экономических показателей отдельных государств. Речь идет о формировании региональной политики, дающей право голоса в решении мировых хозяйственных проблем. К этому показателю самостоятельности добавляется стремление национальных государств определенного культурно-исторического типа иметь основу инновационной безопасности.

4. Методология кластерного подхода

Глобализационные процессы неизбежно инициируют идентификационный поиск мест в виде экономических кластеров, под которыми понимается совокупность сопряженных производств и научно-технических организаций, способных обеспечить выход продукции в режиме глубокой переработки сырья, соответ-

ствующей международным стандартам качества. Экономический кластер нельзя смешивать с производством в условиях оффшоринга и аутсорсинга, поскольку в последнем случае речь идет о производственных площадях, используемых для выгодного размещения заказов на изготовление продукции вследствие дешевой рабочей силы. Таким образом, глобализация формируется разнообразием непрерывно растущих партикулярностей. Одной из таких партикулярностей стала Беларусь. Заявка мировому сообществу на самостоятельность инновационной деятельности требует подтверждения в виде сбалансированной экономики, поскольку содержание глобализации практически полностью определяется задаваемыми партикулярными структурами показателями роста, конкурентоспособности, самостоятельности и самодостаточности. Растущие партикулярности формируют устойчивое основание мировой экономики, что видно на показателях роста экономики КНР и их влиянии на биржевые показатели. Наибольшие проблемы глобализации создают государства, не имеющие самостоятельно выработанной партикулярной стратегии. В Евросоюзе это в большей степени относится к Греции, Португалии, Испании, Ирландии, Италии.

Под самостоятельной партикулярной стратегией мы понимаем стремление государств к созданию национальных кластеров, формирующих базис инновационной деятельности и инфраструктуры. На технологической основе происходит синтез интересов компаний и научных структур. В результате человеческий капитал приобретает ведущее значение, а с ним и партикулярность. Беларусь начала в государственной политике сочетать глобальное и локальное под влиянием объективных причин, вызванных необходимостью снижения рисков во внешнеэкономической деятельности. Диверсификация стала важным механизмом решения задачи. Был изучен ресурс многих рынков в контексте кооперации деятельности по отдельным направлениям ресурсов, технологий, товаропроводящих путей. Образец задал глава государства, который на уровне полити-

ческих решений заложил основы перекрестной логистики, в рамках которой многократно возрастает потенциал кооперации экономик и территорий, отдаленных друг от друга по расстоянию. Стало понятным, что содержание глобализации могут формировать не только транснациональные корпорации и связанные с ними государства. В определенных узловых точках мировой экономики два механизма глобализации соприкасаются, что усиливает потенциал кооперации на основе разнообразия партикулярностей. Этот потенциал может стать ключевым фактором достижения мировой экономикой динамического равновесия. Функцию узловой сигнальной точки, наряду с американской и европейской экономиками, активно выполняет китайская экономика, где партикулярности находятся в наибольшем соприкосновении по основным параметрам деятельности и где идеология оттеснена на второй план. Подобная роль создала для КНР уникальный ресурс. Этот ресурс используется Беларусью в рамках функционирования технопарка, созданного на базе Чаньчунского университета и Белорусского национального технического университета. Однако трансграничные возможности партикулярных структур должны иметь локальное ядро региональной кооперации.

5. Роль культурно-исторического типа в формировании сопряженных партикулярностей

Растущие партикулярности формируют разнообразные кооперационные структуры, интенсификация отношений между которыми характеризуется определенной стадийностью. В начальной стадии кооперации участники заключают преференциальные торговые соглашения, вводящие снижение внутри формируемого рынка тарифов по сравнению с тарифами на товары и услуги, действующими во взаимоотношениях с другими государствами. На второй стадии межгосударственной кооперации, связанной с созданием зон свободной торговли, отменяются тарифы на товары и услуги стран-участниц. При этом каждое государство сохраняет автономность таможенной политики по

отношению к другим участникам мировой экономики. Таможенные пошлины для участников кооперации могут сохраняться на часть товаров, по которой идут активные переговоры. Третья стадия отражает интеграционную динамику в рамках таможенного союза. В данном случае государства достигают соглашения об отмене национальных таможенных тарифов и введении единых таможенных пошлин и методов нетарифного регулирования в отношении других государств. Внутри союза действует режим беспошлинной торговли, оказания услуг. На четвертой стадии интеграции государства приходят к общему региональному рынку. Он дает возможность проведения единой таможенной политики, снимает ограничения на движение ресурсов, связанных с факторами труда и капитала. Рыночная интеграция позволяет перейти к интеграции политической, в рамках которой национальные государства делегируют согласованные функции наднациональным структурам. Как показывает процесс европейской интеграции, это самый сложный этап, поскольку он предполагает делегирование полномочий в принятии решений и соответствующее финансирование этих решений за счет национальных экономик. Парадокс феномена партикулярностей состоит в том, что глобализация сопровождается региональной локализацией, в рамках которой разнородные экономики находят общие интересы и создают необходимую критическую массу солидарности для действий в условиях глобализации. На планете трудно найти национальную экономику, которая бы не была включена в процессы кооперации. Беларусь в данном случае не является исключением.

Таким образом, локальное и глобальное взаимодействуют на разных уровнях кооперации. При этом значение национальных экономических кластеров только возрастает. Это объясняется тем, что кооперация основана на эффекте суммативного действия. Национальные экономики получают преимущества от снятия барьеров, а национальные государства формируют финансовые стабилизационные фонды, гарантирующие деятельность коммер-

ческих структур в новых условиях. На финансовую помощь доноров могут положиться и национальные государства, поскольку речь идет об их способности нести обязательства перед региональными участниками кооперации на уровне коммерческих структур. Подобный механизм активно осваивает Евросоюз. Философия региональной политики формулируется в форме тезиса о единой европейской семье, доме.

Россия, Казахстан, Беларусь интегрированы идеей евразийского союза. Эта идея, как показал Л.Н.Гумилев, формировалась естественной историей региона. Ее результатом стал определенный культурно-исторический тип [2, с.21]. Содержание этой истории формировали процессы этногенеза, совместимости различных этнических групп в пределах конкретной природно-ландшафтной локальности. Границы Евразии определились к XIX столетию, когда великорусский суперэтнос вышел к границам других природно-ландшафтных комплексов и прекратил движение в их направлении вследствие нарастающего сопротивления этнических групп, находившихся под влиянием других культурно-исторических типов.

Эта особенность формирования евразийского региона показывает, что на фоне систематично внедрявшегося в общественное сознание европоцентризма работали другие механизмы. Они фиксируются понятием идентичности. Периоды политической раздробленности не тождественны распаду партикулярности. Они являются лишь способом ее эволюции через динамический хаос и самоорганизацию. Даже в самые сложные периоды политической раздробленности евразийские народы сохраняли приверженность региональному культурно-историческому типу. Это позволяет малонаселенным огромным территориям демонстрировать лидерские амбиции во взаимоотношениях с другими партикулярностями. И именно этот приоритет всякий раз детерминирует интеграционную динамику не столько политического характера, сколько кластерного, в рамках которого решаются задачи геополитической, инновационной безопасности. Это видно на содер-

жании разногласий между участниками евразийской интеграции. Они отсутствуют в вопросах борьбы с терроризмом, геополитическим давлением на государства евразийского региона. Разногласий нет на уровне военного сотрудничества.

Вышесказанное свидетельствует о том, что партикулярная структура имеет иерархическую структуру, представленную цивилизацией, локализованной конкретным природно-ландшафтным комплексом, культурно-историческим типом этнических контактов, а также национальным государством, призванным решать задачи нации в тех условиях, что заданы естественной историей. Для Беларуси эти задачи сопоставимы с прорывом в новое качество деятельности, которое будет формировать человеческий капитал на основе методологии кластерного подхода. Именно такую задачу на национальном уровне формулирует для себя Россия. Все это свидетельствует о синхронности процессов, формирующих содержание социальной динамики в евразийском регионе.

Список литературы

1. *Robertson R.* Glokalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // *Global Modernities/ eds. by M.Featherstone, S.Lash, R.Robertson.* L.: Sage, 1995. P. 25–44.
2. *Гумилев Л.Н., Панченко А.М.* Чтобы свеча не погасла: Диалог Л: Советский писатель, 1990. 128 с.
3. *Запесоцкий А.С.* Теория культуры академика В.С. Степина: лекции, прочитанные студентам СПбГУП в мае — сентябре 2010 года. — СПб.: СПбГУП, 2010. 112 с. (Избранные лекции Университета. Вып. 115).
4. *Инновационное развитие — основа модернизации экономики России: Национальный доклад // ред. совет В.П. Евтушенко, С.В. Кириенко, А.Б. Чубайс.* М.: ИМЭМО РАН, ГУ — ВШЭ, 2008. 168 с.
5. *Лойко А.И., Канарская В.И., Фототова Э.А.* Эффективное использование потенциала модернизации. Минск: БНТУ, 2011. 148 с.
6. *Национальная инновационная система Республики Беларусь / руководитель проекта С.С. Сидорский.* Минск: ГУ «БелИСА», 2007. 112 с.
7. *Согомонов А.Ю.* Глокальность (Очерки социологии пространственного воображения) // Гло-

бализация и постсоветское общество М.: Стони, 2001. С. 60–79.

8. *Четырбок Н.П.* Формирование региональных кластерных структур на базе технических университетов (на примере Брестской области)//

Интеграция учебного процесса в технических университетах с инновационной деятельностью предприятий: материалы научно-методического семинара. Минск: Тесей, 2008. С. 166–169.

SOCIAL DYNAMICS OF PARTICULAR STRUCTURES AND METHODOLOGY OF CLUSTER APPROACH

Alexander A. Loiko

Belarusian National Technical University; 127-119, Vostochnaya str., Minsk, 220113, Belarus

The details of social dynamics are discussed from the point of particular structures. Evolution of the local social elements under the conditions of globalization is considered. It is shown that today the fractional innovative politics determines the modernization process. The methodology of cluster approach is being utilized in order to solve this problem. This methodology has an institutional character; it is being formulated at particular activity programs. The growing influence of Eurasian region leads to the importance of innovative mechanisms for Belarus and Russia.

Keywords: social dynamics; particularity; cluster; innovative activity.

УДК 316.16:141.7

МИФИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАРТИНЫ МИРА**А.И. Шафоростов**

В статье рассматривается роль мифической составляющей в построении картины мира. Выдвинута гипотеза о том, что миф связан с формированием индивидуальной «окраски» картины мира. Рассматривается природа мифической веры. Показано влияние мифа на внутренний мир человека. Сделан вывод о том, что миф является необходимым элементом построения картины мира.

Ключевые слова: миф; картина мира; реальность; вера; внутренний мир; личность.

Обращение к рассмотрению картины мира с точки зрения выявления в ее структуре элементов мифа как необходимой составляющей компоненты связано с тем, что сегодня, при рассмотрении связи человека с миром, включенности человека в социум, природы идентификации человека, все чаще обнаруживается проблема, которую в общем виде можно определить как потеря чувства реальности. Имеется в виду все более заметное несоответствие образа воспринимаемой реальности с объективным состоянием реальности, следующий отсюда отрыв человека от реальности, и в итоге — потеря чувства реальности, к сожалению, далеко не всегда осознаваемая самим человеком. Эта проблема все чаще привлекает внимание исследователей [4; 5], и в этом контексте нас интересует вопрос о связи мифа с восприятием реальности, конкретнее, с картиной мира. Обращение к мифу объясняется достаточно просто — именно миф традиционно оценивается как форма восприятия мира, которой в максимальной степени присущи фантастичность, стихийность, алогичность и т.п. — т.е. все то, что искажает реальность. Однако такое возможное решение проблемы потери чувства реальности, как борьба с мифом, вытеснение мифа из картины мира современного человека, представляется не совсем правильным. Во-первых, сегодня миф все чаще обнаруживается в самых различных сферах общественного сознания, включая науку [18]. Во-вторых, как нам представляется, — и это составляет основной

предмет нашего рассмотрения — именно мифологический компонент во многом определяет индивидуальный характер переживания бытия, придавая тем самым индивидуально-личностную окраску картине мира.

Картина мира не является жесткой системой, в ней вполне допустимы такие компоненты, которые самим субъектом картины мира квалифицируются как заблуждения, предрасудки и суеверия, идущие или от старых мировидений, или от ино-культурных. Важно отметить, что присутствие в картине мира таких «нереальных» (т.е. осознаваемых самим субъектом именно как не соответствующих действительности) компонентов — это не просто свидетельство изменчивости картины мира. Включаемые в картину мира нереальные компоненты несут определенную смысловую нагрузку — они призваны показать, *как можно неправильно видеть мир*. Так, изучая окружающий мир, школьники на первых же уроках знакомятся с *неправильными* взглядами на мир древних как раз для того, чтобы не повторить их ошибки. При этом *неправильные* знания древних *усваиваются* школьниками, хотя и в качестве *неправильных*, и находят свое (причем постоянное) место в картине мира. Примечательно, что любая картина мира (научная, религиозная, художественная, обыденная) включает набор тех заблуждений, которые обеспечивают (оттеняют) *правильный* взгляд на мир.

Таким образом, обращение к мифу как индивидуализирующему компоненту заключается

не в обнаружении в структуре внутреннего мира мифических образов с ясно обозначенным для самого субъекта их мифическим характером. Такие образы можно обозначить как мифы-объекты, относимые к объективной стороне картины мира. Речь же идет об определенной мифичности самой картины мира в ее субъективном измерении, об участии мифа в построении индивидуальной модели мира, объединяющей разные пласты сознания — от ясных и осознанных смысловых образований до смутных, полуосознанных переживаний и образов. Здесь возможны два вопроса: 1) как миф связан с картиной мира, в чем заключается мифологический компонент картины мира? и 2) в чем заключается связь мифа с внутренним миром человека?

Исходным положением для выявления роли мифа в построении внутреннего мира является утверждение целостного характера мифа. Рассмотрев это положение, мы сможем сравнить целостность мифа и целостность картины мира (насколько соотносимо понятие целостности в применении к мифу с целостностью картины мира?) и тем самым ответить на следующий вопрос: можно ли считать миф одним из необходимых условий функционирования картины мира именно как целостного отражения мира?

Итак, как понимается целостный характер мифа? Во-первых, целостность мифа представлена на уровне *направленности мифа* — сфера мифа охватывает весь мир в целом. Выражается это в том, что миф как модель мира ориентирован на предельную космологизированность сущего [15, с. 162]. То обстоятельство, что в отношении мифологического сознания речь идет о «параллельном мире», который строится самим мифом [7, с. 117], в данном случае не имеет принципиального значения, так как мир мифа для его носителя не менее реален, чем тот, который непосредственно окружает человека. Кроме того, и картина мира, создаваемая современным человеком, не является копией окружающего мира, а направлена на целостный мир, который не дается на уровне чувств именно как целостный (мы видим не сам мир, а только его фрагменты, или «окружающий нас

мир»). Персонажи, образы, действующие силы мифологической картины мира выходят за рамки обыденного опыта, но оба эти мира совмещены в едином пространстве взаимодействия.

Во-вторых, целостность мифа предстает как многоуровневый охват мира, при котором происходит не выделение уровней, а их смешение — что находит выражение в *синкретичности* мифа. Синкретичность проявляется и как невыделенность человека из природы и из общества, и как нераздельность эмоциональной, образной и действенной сфер: это нерасчлененное целое, в котором представлены моменты эстетического (образного), этического (предписывание поведения), познавательного (выделение повторяющихся черт действительности). Основой синкретичности является континуальность мифического сознания: «Образное представление в форме нескольких метафор, где нет нашей логической, формально-логической каузальности и где вещь, пространство, время поняты нерасчлененно и конкретно, где человек и мир субъектно-объектно едины, — эту особую конструктивную систему образных представлений, когда она выражена словами, мы называем мифом» [17, с. 34].

Восприятие мира как целостного есть результат континуальности сознания, коренящейся на первом, досознательном, уровне отражения бытия, где формируются условия возможности сознания: способность видеть мир пространственно-временным, умение связывать события и вещи согласно их логике, переживать свое бытие в мире [9, с. 119]. Континуальность сознания, конечно, несводима только к мифу, но именно в мифе она находит наиболее яркое воплощение.

Средством синкретического восприятия и мышления является символ. Символ синтетичен по своей природе, он представляет нерасторжимое единство чувственного и рационального: образ в нем является идеей, а идея — образом [1]. Символизация есть превращение исходного термина в символ, т.е. такое понятие, которое, во-первых, является более насыщенным различными слоями содержания и смысла, во-вторых, допускает более широкий круг ин-

терпретаций по сравнению с исходным термином.

Поскольку символ представляет собой единство сознательного и бессознательного, логического и алогического, постольку он является средством, позволяющим в большей степени познать личностные смыслы. Наиболее полно и явно символ представлен в мифе. Сами по себе объекты окружающего мира символами не являются, они становятся таковыми только во взаимодействии с человеком, который и превращает их в символы. В этом смысле вся человеческая культура символична.

В-третьих, мифу присуще тесно связанное с синкретичностью *допонятийное мышление*. Допонятийное (прелогическое) мышление опирается на такие эйдетические способности человека, как способность целостно, образно, детально чувственно ощущать окружающий мир. Во многом допонятийный характер мифа определяется тем, что структурообразующей матрицей мифологического сознания является «вербальный реализм»: для мифа сознание и бытие неразличимы, а наименование вещи приравнивает ее к бытию, все описываемое языком достоверно существует [13].

Допонятийность мифа связана с мифопоэтическим мировосприятием. В.М. Найдыш, исследуя личностную модальность мифотворчества, отмечает, что допустимо говорить о мифе как об особой форме сознания, главная функция которой состоит в продуцировании и воспроизведении особенной — мифопоэтической — образности, специфика которой в том, что ее основания самому субъекту «рационально-понятийным образом в полной мере не открываются, не охватываются его рефлексией, они в большей мере переживаются сознанием, но не объясняются и не интерпретируются им» [11, с.515].

Допонятийность мифического мышления, предстающая как наглядно-образное, требует сведения смысловых полей в одну ситуационную плоскость по единому содержательному параметру, которым оказывается личность носителя коллективного опыта. Тем самым допонятийное мышление располагает в ряд то, что в

объективной действительности имеет иерархию, подходит к любому объекту с точки зрения его значимости для субъекта и обращает объект на субъект. При этом субъективность точки зрения носителя мифического восприятия мира выражается в первую очередь в организации бытового пространства [7, с. 93]. Это еще раз подчеркивает тесную связь обыденного и мифологического сознания.

Таким образом, четвертым присущим мифу признаком построения картины мира оказывается *принцип личной вовлеченности*: миф не рассказывается, а переживается. Миф предстает как особая форма целостного отражения бытия и человека в нем, основа которого недифференцированный первичный опыт переживания мира на уровне антропосоциоприродного тождества, что выражается в антропоморфизме мифа. На первый план выходит неявное проецирование на мир тех или иных состояний сознания человека, его цели, интересы, желания — мир видится как продолжение человека.

Но также важно отметить, что принцип личной вовлеченности имеет познавательный аспект: так как содержание переживаний не разворачивается в форму понятия, поэтому оно нерелексивно. Отсутствие же критикорефлективной позиции не дает осуществить разделение на субъект и объект в процессе познания, и поэтому мифическое знание верифицируется ссылками на авторитет, на прецедент, на божественную волю [2, с. 180]. Кроме того, личная вовлеченность в мир на уровне мифического восприятия важна тем, что дает человеку ощущение *само-необходимости*, без чего вряд ли возможна самоидентификация личности.

Принцип личной вовлеченности соотносим с индивидуальным мифом, оказывающим большое влияние на развитие личности в психологическом аспекте. К индивидуальным мифам относится прежде всего тот образ «Я», который человек выстраивает всю свою жизнь и рассказывает его другим, представляя тем самым себя и свою жизнь. Главное содержание индивидуального мифа составляют попытки конкретного человека увидеть именно *свою* жизнь как единую линию, соединить в связную

картину свои представления о своей жизни, о своей судьбе и своей подлинности (что он есть на самом деле) [14]. Поле возможностей, в которых разворачивается процесс идентификации, включает не только будущие, открытые возможности, но и прошлые, закрытые. «Кем бы я мог быть, если бы не...» — такая своеобразная «альтернативная история личности» подчас оказывается не менее, а часто и более реальной, чем действительное настоящее, в которое включен человек. Вопрос заключается в том, можно ли однозначно оценить влияние таких прошлых возможностей только как негативных, уводящих человека от действительности. Или же следует допустить наличие положительного момента: так, мысль о нереализованной в прошлом возможности не уводит, а выводит человека за пределы наличного, дает ему творческий импульс.

При определенных условиях индивидуальные мифы вырастают до качественного нового уровня и возникают индивидуально-мифологические системы. Их отличительный признак — это не просто использование готовых мифологем для оправдания своей линии жизни, но создание хоть и вымышленного, но, тем не менее, самостоятельного мира (так, говорят о «мире Достоевского»). Основное свойство мифа — натурализация, стремление к воплощению. Это становится возможным, когда изменяется направление связи «знак» → «обозначаемая вещь». В результате подобной подмены происходит нейтрализация оппозиции «подлинная — неподлинная реальность», и в качестве подлинной реальности утверждается воображаемая, мифическая, а окружающей действительность начинает восприниматься в качестве формы ее воплощения (так, во время речных экскурсий по Петербургу экскурсовод указывает на дом, в котором «мог бы жить» Раскольников). Так возникают авторские мифологемы.

И последняя, пятая существенная черта мифа, имеющая самое прямое отношение к индивидуализации картины мира — это *именование мира*. «Мифологическому миру присуще специфическое мифологическое понимание

пространства: оно представляется не в виде признакового континуума, а как совокупность отдельных объектов, носящих собственные имена» [16, с. 302]. Можно предположить, что один из способов индивидуализации картины мира на основе мифа будет заключаться в присвоении имен тому содержанию, которое закреплено в коллективной картине мира безлично.

Итак, связь мифологического компонента, присущего обыденному сознанию, и индивидуальной картины мира обнаруживается прежде всего в характере целостности репрезентируемого мира. Это целостность, которая непосредственно переживается субъектом картины мира. Можно сказать, что без мифа обыденность остается именно обыденностью, т.е. реальностью, идущей «мимо» индивида, когда связь человека с миром определяется достижением исключительно одной, бытовой цели — поддержать свое существование. Миф же переживает то содержание, которым наполнена картина мира человека как представителя определенной эпохи и культуры. «Именно миф — иллюзорная и нелепая конструкция с точки зрения внешнего наблюдателя — создает систему тех базовых ориентиров, которые позволяют представителю той или иной культурной общности твердо знать, каким факторам окружающего предметного мира следует отдавать предпочтение» [7, с. 57]. Эта перестройка, затрагивающая иерархию социальных смыслов, во многом искажает видение мира человеком, но главное, что она дает индивиду, — возможность ошутить себя центром мира.

Но это ощущение возникает только на основе причастности к коллективу. Миф — это прежде всего включенность в коллектив, что находит выражение в его особых функциях. Во-первых, это *энергийная* функция. Миф «связывает и канализирует социальную энергию» [6, с. 205], направляет ее на конституируемые объекты, тем самым миф соединяет намерение с объектом, субъекта с объектом. Во-вторых, такая функция мифа как *созидание коллективов*. Коллективы возникают потому, что мифы обеспечивают специфическую в каждом кон-

кретном случае координацию восприятия и поведения многочисленных разрозненных индивидов. В-третьих, функция *формирования идентичности*. Обеспечивая специфическую для коллектива координацию восприятия и поведения, миф формирует коллективную идентичность. Она реализуется через ценности и нормы, которые есть, с одной стороны, орудия единения коллективного субъекта с объектом, а с другой — орудие соединения представления с поступком. В-четвертых, функция *воспроизведения коллективной идентичности*. Сохранение мифа представляет собой условие сохранения коллективной идентичности, и его исчезновение ведет к распаду соответствующих коллективов [6, с. 157-158]. Поэтому все-таки не стоит преувеличивать значение мифологической составляющей в формировании индивидуальной картины мира: миф придает только индивидуальную «окраску» картине мира, которая по своей природе коллективна.

Отмеченная выше существенная черта мифа, *континуальность*, в отношении внутреннего мира может пониматься как отсутствие *точки субъективности*, в которой порождается *свое* мировоззрение, своя воля и свобода. Уровень обыденного сознания характеризуется уже гораздо более высокой степенью структурированности, проявляющейся и в разделении противоположностей в когнитивной сфере, и в разделенности индивида и социума. Это создает основу для возникновения «точки выбора», развитие и реализация которой приводит к формированию индивидуального сознания.

Особо следует выделить творческий аспект мифа, несомненно, имеющий непосредственное отношение к формированию индивидуально-личностного измерения картины мира. Существует понимание мифа, связывающее его с реализацией творческого начала в человеке. Согласно этому подходу, в наиболее отчетливой форме изложенной у Я.Э. Голосовкера [3], миф — это мир, где царствует воображение. Важно то, что под воображением предлагается понимать не только и не столько известную способность нашей психики, сколько некую, единственную в своем роде, фундаментальную спо-

собность глубинного постижения бытия и культурного творчества, *способность постижения абсолютной истины*.

Миф, согласно Голосовкеру, строится по законам особой логики — «творческой логики человеческого воображения», открывающейся нам «как дар комбинирования и как дар познания». Оба эти «дара» тесно переплетены, и разделять их нет необходимости, тем более что если сделать это, то разрушится «логика чудесного», лежащая в основе мифа и составляющая его специфику. «Миф» — это особая пограничная зона, в которой реальность и восприятие пересекаются.

Я.Э. Голосовкер отмечает, что миф в очень условном смысле может быть соотнесен с обществом и историей, что «логика чудесного в мифе как бы играет произвольно категориями — временем, пространством, количеством, качеством, причинностью» [3, с. 115]. Но все дело в том, что миф и не нуждается в адекватности: в нем есть свой порядок и смысл, и повествование следует им, не допуская ничего бессмысленного. Именно в мифе зародился, оформился и был многосторонне развит особый вид образности — образ-идея, основанный не на какой-то определенной предметности или конкретике вообще, а исключительно на способности воображения. Воображение, принимающее форму мифа, является мышлением особыми *смыслами*, которые даны не как теоретические предпосылки, а как самоочевидность. Ярким примером такого мышления служит философия Платона, демонстрирующая как глубину смысла, до сих пор полностью не раскрытого, так и образность, интуитивную очевидность излагаемого.

Но это не значит, что каждый может с легкостью сочинить новый миф. Отсутствие действующей причинности не исключает особого логического обоснования сверхъестественных явлений. Акт перехода образа из зримого в незримый (например, когда Персей подступает к Медузе в шлеме-невидимке) представим, но причинно не обусловлен и непонятен [3, с. 117]. Поэтому миф — не просто сфера вымысла.

ла, но именно *реальность*, хотя и особенная (мифологическая).

Для понимания этого утверждения необходимо уточнить смысл «реальности». Под реальностью обычно подразумевается то, что воздействует, что оказывает влияние. Но нередко акцентируется и противоположный смысл. Поэтому определение реальности несет в себе два аспекта: 1) то, что способно, больше или меньше, *воздействовать* на нас; 2) то, что способно, больше или меньше, *сопротивляться* нашим желаниям (тема связи реальности и сопротивления была подробно рассмотрена А. Шюцем в работе «О множественности реальности» [19]). Причем в предложенном определении нет осмысления реальности как чего-то обязательно вещественного, каковое связывалось с этим понятием в поздней латыни. Таким образом, миф реален в той степени, в которой он сопротивляется нашему желанию выдумать любую нелепицу и воздействует на наше сознание сверхъестественными возможностями своих героев и мифических предметов.

Творческий импульс, присущий мифу и реализующийся благодаря воображению, создает особое мифопоэтическое мировосприятие, одна из главных особенностей которого, проявляющаяся в различных, не только древних, но и современных культурах, — это присущая мифу «всевозможность», когда в мифе полноправно господствует принцип «Возможно все!». Хотя этот принцип имеет две стороны — положительную для человека и отрицательную, — собственно миф обращен прежде всего к положительным возможностям, утверждаемым мифом.

Период всевозможности — период, когда человек оказывается подобен ребенку в том, что «не только каждый день, но и каждый час он приобретает опыт, совершенно до того незнакомый. И оттого он вынужден непрерывно подстраиваться под будущее, причём под то будущее, которого ещё нет. И в этом смысле сетка мифологического мышления оказывается чрезвычайно удобной именно потому, что она — вероятностная сетка» [7, с. 127]. А.Ф. Лосев называл его законом «универсального оборот-

ничества», замечая, что в мифопоэтике «ни в какой вещи человек не находит ничего устойчивого, ничего твёрдо определённого. Каждая вещь для такого сознания может превращаться в любую другую вещь, и каждая вещь может иметь свойства и особенности другой вещи» [8, с. 12-13].

Творческий аспект мифического восприятия мира заключается в том, что человек благодаря мифу открывает буквально в каждом предмете бесконечные возможности изменения и взаимоперехода. В философии культуры существует точка зрения, согласно которой человеку во все времена сопутствовало убеждение в том, что вещи, с которыми он имеет дело, заключают в себе нечто большее, чем то, что он знает о них на основании своих собственных органов чувств, что ему только видится, слышится, осязается в них. В вещах ему чудится какой-то «тайный» смысл, имеющий для него более важное значение, чем простое знание о вещи [10, с. 305].

Возникает вопрос — присуща ли мифу вера? То, что иногда называют «мифической верой», вряд ли может быть отнесено к вере в подлинном смысле этого слова, так как для мифической веры оказываются характерными такие черты, как внушение, безотчетная эмоциональная уверенность, неспособность выделить свою собственную позицию, ограниченность мировоззрения природным миром. Мифическая вера возникает на уровне коллективного существования и самоутверждения, где индивид с еще неразвитым осознанием своей индивидуальности и слабо выраженным личностным подходом к осмыслению мира и самого себя является, по сути, только частью человеческой общности. В мифе нет противоположности того, кто верит, и того, во что верят, там есть *тождество человека и мира*. Вера же как таковая предполагает принятие каких-либо феноменов в качестве достоверных, исходя именно из субъективных оснований.

Мифическая вера специфична тем, что перед ее *носителем* (не субъектом!) отсутствует потребность в соотношении двух миров — мира повседневной реальности и мира веры — в

единой плоскости, затрагивающей жизненный центр человека. Нерационализуемое императивное самоотождествление с целым характеризует вообще всякую мифореальность [12, с. 75]. Мифическая вера — это *начальная* вера, для которой еще нет *вопроса* о реальности предмета веры. Эта реальность принимается «по умолчанию», естественным образом.

Хотя «мифологическая идентификация» традиционно прочитывается как идентификация с персонажем мифа, в контексте рассмотрения проблемы самоидентификации мифологическая идентификация должна быть понята как создание «мифа самого себя». Основным содержанием «мифа самого себя» является та часть бытия, которую так или иначе человек схватывает и пытается обозначить индивидуальным сознанием и которая не является в полной мере актуально проживаемой жизнью, что предлагается называть индивидуальной мифологией, понимаемой как совокупность разнопорядковых представлений субъекта о себе, позволяющих составить связную картину его представлений о своей жизни/судьбе, своём внутреннем мире и своей подлинности (что он есть на самом деле) [14].

«Миф самого себя», как и вообще миф, оказывается востребованным в XX-XXI вв. благодаря тому, что может «предоставить каждому человеку универсальное пространство персонального и восстановить целостность восприятия мира» [4, с. 76]. Тем самым утверждается прямая связь персональности и мифа.

Состояние, переживаемое человеком изнутри, как часть его бытия, не имея предметной (внешней) определенности, имеет вместе с тем множество вариантов прочтения (истолкования). Проблема в том, что это множество по своей природе бесконечно, что ведет к потере смысла (определенности). Необходимость хоть какого-то выражения и в то же время невозможность использовать готовый смысл (определенность) рождает то неравновесное состояние, которое завершается возникновением мифа. Миф выступает первичной формой вербализации. Да, миф во многом иллюзорен (придуман), но гораздо важнее не иллюзорность

мифа, а то, что это — «точка отсчёта, позволяющая человеку выбрать там, где привычные для животного средства выбора не помогают...» [7, с. 56].

Подведем итоги. Для мифической составляющей картины мира характерно отсутствие индивидуального сомнения и вопрошания относительно содержания веры, так как еще нет основы для такого вопрошания, т.е. выделенности своей позиции, обладания своим смыслом, отличающегося от общей значимости. Миф является необходимым элементом построения картины мира благодаря его способности «очеловечивать» мир, обнаруживать в мире то, что имеет отношение к человеку, может быть ему, человеку, уподоблено, то, что конкретный человек открывает как «свое» и с чем может себя соотнести, идентифицировать.

Список литературы

1. *Аверинцев С.С.* Символ // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энци., 1971. Т.6. С. 827.
2. *Автономова Н.С.* Рассудок. Разум. Рациональность. М.: Наука, 1988. 287 с.
3. *Голосовкер Я.Э.* Избранное. Логика мифа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.
4. *Груздева Е. Н., Калмыкова В. В.* «Властелин колец» как миф постиндустриального, сетевого и информационного общества // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 75-84.
5. *Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* «Кванторная механика» телевидения // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 27-36.
6. *Ионин Л.Г.* Социология культуры: учеб. пособие. М.: Логос, 1996. 280 с.
7. *Лобок А.М.* Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. 688 с.
8. *Лосев А.Ф.* Античная мифология в её историческом развитии. М.: Искусство, 1957. 542 с.
9. *Матяш Т.П.* Сознание как целостность и рефлексия. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1988. 184 с.
10. *Межуев В.М.* Культура как проблема философии // Культура, человек и картина мира. М.: Наука, 1987. С. 270-342.
11. *Найдыш В.М.* Философия мифологии. XIX — начало XXI в. М.: Альфа-М, 2004. 544 с.
12. Очерки социальной философии: учеб. пособие / под ред. К.С. Пигрова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. 292 с.
13. *Режабек Е.Я.* Становление мифологического

- сознания и его когнитивности // Вопросы философии. 2002. № 1. С. 52-66.
14. *Сапогова Е.Е.* Жизнь и судьба: построение индивидуальной мифологии, самопроектирование и субкультура личности // Известия ТулГУ. Серия «Психология». 2003. Вып. 3. С. 195-214.
15. *Топоров В.Н.* Модель мира // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. М., 1992. С. 161-163. Т.2.
16. *Успенский Б. А.* Миф — имя — культура // Избр. тр. М., 1994. Т. 1. С.298-319.
17. *Фрейдберг О.М.* Миф и литература древности. М., 1998. 800 с.
18. *Хюбнер К.* Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
19. *Шюц А.* О множественных реальностях // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С.401-454.
-

THE MYTHICAL WORLD-VIEW ELEMENT

Alexander I. Shaforostov

Irkutsk State Technical University; 83, Lermontov str., Irkutsk, 664074, Russia

In article the role of a mythical component in construction to a world picture is considered. The hypothesis is put forward that the myth is connected with formation of individual coloring of a picture of the world. The nature of mythical belief is considered. Influence of the myth on an interior is shown. The conclusion is drawn that the myth is a necessary element of creation of a picture of the world.

Keywords: Myth, world-view, reality, belief, inner life, personality.

УДК 316.614.5

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛЬЗА МУЗЕЯ ДЛЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ: СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ

Л.А. Хачатрян, А.А. Чернега

Статья посвящена актуальной проблеме современности — роли музеев в жизнедеятельности общества. В ней раскрываются значение и место данного социального института в социализации молодежи, а также приводятся данные социологического исследования по изучению отношения пермской учащейся молодежи к музею. В качестве выводов предлагается ряд практических рекомендаций в адрес музеев.

Ключевые слова: социальная польза; музей; молодежь; социальный институт; функции; актор.

Развитие современного общества не может быть успешным, если оно не хранит историческую память. Интерес исследователей вызывают те социокультурные процессы, которые оказывают влияние на все стороны жизни социума, приводят к социальным изменениям, а также служат основой для развития человеческого потенциала. Одним из акторов в поле социокультурных процессов является музей, задачей которого и является накопление и хранение того, что формирует историческую память людей. Сегодня внимание к данному институту заметно возрастает. Появляются новые виды музеев, требующие творческой деятельности от сотрудников и работников музея: музеи современного искусства, «свободные музеи»; внедряется концепция развития «живого» музея. Показательными примерами здесь могут служить Пермский краеведческий музей, Пермский музей современного искусства, Национальный музей Республики Татарстан (г. Казань), центр современного искусства «ВИНЗАВОД» (г. Москва) и др. Особую роль музей начинает играть в том случае, если его активность выходит за рамки помещения и он начинает расширять социальное пространство путем создания и внедрения в практику разнообразных публич-арт-программ. Так, летом 2011 г. многие музеи г. Перми стали активными

участниками фестиваля «Белые ночи». Во многих регионах России активно рекламируется и проводится ежегодный праздник «Ночь в музее».

Все это позволяет говорить о социальной пользе музея, которую предлагается понимать, во-первых, как ориентацию данного социального института на реализацию актуальных потребностей членов общества; во-вторых, как совокупность ценностных установок, которые формирует музей у его посетителей; и в-третьих, как способность музея быть значимым актором в развитии человеческого потенциала.

Музей как социальный институт выполняет целый спектр социальных функций: образовательную, интегрирующую, коммуникационную, функцию общения поколений, досуговую и др.

Социологический анализ музея позволяет рассмотреть и оценить роль и место данного социального института в процессе социализации молодежи, чему и было посвящено социологическое исследование, проведенное автором статьи в декабре 2011 г. Был проведен опрос учащейся молодежи, одной из самых мобильных социальных групп. В процессе исследования ставилась задача выявить проблемы, с которыми сталкивается современная молодежь при потреблении музейных услуг, какие барье-

---

Хачатрян Людмила Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; hachatryan@psu.ru.

Чернега Артем Андреевич — студент IV курса философско-социологического факультета, Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; chernega_1990@mail.ru.

ры присущи современному музею в области реализации им своих функций с точки зрения учащейся молодежи. Таким образом, проблемой социологического исследования «Музей глазами учащейся молодежи города Перми» стало противоречие между актуализацией и развитием современного музея как социального и культурного актора и отношением к этому процессу учащейся молодежи.

Следует отметить, что исследование является пилотажным, что не позволяет распространить полученные результаты на всю генеральную совокупность. Выборочная совокупность представлена школьниками и студентами г. Перми в количестве пятидесяти человек. Под учащейся молодежью понимаются молодые люди и девушки в возрасте от 16 до 23 лет, которые обучаются в школах, лицеях, колледжах и вузах. В данном случае заметна разница с классическим определением молодежи, по которому лица только старше 18 лет подходят под эту категорию населения [8, с. 44]. Для анкетного опроса был применен стратифицированный отбор [4, с. 211]. Стратификационными признаками послужили возраст и статус учащегося, на основании которых было выделено несколько обследуемых групп: учащиеся одиннадцатых классов школы (16-18 лет); учащиеся первых-вторых курсов вузов, ссузов (18-19 лет); представители четвертых-пятых курсов вузов (19-22 года). Из каждой группы методом случайного отбора было выбрано по 16-17 человек.

При разработке программы исследования были выдвинуты несколько гипотез. Предполагалось, например, что основными интересами учащейся молодежи являются, прежде всего, посещение информационных и развлекательных интернет-сайтов, компьютерные игры, а также встречи с друзьями. Как показало исследование, гипотеза оказалась верной: примерно 80 % респондентов указали и то, и другое. Для более чем 50 % учащейся молодежи досуговые потребности становятся наиболее важными, нежели образовательные (36 %) и культурные (24 %).

В процессе исследования выяснилось, что более половины респондентов обладают знаниями о деятельности ряда музеев г. Перми и Пермского края, но в большей степени молодые люди владеют информацией о Музее современного искусства PERMM, о Пермской государственной художественной галерее, Пермском краевом музее, АЭМ «Хохловка». Помимо этого, около 75 % молодежи понимают и грамотно интерпретируют значение одного из ключевых понятий музееведения — «музейный предмет».

Гипотеза о том, что большинство опрошенных не испытывает интереса к музею, оказалась опровергнутой. В результате опроса выяснилось, что почти три четверти респондентов испытывают в той или иной мере интерес к музеям, причем он выше у студентов, чем у школьников (90 % и 40 % соответственно), а также и то, что место обучения и возраст значительно влияют на интерес к данному учреждению. Была выявлена закономерность: чем выше возраст и статус обучающегося, тем выше степень заинтересованности у респондента в деятельности тех или иных музеев. В то же время для подавляющего большинства студентов это поверхностный интерес, они не стараются углубляться в познание истории музеев.

Средняя частота посещения музеев — один раз в год. Чаще всего молодежь посещает данные учреждения с друзьями, одноклассниками, сокурсниками. А вот с родственниками ходят достаточно редко: менее чем каждый пятый респондент выбирает такую компанию. Самостоятельно ходят в музей только 16 % респондентов, причем это, как правило, студенты. Для половины респондентов кажутся наиболее интересными краеведческие и исторические музеи. Немногим по популярности отстают художественные музеи (40 %). У школьников музеи природы и минералогии (19%) пользуются более высокой популярностью, чем музеи и выставки современного искусства (ни одного школьника), а у студентов — наоборот: 16 % респондентов отмечают музеи современного искусства, 8 % — музеи природы.

Респонденты посещают музеи своего региона по следующим причинам: Пермский край богат в культурном, историческом и природном плане (42 %), а примерно треть опрошенных посещали музей «за компанию».

Исследование показало, что для более чем половины опрошенных музей является домом, через который они могут погрузиться в историю. Около 30 % респондентов сообщили, что видят в музее место, где можно провести досуг, и столько же молодежи указало на роль музея как сокровищницы новых знаний. Представление музея как поля для общения с близкими по интересам людьми и места, где есть возможность почувствовать себя ближе к своему народу и к своей культуре, непопулярны. Примечателен тот факт, что никто из респондентов не указал, что музей для него — «абсолютно ничего не значащее и не дающее ничего места». Разброс полученных в ходе опроса значений, в целом, актуален как для школьников, так и для студентов. Это касается и разброса значений по половому признаку.

Гипотеза о том, что молодежь предпочитает музеям другие культурные учреждения, места и объекты досуга, оказалась полностью верной. Походы в кинотеатры, театры, на концерты, прогулки по историческому центру города представляют больший интерес для молодежи, чем поход в музей. Равно как и отдых в Интернете, в кафе, с книгой, за спортивной игрой более предпочтителен, чем в музее.

К основным причинам низкого уровня посещаемости музеев молодежью можно отнести то, что существуют, по мнению респондентов, «места интереснее» (40 %), а также тот факт, что у людей не хватает времени. Эти причины взаимосвязаны. Свободное время постоянно сокращается, вследствие чего его ценность постоянно увеличивается. Молодежь ищет способ провести свободное время наиболее выгодным и полезным для нее способом. Казалось бы, что может быть «полезнее» похода в музей? Однако исходя из результатов опроса заметно, что посещение такого учреждения для многих респондентов — рискованная трата времени, так как они сомневаются найти там что-либо инте-

ресное для себя, хотя для 75 % респондентов музеи интересны. В конечном итоге, многие отказываются от похода в музей и выбирают надежную, то есть предсказуемую по желаемому эффекту альтернативу проведения свободного времени, при которой можно будет расслабиться [6]. Для более чем половины респондентов оказывается более важным провести досуг, расслабляясь, а «не напрягая мозги» в музее.

Некоторые респонденты не отрицают существования предубеждения о том, что в музей ходят люди с «отклоняющимся», по их мнению, поведением, т.е. чрезмерно увлеченные учебой. Так считает около пятой части опрошенной молодежи. Кстати, преимущественно это школьники, а из школьников — мальчики. Такая позиция объяснима половозрастной психологией [5, с. 249].

Музей часто сравнивается респондентами со «второй школой/вузом». В том числе и поэтому опрошенные указывают на связь учебных программ с музеями, что подтверждает нашу гипотезу, т.к. более 65% респондентов посещали тот или иной музей в учебных целях. Около 30 % респондентов были в музее только в рамках совместного похода с классом, преследуя вполне определенные учебные цели: написание различного рода сочинений по истории и литературе, использование данного учреждения как наглядного примера по теме того или иного учебного предмета (по 35 % респондентов для каждой причины). Четверть опрошенных шли в музей в поисках особой уникальной информации, и лишь отдельные респонденты указали, что в музей они ходили для того, чтобы найти материал для написания исследовательской работы или проекта.

В процессе опроса ставилась задача выявления факторов, активизирующих привлечение молодежи в музей. Более половины опрошенных указали, что этим фактором могло бы стать получение дополнительных знаний. Молодежь в очередной раз подчеркивает традиционную функцию музея как социального института — образовательную. Реализация досуговой функции сталкивается с особыми проблемами. Но-

винки искусства и современной культурной жизни в большей мере притягивают внимание респондентов. Около 20 % пошли бы в музей ради флешмобов, представлений, зрелищ, социальных и рекламных акций. Такое же количество респондентов пошло бы с целью поддержания уровня культурного развития и повышения своего потенциала. Только около 15% респондентов пошли бы в музей ради общения и причастности к определенной группе людей, так называемой «интеллигентной тусовке». Следовательно, функции общения и интеграции, которые может выполнять музей как социальный институт, также имеют невысокую значимость для молодежи.

Анализ ответов респондентов, в сферу интересов которых входит посещение музеев и выставок, по поводу того, чем современный музей может заинтересовать их, показал следующее. Прежде всего, музей может привлечь их новинками искусства и культурной жизни (60 %) и только во вторую очередь — получением дополнительных знаний (30 %). Получается, что частые посетители музеев из числа молодежи видят и хотели бы видеть в них анклавы современной культурной жизни.

Используя методику качественного анализа социологических данных, удалось выявить ряд наиболее значимых групп пожеланий молодежи в адрес музеев.

1. Увеличение рекламы музеев, а также проходящих в них выставок, акций и проектов. Притом такая реклама должна быть ориентирована на каналы, наиболее популярные среди молодежи: социальные сети, студенческие газеты, молодежные издания. Основные формулировки: «...больше рекламы для привлечения посетителей», «...увеличение рекламы и уровня информации в Интернете», «...хотя у музеев недостаточно средств, все же на рекламу новых выставок их нужно найти».

2. Активное взаимодействие музеев с внешней средой. Молодежь предлагает музеям уходить от принципа закрытости. Музей должен быть домом, в который приятно приходить неоднократно. Музей как многопрофильный центр должен не только представлять традици-

онные экспонаты, но и проводить акции, публичные лекции и семинары для людей с разными интересами, обновлять экспозиции. Основные формулировки: «...уход от принципов закрытости», «...в музеях можно проводить открытые лекции по той или иной тематике», «в каждом музее должны быть открытые часы (пример: музей Прадо — каждый день бесплатные два часа)», «...отвечать вызовам времени, и не только современным искусством, обновлять исторические и другие экспозиции с точки зрения современности», «...чаще обновлять экспозиции».

3. В музее должны, как подчеркивают респонденты, работать профессионалы и использовать в экспозиционной деятельности интерактивную технику, тем самым привлекать потребителя современностью. Молодежь предлагает открывать больше необычных и нескучных выставок. Основные формулировки: «...представляйте информацию интересно и разнообразно», «...развивайте техническое оснащение, используйте современную техническую базу», «...создавайте множество интересных выставок, тогда будет из чего выбирать», «...организацией экспозиций должны заниматься профессионалы, так как часто, приходя в музей, создается впечатление, что расстановкой экспонатов там занималась некая баба Люба, техничка с девятью классами образования. Кроме того, особенность русских музеев: на экспонатах вековые слои пыли. В зарубежных музеях к экспонатам более бережное и заботливое отношение. Еще один нюанс: наша страна настолько “богата” культурным наследием, что потеря двух-трех шедевров нам не страшна». Респонденты предлагают также увеличить государственное финансирование музеев, т.к. нынешний уровень финансирования не позволяет им реализовать свой потенциал в полной мере, в том числе и в виде профессиональных и грамотных кадров.

4. Еще одна группа пожеланий заключается в том, чтобы музей привлекал больше молодежи не только в качестве посетителей, но и в качестве сотрудников музеев. Основные формулировки: «...больше молодых экскурсоводов»,

«...привлечение молодежи к организации работы музеев», «...необходимо заинтересовывать молодежь историческими ценностями». Часть респондентов предлагает чаще проводить исследования мнений молодежи по поводу открытий тех или иных выставок, экспозиций, музеев. Следует приглашать к сотрудничеству с музеями представителей молодежных общественных организаций, для того чтобы в оформлении выставки, проведении мероприятия, акции учитывались мнения тех, кто работает с молодежью. Однако нельзя не заметить, что, как правило, респонденты давали ответ «сложно сказать» на вопрос о том, хотели бы они принимать участие в организации и деятельности какого-либо музея. Потому сегодня молодежь все же еще достаточно апатична к процессам становления современного музея.

Таким образом, в ходе исследования выяснилось, что молодежь видит в музее один из самых традиционных социальных институтов. Наиболее четко осознаваемая молодежью функция музея — образовательная. Музей недостаточно формирует то досуговое поле, которое бы хотел видеть молодой посетитель, практически не ориентируется на современную жизнь. Безусловно, какие-то шаги со стороны музеев и в сфере культурной политики делаются в этом направлении. Большинство респондентов испытывают интерес к музеям, однако, как было выяснено, неглубокий. Музеи значительно проигрывают другим культурным учреждениям и объектам досуга.

Опираясь на результаты проведенного исследования, можно сформулировать ряд практических рекомендаций, которые, на наш взгляд, могут способствовать повышению интереса учащейся молодежи к музеям:

- продвижение того или иного музея через Интернет: создание и активное обновление сайта, создание блогов и сообществ в социальных сетях и активное взаимодействие с внешней средой при помощи таких страничек;
- привлечение инвесторов к созданию и развитию интернет-музеев с ориентацией не

только на создание сети российских музеев в Интернете, но и на популяризацию и привлечение молодежи в свой собственный музей за «продолжением экскурсии» в реальности;

- необходимо чаще открывать молодежные выставки (возможно, небольшие), проводить специальные акции и мероприятия, иметь дополнительные способы привлечения молодежи (например, при музее может быть открыто небольшое кафе), т.к. значительное количество свободного времени молодежь тратит на встречи и прогулки с друзьями, походы в кафе и т.п. Цель музея — стать местом встреч или, например, дополнительным объектом прогулки;
- пути дальнейшего развития должны быть связаны с концепцией «живого» музея. Молодежь хотела бы видеть в музее не «слои пыли на полках», а интерактивные элементы, для чего необходимо переходить от принципа закрытости музея к принципу соучастия. Желательно, чтобы каждый посетитель имел право оставлять свой след в экспозиции музея, а не только в книге отзывов (хотя последнее также важно);
- желательно особое внимание уделять привлечению школьников к участию в ежегодном проекте «Ночь в музее». Как показывает опрос, школьники менее, чем студенты, восприимчивы к этому мероприятию;
- музеи могут оказывать поддержку школам и вузам с целью создания и развития школьных/вузовских музеев: как показывают результаты опроса, для более чем половины респондентов были бы интересны такие музеи. В результате такой деятельности музеи могли бы проявить себя за пределами своей собственной организации;
- музей XXI века должен иметь и использовать в своей основе более современную техническую базу;
- следует привлекать к работе в музеях больше молодых людей. Скорее всего, для этого нужно решать и финансовые проблемы, стоящие перед музеями. Это должно

коснуться, в первую очередь, провинциальных музеев.

Стоит обратить особое внимание на то, что внедрение предложенных рекомендаций при условии системного их применения приведет к серьезному повышению социальной пользы музеев и эффективности их функционирования.

Таким образом, вопрос о социальной пользе музея для учащейся молодежи остается проблемным. С одной стороны, молодежь осознает образовательную функцию музея, что позволяет рассматривать данный институт как средство развития человеческого потенциала. С другой стороны, музей для нее не является значимым средством удовлетворения досуговых потребностей. Однако в обоих случаях молодежь призывает музей изменяться с целью увеличения влияния в области формирования человеческого потенциала.

Список литературы

1. Акулич Е.М. Музей как социокультурное явление // Социс. 2004. № 10. С. 89-92.
2. Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г. Концепция человеческого потенциала: основные положения // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / РАН. Ин-т человека; под ред. И.Т. Фролова. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 14.
3. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы: учеб. пособие. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2011. 416 с.
4. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. 2-е изд., исп. М.: Кн. дом «Университет», 2006. С. 211 — 218.
5. Дубровина И.В., Данилова Е.Е., Прихожан А.М. Психология: учебник для студ. сред. пед. учеб. заведений / под ред. И.В.Дубровиной. М.: Изд. центр «Академия», 1999. 249 с.
6. Кудрявцева Н.С. К вопросу о социальной пользе современного музея. [Электронный ресурс]. URL.: <http://credonew.ru/content/view/1015/65/> (дата обращения 09.03.2012).
7. Новосёлов А.М., Чернега А.А. Роль музейного работника в информационном обществе // Человек в информационном пространстве: межвуз. сб. науч. тр. / под общ. ред. Н.В. Аниськиной: В 2 т. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. Вып.10, т.2. С. 234-239.
8. Социология молодёжи: учеб. пособие / под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д: Феникс, 2001. С. 44.
9. Толстова Ю.Н. Анализ социологических данных. Методология, дескриптивная статистика, изучение связей между номинальными признаками. М.: Науч. мир, 2000. 352 с.
10. Чувилова И. «Музеи общества» и общество в музее [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.cultivate.ru/mag/issue1/visitor.asp/> (дата обращения 28.02.2012).
11. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 7-е изд. М.: Добросвет, 2003. 596 с.

A SOCIAL ADVANTAGE OF MUSEUM FOR STUDYING YOUTH: ESSENCE AND PROBLEMS

Lyudmila A. Hachatryan, Artem A. Chernega

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

This article is based of the results of test of sociological research. The common goal consists of some analysis of the role of a museum as social institute for socialization of studying youth of Perm. The conclusion gives some recommendations for museums.

Key words: social advantage; museum; youth; social institute; functions; actor.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия «Вестника Пермского университета» (Серия «Философия. Психология. Социология») принимает к публикации научные статьи, содержащие оригинальные авторские идеи и результаты исследований.

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже).

Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Объем статьи до 1 п.л. (40000 знаков с пробелами). Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Допускаются выделения **полужирным** шрифтом либо *курсивом*, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделении внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Не допускается создание рисунка с помощью функции «Рисование». Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки оформляются в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования с обязательным указанием страниц источника цитирования. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3; 5; 7-10] — на несколько работ. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент источника, в скобках указывают порядковый номер источника и его страницы, разделив их запятой: [1, с. 81] или [1, с. 81-82]. Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. Обязательно указывается: для *книг* — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для *журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для *материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

Статья должна иметь название, сопровождаться индексом УДК, а также краткой аннотацией (не более 10 строк) и ключевыми словами (не более 10 слов) на русском и английском языках. К статье прилагается информация об авторе (все позиции на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес (с индексом), телефон, адрес электронной почты. К статье прилагается рецензия научного руководителя (для аспирантов и соискателей).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Материалы необходимо отправлять по адресу fsf-nir@yandex.ru

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

INSTRUCTIONS FOR ENGLISH SPEAKING AUTHORS

The Editing Committee of *Perm University Bulletin* (Part *Philosophy. Psychology. Sociology*) is admitting scientific articles for publication containing the author's original ideas and research results.

Microsoft Word (Version 2003 and below) is used for the preparation of articles. Family of author (or first of coauthors) is name of this file.

Article is submitted electronically (RTF format). The volume of article is up to 40000 signs with gaps). Page format — A4, margins — 2cm on each side.

The main body of the text is done by "Normal" style: Font — Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1cm. **Boldface** or *Italics* are allowed. Special symbols can be used in the text (Symbol font). There must be a clear distinction between the letter O and zero 0; 1 (one), I (Roman), l (Latin); hyphen (-) and dash ( ). Centuries are written with Roman figures (XIX century). Recommended quotation marks «...», inside the quotations use «...”...”...».

Headings of the main sections of article are done in one style.

Do not use automatic lists. Numbered lists are done manually.

Tables are accompanied by title like «Table № 1. Name of Table». Words in tables should be written in full. Full stop should not be used at the end of headings and units of table.

Drawings should be placed in the text in the form of inculcated objects. Captions are placed under the drawings as «Fig.1. Name of Figure».

Full stop is not used at the end of headings and captions to drawings.

Formulas are done in Microsoft Word Equation, version 3.0 and below.

Bibliography references are done in one format with the indication of the pages from the cited source. Numbers of source and pages are given in [1, p. 23]. Page references are not advisable.

Reference sources are placed in the alphabetical order. Please indicate: for **books** — surname and initials of author, title, city, publishing house, year of publication, volume, number of pages; for **journal articles**, **collections of works** — surname and initials of author, title of article, full name of journal, part, year, volume, number, issue, pages; for **conference materials** — surname and initials of author, title of article, name of issue, date and venue of conference, city, publishing house, year, pages.

At the end of article you can mention the name of the program you were involved in for the implementation of this work, or the name of support foundation.

Your article should be supplemented by a brief annotation (no more than 10 lines) and key words (no more than 10 words) in English and in Russian (if it will be possible).

Your article should have information about author: surname, first name, patronymic name, place of work and position, scientific degree, scientific title, mail address (with postal code), telephone, e-mail address. Post-graduate students should have scientific mentor's reference.

The Editing Board has the right to edit text of article with no change of content, without author's consent.

Materials should be sent to: fsf-nir@yandex.ru

There is no fee for the publication of manuscript

Вестник Пермского университета
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2012
Выпуск 2 (10)

Редактор *С.Б. Русиешвили*
Корректор *Е.И. Григорьева*
Компьютерная верстка *Д.Г. Трунова*
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 30.06.2012. Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 20,34.
Тираж 500 экз. Заказ

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного национального исследовательского университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15